

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
Кафедра современной отечественной истории

Е.В. Луков, Д.Н. Шевелев

**ОСВЕДОМИТЕЛЬНЫЙ АППАРАТ
БЕЛОЙ СИБИРИ:
СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
(июнь 1918 – январь 1920 г.)**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2007

УДК 4(47)084.3(571)
ББК 63.3(2)612 – 414.81
Л84

Рецензент:
Э.И. Черняк, д-р ист. наук

Л84 **Луков Е.В., Шевелев Д.Н.**

Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.) / Под ред. д-ра ист. наук С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 182 с.

ISBN 5-7511-1936-3

Монография посвящена истории создания осведомительных органов антибольшевистских правительств Сибири (Западно-Сибирского комиссариата, Временного Сибирского правительства, Временного Всероссийского правительства и Российского правительства адмирала А.В. Колчака). Подробно раскрывается деятельность информационно-пропагандистского аппарата, дается оценка его работы, и анализируются причины низкой эффективности пропаганды антибольшевистских режимов.

Для исследователей и всех интересующихся историей Гражданской войны в России.

УДК 4(47)084.3(571)
ББК 63.3(2)612 – 414.81

*Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект 06 – 01 – 00317 а)*

ISBN 5-7511-1936-3

© Е.В. Луков, Д.Н. Шевелев, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. осведомительный аппарат Белой Сибири: структура и функции	22
Глава 2. формы и методы пропагандистской деятельности информационно-осведомительных и культурно-просветительных учреждений Белой Сибири	85
2.1. Основные направления работы пропагандистского аппарата сибирской контрреволюции летом 1918 – весной 1919 г.	85
2.2. Деятельность осведомительных и культурно-просветительных органов Белой Сибири во второй половине 1919 – начале 1920 г.	114
Заключение	168

ВВЕДЕНИЕ

Современные тенденции в исторической науке – смещение интереса от серийных событий и массовых явлений к изучению единичного, неповторяющегося, индивидуального; актуализация “микроистории”; расширяющееся использование нарративного (повествовательного) жанра; своеобразная “реабилитация” политической истории и, наконец, повышенное внимание к социокультурной проблематике феномена власти – вносят определенные коррективы в традиционную проблематику исследований, касающихся послеоктябрьского периода отечественной истории. Все это дает возможность для более объективного подхода к изучению нашего прошлого, позволяет по-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо известные сюжеты.

В этой связи расширение тематики работ по истории белого движения, наметившееся в конце 1980 г. – 1990-х гг. не случайно. Как верно заметил американский историк П. Кенез, для того чтобы понять причины победы коммунистов в гражданской войне, “недостаточно изучить планы и политику большевиков, надо также исследовать характер антибольшевистского движения”¹. Аналогичное мнение высказал и другой западный автор, Д. Эдельман: “Надо как можно лучше разобраться в том, кто такие белые, – писал он, – почему политическая поддержка этого движения была такой слабой. То, что большевики победили, – очевидно. Почему белые потерпели поражение, и притом такое решительное – менее очевидно”².

Однако повышенный интерес к белым в 90-е гг. XX в. привел к своеобразной идеализации антибольшевистского движения. В настоящее время наблюдается попытка нового критического переосмысления истории нашей страны в период Гражданской войны, в том числе как красного, так и белого движения. Это ставит перед историками вопрос о необходимости внимательного изучения самого белого движения, специфики его идеологии и тех пропагандистских органов, с помощью которых она популяризировалась.

¹ Кенез П. Идеология белого движения // Россия в XX в. Историки мира спорят. М., 1994. С. 268.

² Эдельман Д. Историческое значение русской гражданской войны // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 364.

К настоящему моменту исследованы многие очень важные вопросы истории Гражданской войны, и в этом огромная заслуга как советской, эмигрантской и зарубежной, так и современной российской исторической науки. Достаточно полно изучено вооруженное противостояние красных и белых, структуры власти, экономическая политика большевиков и противостоящих им режимов, реконструированы биографии значительного числа лидеров антибольшевистского движения.

В то же время влияние идеологии противоборствующих сил на массовое сознание в экстремальных условиях Гражданской войны исследовано недостаточно. В советской историографии в наибольшей степени был проанализирован опыт идеологической работы большевистской партии. Большое значение при этом придавалось развитию теоретических аспектов пропагандистского воздействия, исследованию эффективности пропаганды, выработке критериев ее оценки и поиску путей ее дальнейшей оптимизации¹. Содержание, формы, методы и средства идейно-политической работы большевиков в годы революции и Гражданской войны также были исследованы достаточно полно².

Кроме того, в целом ряде работ отечественных историков был обобщен опыт агитационно-пропагандистской деятельности коммунистической партии, направленной как на мобилизацию собственных сил, так и на дискредитацию и разложение лагеря противника, роль в этом большевистской печати³. В то же время нельзя забывать, что исследова-

¹ См., например: *Шерковин Ю.А.* Некоторые социально-психологические вопросы пропагандистского воздействия // Вопросы психологии. 1969. № 4; Социология и идеологическая деятельность. М., 1970; *Журавлев Г.Т.* Социальная информация и управление идеологическим процессом. М., 1973; Коммунистическая пропаганда: вопросы теории и методики. М., 1974; Научные основы коммунистической пропаганды: Мат. междунар. симпоз. М., 1975.

² *Колосов П.И.* Коммунистическая партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1960; *Голиков Г.Н., Мухина Г.З.* Во главе Великого Октября (март 1917 г. – 1920 г.). М., 1966; *Шатагин Н.И.* Партия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. М., 1966; Ленинские принципы партийного руководства массами в первые годы строительства советского общества (1917–1923). М., 1967; *Шилко К.П.* Идеологическая работа Коммунистической партии в первые годы Советской власти (октябрь 1917 – март 1919 гг.). Минск, 1975; и т.д.

³ *Турунов А.Н.* Советская пресса в Сибири в 1917–1918 гг.: Мат. к библиографическому обзору. Иркутск, 1922; *Белков А.К.* Партийная и советская печать в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.). М., 1956; *Петров Ю.П.* КПСС руководитель и воспитатель Красной Армии (1918–20 гг.). М., 1961; *Селезнев И.А.* Война и идеологическая борьба. М., 1964; *Юрко А.И.* Становление партийной советской прессы (октябрь 1917 – 1918 гг.). Саратов, 1965; *Максимов А.А.* У истоков советской журналистики. Л., 1967; *Шербак В.М.* Большевистская агитация и пропаганда (октябрь 1917 – март 1919 гг.). М., 1969; *Мишура А.Л.* Печать, рожденная Октябрем. М., 1968; *Окорков А.З.* Октябрь и крах русской буржуазной прессы. М., 1970; *Марьин В.Д.* Подпольная большевистская печать на Алтае (1905–1919). Барнаул, 1971; Издательское дело в первые

ния такого рода велись в рамках марксистско-ленинской парадигмы и социалистической теории пропаганды, следовательно, были идеологизированы в силу своей тематики. Это наложило отпечаток на их содержание. Позитивное значение распространения большевистской идеологии не подлежало сомнению, а ее демагогический характер и манипулятивная направленность, имплицитные всякой пропаганде, игнорировались и затушевывались. В результате одним из направлений идеологической работы КПСС стала пропаганда собственного агитационно-пропагандистского опыта, превращение его в очередной политический миф.

В вопросах исследования мировоззренческих аспектов антибольшевистского движения ситуация оказалась более сложной и специфичной. Контрреволюционный лагерь, по мнению Ю.А. Полякова, служил для советских историков лишь фоном, на котором разворачивались действия большевиков как основной силы, решившей судьбу страны и определившей ход истории. Роль контрреволюционных сил при этом считалась вспомогательной, а их место в истории – второстепенным¹.

Традиционной для советской историографии стала концепция Гражданской войны, основные тезисы которой сводились к следующему: только советская власть и социалистический выбор развития России отвечали интересам широких народных масс, были в состоянии ликвидировать отсталость страны и решить накопившиеся проблемы. Белое движение, направленное против диктатуры пролетариата и объективных законов развития общества, носило, таким образом, реакционный характер и было обречено на поражение и гибель самой историей. Поэтому вопросам идеологии белого движения в советской исторической науке уделялось значительно меньше внимания, зачастую они упоминались лишь в качестве негативной антитезы большевизму. Лишь отдельные аспекты этой проблемы рассматривались в работах Г.З. Иоффе, Л.М. Спирина, В.В. Гармизы, Н.Г. Думовой, В.Д. Поликарпова и др.²

годы Советской власти (1917–1922): Сб. документов и материалов. М., 1972; *Якушевский А.С.* Пропагандистская работа большевиков среди интервентов 1918–1920 гг. М., 1974; *Катков Н.Ф.* Агитационно-пропагандистская работа большевиков в войсках и тылу белогвардейцев в период 1918–1920 гг. Л., 1977; *Посадсков А.Л.* Сибирская книга и революция 1917–1918 гг. Новосибирск, 1977; *Он же.* Книжное дело в Сибири 1919–1923. Новосибирск 1979; *Колычев В.Г.* Партийно-политическая работа в Красной Армии в годы гражданской войны 1918–1920. М., 1979.

¹ *Поляков Ю.А.* Поиск новых подходов в изучении гражданской войны в России // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 282.

² *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977; *Он же.* Белое дело. Генерал Корнилов. М., 1989; *Спирин Л.М.* Некоторые теоретические и методологические проблемы изучения непролетарских партий в России // Банкротство мелкобуржуазных партий в России 1917–1922. М., 1977. Ч. 1; *Он же.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало 20 века – 1920 г.). М., 1977; *Гармиза В.В.* Крушение

В монографическом исследовании Н.Ф. Каткова “Агитационно-пропагандистская работа большевиков в войсках и тылу белогвардейцев в период 1918–1920 гг.” один из разделов отводился анализу “контрреволюционной сущности” идеологии белого движения, а также “организации антисоветской обработки белогвардейцами солдат и населения своего тыла”. В работе освещались формы и методы белой пропаганды, описывалась структура информационно-осведомительных органов контрреволюционных режимов (Деникина, Врангеля, Колчака, Юденича, Миллера). Используя, главным образом, мемуарную литературу и материалы периодической печати, автор пришел к выводу о том, что идеологическая обработка населения и солдат в антисоветском духе велась в огромных масштабах, продуманно и целеустремленно, а тиражи выпускаемой агитационной литературы и периодики были необычайно велики. Во многом это стало возможно, по мнению Каткова, благодаря участию в работе правительственных, гражданских и военных органов пропаганды и агитации высококвалифицированных идеологических работников – кадетской профессуры, крупных писателей и журналистов, видных политических деятелей белого движения, работников искусства, церковников и т.д.

Характеризуя же в общем деятельность идеологического аппарата российской контрреволюции, он писал: “Содержание обработки населения и солдат сводилось к тому, чтобы любыми средствами воспитать ненависть к большевикам, Советской власти, Красной Армии, обелить контрреволюционную власть белогвардейцев, политическую платформу белого движения, любым способом укрепить и пополнить белогвардейскую армию, ликвидировать массовое дезертирство, протащить в жизнь черносотенно-кадетское требование “Единой, неделимой России”¹.

В работе В.Л. Соскина² уделялось внимание белой печати как средству “духовного оболванивания масс” и укрепления политической власти буржуазии, а также методам и приемам антибольшевистской пропаганды.

В своей монографии Е.А. Привалова³ исследовала тесные контакты, существовавшие между Американским бюро печати (АБП) и контрреволюционной прессой России. Основываясь на анализе 33 газет и 9

эсеровских правительств. М., 1970; *Думова Н.Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917 – 1920 гг.). М., 1982; Поликарпов В.Д. Военная контрреволюция в России 1905–1917 гг. М., 1990.

¹ *Катков Н.Ф.* Агитационно-пропагандистская работа большевиков в войсках и тылу белогвардейцев в период 1918–1920 гг. Л., 1977. С. 26.

² *Соскин В.Л.* Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1965.

³ *Привалова Е.А.* В союзе с белогвардейской прессой. Американское бюро печати в Советской России (1917–1920-е годы). М., 1990.

журналов Северной области, Урала, Сибири и Дальнего Востока за 1918–1920 гг., она пришла к заключению о том, что АБП стремилось подчинить своему влиянию антибольшевистскую периодическую печать и тем самым воздействовать на русскую общественность. При этом интервенты не только осуществляли контроль над содержанием белой прессы, но и оказывали прямое давление на газеты и журналистский корпус. В числе газет, “вовлеченных в орбиту американских информационно-пропагандистских интересов”, автор называет омскую “Зарю”, “Народную Сибирь”, “Сибирскую жизнь”, “Русскую речь” и “Сибирскую речь”, в то время как на англичан ориентировалась “Русская Армия”.

В целом же в советской историографии доминировал подход, при котором в соответствии с марксистской традицией идейно-теоретические установки антибольшевистского движения детерминировались социальным происхождением и классовой ограниченностью его участников. Все это существенно схематизировало и упрощало суть проблемы. Те же тенденции прослеживаются и в историографии гражданской войны в Сибири.

Идеологическое крушение советского режима пробудило интерес к альтернативным политическим концепциям, в том числе и к идейному наследию белого движения. В то же время многие оценки перенимались некритически. Так, представляется несостоятельным утверждение эмигрантского историка М.В. Назарова о том, что политика белых правительств была “в основном лишь реакцией Февраля на Октябрь”¹. Спорным является и сделанный на его основе вывод уральского исследователя С.И. Константинова, согласно которому в годы гражданской войны борьба велась между двумя “новыми” властями – февральской и октябрьской. По его мнению, движущей силой антибольшевистского движения выступали либералы и революционеры, не согласные с большевиками, а военными лидерами контрреволюции являлись преимущественно “выдвиженцы кадетско-эсеровского Временного правительства”. Это, с точки зрения С.И. Константинова, и обусловило либерально-демократическую (“февральскую”) направленность белого движения². Такое представление является слишком упрощенным и тенденциозным.

Более убедительной в этой связи представляется точка зрения американского историка М. Левина. “Реальность тех лет, – писал он, – состояла в том, что битва шла не между демократией и авторитаризмом, а между двумя различными авторитарными политическими лагерями,

¹ Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. Т. 1. С. 40.

² См.: Константинов С.И. Трагедия офицерского корпуса белых армий на востоке страны // Белая армия. Белое дело. 1996. № 1. С. 21.

которые могли выставить большие армии”¹. Несмотря на определенный схематизм, такой подход верно передает суть проблемы. Необходимо также отметить, что данная характеристика в большей степени относится не столько к периоду “демократической контрреволюции”, сколько ко времени сменивших ее военных режимов.

В 1990-е гг. появился ряд отечественных исследований, посвященных изучению идеологии белого движения, среди которых особенно выделяются работы волгоградского историка В.Д. Зиминой², а также монография В.В. Шелохаева³. Расширяется тематика исследований по истории антибольшевистского движения в Сибири. Некоторые аспекты деятельности одного из первых пропагандистских органов – Инструкторско-информационного отдела при МВД Временного Сибирского правительства, нашли отражение в диссертации Л.А. Шиканова⁴, посвященной периоду “демократической контрреволюции”, где они вплетаются в общий контекст становления белой государственности на территории Западной Сибири. Содержательный аспект белой пропаганды отчасти получил освещение в источниковедческих работах А.П. Штыки и А.Н. Никитина⁵.

Наряду с этим среди исследователей заметно возрос интерес к проблеме организации пропагандистской работы правительствами белой России в годы Гражданской войны, истории антибольшевистской периодической печати. Отдельные аспекты содержания белой пропаганды затрагиваются в статьях С.И. Константинова и О.Т. Базалийской⁶. В

¹ Левин М. Гражданская война: динамика и наследие // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 254.

² Зиминая В.Д. Белое движение в годы гражданской войны. Волгоград, 1995; *Она же*. Белое движение времен гражданской войны: в плену “чистой идеи” // Белая армия. Белое дело. (Екатеринбург). 1996. № 1; Зиминая В.Д., Гражданов Ю.Д. Союз орлов: Белое дело России и германская интервенция в 1917–1920 гг. Волгоград, 1996; Зиминая В.Д. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны. Волгоград, 1998.

³ Шелохаев В.Д. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. М., 1991.

⁴ Шиканов Л.А. Сибирская контрреволюция на начальном этапе Гражданской войны. Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1989.

⁵ Штыка А.П. Гражданская война в Сибири в освещении белогвардейских мемуаристов. Томск, 1991; Никитин А.Н. К вопросу о характере и содержании агитационно-пропагандистской работы большевиков в колчаковском тылу // Партийные организации Сибири и Дальнего Востока: история и современность. Томск, 1991; *Он же*. Периодическая печать как источник по истории Гражданской войны в Сибири. Омск, 1991.

⁶ Константинов С.И. Пропагандистская работа в армии А.В. Колчака // История «белой» Сибири: Тез. Второй науч. конф. Кемерово, 1997; Базалийская О.Т. Агитация и пропаганда в белой армии на примере газеты «Великая Русь» (октябрь – декабрь 1919 г.) // Там же.

работах Л.А. Молчанова и А.Л. Посадскова¹ на основе впервые введенных в научный оборот архивных материалов исследуется деятельность информационно-осведомительных органов восточной контрреволюции, в частности Русского общества печатного дела и Совещания по делам печати. Кроме того, в монографиях Л.А. Молчанова рассматриваются вопросы, связанные с функционированием антибольшевистской прессы, информационным обеспечением и распространением, составом и содержанием газетных изданий².

Деятельности органов цензурного контроля на территории белой Сибири посвящена статья С.П. Звягина, а также одна из глав монографии Л.А. Молчанова, где работа цензурного аппарата белых правительств сравнивается с соответствующими структурами Советской России³. При этом цензура рассматривается как важнейшее средство «манипулирования социальным поведением населения».

Таким образом, современное состояние историографии Гражданской войны во многом очерчивает круг проблем, стоящих перед историками в настоящий момент. Это, прежде всего, исследование роли идеологии как мобилизующего фактора в вооруженном противоборстве красных и белых, особенностей организации пропаганды и контрпропа-

¹ Молчанов Л.А. Деятельность информационных учреждений «белой» России в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) // Государственный аппарат России в годы революции и гражданской войны: Мат. Всерос. конф. М., 1998; *Он же*. Информационно-агитационные учреждения «белой» Сибири (1918–1920 гг.) // Белая гвардия. 1998. № 2; *Он же*. Необходимо усилить пропаганду: Отчет о деятельности Русского бюро печати, 1919 // Исторический архив. 1996. № 3; *Он же*. «Русское общество печатного дела»: проблемы организации и деятельности // История «белой» Сибири: Тез. Второй науч. конф. Кемерово, 1997; *Он же*. Цензура «белой» Сибири // История белой Сибири: Тез. Третьей науч. конф. Кемерово, 1999; Посадсков А.Л. К истории создания Русского общества печатного дела в Омске (1919 г.) // Четвертые Макушинские чтения. Новосибирск, 1997; *Он же*. К истории эвакуации Русского общества печатного дела (окт. 1919 – янв. 1920 гг.) // История белой Сибири: Тез. Третьей науч. конф. Кемерово, 1999; *Он же*. Отдел печати Всероссийского правительства в Омске: информационно-пропагандистская, издательская и библиографическая деятельность (1918–1919 гг.) // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.). Т. 1. Научные сообщества в социокультурном пространстве России (XVIII–XX вв.): Мат. 3-й Всерос. науч. конф. Омск, 1998; *Он же*. Совещание по делам печати как идеологический центр колчаковского правительства (по рассекреченным материалам ГАРФ) // Клио: Межвуз. журнал для ученых. СПб., 1997. № 2; *Он же*. Совещание по делам печати как идеологический центр колчаковского правительства (по рассекреченным материалам ГАРФ) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории: Тез. докл. Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1998.

² Молчанов Л.А. Газетный мир антибольшевистской России (октябрь 1917 – 1920 гг.). М., 2001; *Он же*. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917 – 1920 гг.). М., 2002.

³ Звягин С.П. Цензура в условиях «белой» Сибири // Вопросы истории Сибири XX века: Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1998; Молчанов Л.А. Из истории газетной прессы России в годы революции и гражданской войны (октябрь 1917 – 1920 гг.). М., 1997.

ганды воюющими сторонами, а также места периодической печати в идеологическом обеспечении антибольшевистских режимов.

Первый значительный вклад в изучение природы идеологических явлений, с точки зрения отражения социальных потребностей различных слоев общества, внес К. Маркс. В одной из ранних работ “Немецкая идеология”, написанной в 1846 г. в соавторстве с Ф. Энгельсом, он подверг концептуальной критике бытовавшие в то время представления о познавательных возможностях идеологии. В данной работе К. Маркс и Ф. Энгельс вводят понятие “ложного сознания”. Ложное сознание, в отличие от истинного, раскрывающего явление через их первопричину, подлинную сущность, по их мнению, объясняет уже свершившиеся события с целью их оправдания, что в свою очередь может порождать маскировку или сокрытие истинных причин событий; происходит конструирование “мнимой реальности”, которая выдается за действительность. Монополизируя сферу “идеологического производства”, правящий класс тем самым навязывает свою идеологию как господствующую подчиненным слоям общества. В результате провозглашение духовных ценностей может отражать корыстный классовый интерес привилегированных групп, выступать средством подчинения трудящихся.

Другим исследованием, определившим взгляды на природу идеологии, является фундаментальный труд немецкого социолога Карла Манхейма “Идеология и утопия” (1929 г.). Направленность настоящего исследования не позволяет подробно останавливаться на концепции автора, в которой феномен идеологии был подвергнут всестороннему анализу. Ограничимся поэтому кругом идей, непосредственно связанных с темой нашей работы.

К. Манхейму удалось преодолеть присущее К. Марксу чрезмерно расширительное понимание идеологии. Напомним, что в работах Маркса данное понятие употребляется, по меньшей мере, в трех значениях: 1) ложного, извращенного сознания; 2) всей совокупности сознания определенного класса и 3) как вид теоретического сознания. К. Манхейм выделил два исторически сложившихся значения понятия “идеология”: частичная и тотальная. “О понятии частичной идеологии мы говорим в тех случаях, – писал он, – когда это слово должно означать, что мы не верим определенным “идеям” и “представлениям” противника, ибо считаем их более или менее осознанным искажением действительных фактов, подлинное воспроизведение которых не соответствует его интересам”¹.

Частичную идеологию К. Манхейм связывал с психологией интереса и противопоставлял тотальной идеологии, понимая под последней

¹ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 56.

“своеобразие и характер всей структуры сознания” определенной эпохи или социальной группы. “Если понятие частичной идеологии рассматривает как идеологию лишь часть высказываний противника (и только в аспекте содержания), – указывал исследователь, – то понятие тотальной идеологии ставит под вопрос все мировоззрение противника”¹. Рассматривая данный феномен в динамике исторического развития, К. Манхейм приходит к выводу, что происходит объединение понятий тотальной и частичной идеологии, причем первое вытесняет второе. “Непредвзятому наблюдателю это предстает в следующем виде: раньше противника упрекали в том, что он в качестве представителя определенной социальной группы в ряде случаев сознательно или бессознательно искажает истину. Теперь нападение на противника усугубляется посредством полной дискредитации структуры его сознания во всей ее целостности, отрицается даже возможность того, что он способен правильно мыслить”².

Это утверждение представляется особенно важным в русле наших рассуждений, если учесть то обстоятельство, что первым воспользовался этим новым “методологическим оружием” марксизм, вложив его в руки пролетариата. Кроме того, будучи переведено на язык большевистской пропаганды оно сыграло существенную роль в моральной дискредитации российской контрреволюции. Как писал французский историк Франсуа Фюре: “Марксистско-ленинская идеология заранее исключает дискуссию со своим противником, и на протяжении многих лет она с успехом выдвигала против них абсурдный аргумент, согласно которому все доводы правых не имеют никакой силы просто потому, что исходят от правых”³.

В изложении К. Маркса и К. Манхейма идеология выступает как надстроечное явление, побочный продукт, или, говоря словами Д. Белла, “символическое выражение экономических интересов”. Современные исследователи отошли от жесткого экономического детерминизма, склонны приписывать идеологическим образованиям в отношении социально-экономических процессов большую самостоятельность или даже говорить об автономном функционировании идеологий.

В понимании сущности идеологии, на наш взгляд, следует обратиться к основополагающему тезису французского философа-неомарксиста Л. Альтюссера: “Идеология представляет собой воображаемое отношение индивидов к реально существующим условиям их бытия”⁴. Для поддержания власти, считал Л. Альтюссер, правящий класс должен “вос-

¹ Манхейм К. Указ. соч. С. 57.

² Там же. С. 65.

³ Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М., 1998. С. 104–105.

⁴ Цит по: Ушакин С.А. После модернизма: язык власти или власть языка // Общественные науки и современность. 1996. № 5. С. 135.

производить” те условия, которые дают ему возможность применять эту власть к подчиненным классам. По его мнению, воспроизводство воображаемых отношений происходит путем привлечения индивидов к участию в “идеологических практиках” определенных социальных институтов (“государственных аппаратов”), таких как семья, народное образование, законодательные структуры, профсоюзы и политические партии, средства массовой информации, научные исследования и культура.

В то же время неясными остаются несколько моментов. Во-первых, что помимо общих теоретических установок должна содержать идеологическая система, для того чтобы обеспечить массовую поддержку? Во-вторых, каким образом происходит идеологическая индоктринация на уровне обыденного сознания? Ответы на эти и подобные вопросы следует искать на стыке социальной психологии и современных исследований в области языка.

В частности, интересен и, по нашему мнению, весьма плодотворен с исторической точки зрения подход голландского лингвиста Т.А. Ван Дейка, исследовавшего бытовые проявления расизма. “Хотя идеологию иногда определяют (а чаще всего используют) как совокупность идей, – писал он, – большинство исследователей полагают, что она представляет собой нечто большее. Так, идеология должна содержать в себе идеи, которые выражают групповые интересы, а, следовательно, и материальные условия жизни соответствующих групп. Она также ассоциируется с “практикой”: идеология проявляется не только в том, что люди думают, но и в том, что они делают. Далее, идеология не сводится к неформальной, межличностной деятельности или коммуникации, но обычно распространяется и на институционально закрепленные формы воспроизводства, такие как образование или средства массовой информации”¹. Исходным пунктом, как мы видим, послужили неомарксистские идеи. Однако, по мнению автора, они не объясняют, “как развиваются идеологии, как они порождаются и как воспроизводятся в обществе”.

Ван Дейк был убежден, что любые идеологические образования имеют двойственную природу: с одной стороны, они зафиксированы у людей в структуре памяти (т.е. когнитивны), с другой – они социальные, поскольку “их разделяют другие люди в качестве членов той или иной группы; они усваиваются, формируются и применяются в социальных ситуациях при определенных же социальных же обстоятельствах (экономических, исторических) и имеют социальные последствия”². Он считал также, что идеологии не являются простыми перечнями “идей”, а “должны воплощать социальное знание и мнение”. Зафиксированные в струк-

¹ Дейк Т.А. ван. Расизм и язык. М., 1989. С. 23–24.

² Там же. С. 27.

туре памяти модели отношений должны касаться широкого комплекса актуальных проблем (безработица, жилищный вопрос и т.п.), “социальных положений дел”, по выражению Ван Дейка, а также проявляться через различные “формы обработки социальной информации” (повседневная речь, сообщения СМИ) и содержать оценочные суждения, согласующиеся с социальными нормами данной группы.

Совсем необязательно, утверждает Ван Дейк, чтобы идеологические принципы были внутренне логичны, напротив, они зачастую противоречивы и непоследовательны. Для субъекта идеологии более важное значение имеет “компонент оценки”, “обеспечивающий субъективные доводы, пригодные для аргументации и дискурсивного убеждения” в процессе коммуникации. Содержание идеологии должно, прежде всего, включать социальную информацию, направленную на защиту общих целей и интересов всей группы. “Идеологии, – указывал Ван Дейк, – создают интерпретативный механизм, который для каждого типа социальной ситуации решает, соответствует ли он целям или интересам группы. Под контролем идеологического механизма могут формироваться и более частные, отрицательные или положительные мнения о различных социальных ситуациях, они, согласуясь друг с другом, организуются в установки, относящиеся к этим ситуациям”¹.

В процессе формирования и распространения идеологий основную роль играет дискурс. При этом под дискурсом понимается организация языка вне пределов предложения, “язык, или система образов, сформированный обществом в целях распространения связанного набора смыслов по поводу определенной темы” (Дж. Фаске).

Тезис Ван Дейка об идеологической природе языка сходен с мнением современного французского исследователя О. Ребуля, который также считал речевую деятельность приоритетной зоной реализации идеологий. Он указывал, что идеология является специфическим кодом, в значительной мере влияя не только на манеру излагать свои мысли, но и на смысл слов, воплощающих их.

О. Ребуль выделил пять параметров, характеризующих, на его взгляд, идеологию: 1) идеология всегда маргинальна, т.е. принадлежит ограниченной общности людей, как правило, полемизирующей со своими идеологическими противниками; 2) идеология всегда коллективна: это не мысль индивида (не существует идеологии Канта, Маркса или Декарта), это сумма идей группы; 3) идеология всегда камуфлирует себя, не только маскируя факты и убедительные аргументы противника, но выдавая себя, как правило, за науку, здравый смысл, мораль, очевидность, факт и т.д.);

¹ *Дейк Т.А. ван. Указ соч. С. 28–29.*

4) идеология всегда рациональна, т.е. противопоставлена мифу, догме, верованиям и т.д.; 5) идеология всегда на службе у власти¹.

Принимая в целом точку зрения О. Ребуля, следует внести одно уточнение. Дело в том, что вопреки “рациональному обоснованию” любая идеологическая система не свободна от мифологии, ей также характерны некоторые специфические черты религиозного сознания. Все это позволило испанскому политологу Л.С. Санистебану сделать вывод о том, что “политические идеологии представляют собой особый тип верований”. “Наши верования, – отмечал он, – заставляют нас определенным образом видеть мир, оказывая решающее влияние на наше действие”². Он считал несостоятельными притязания идеологии на научность, на объективное отражение действительности. “Объективное содержание идеологий не становится предметом контроля, они не подвергаются систематическому сравнению с реальностью, на отражение которой претендуют. Напротив, вместо того чтобы приспосабливаться к реальности и адекватно отражать ее, они интерпретируют ее с учетом интересов, разделяющих соответствующие идеологии групп”³.

Завоевание и удержание симпатий населения, мобилизация массового сознания вокруг интереса определенной группы, манипуляция социальной памятью невозможны без использования такого инструмента распространения идеологического влияния, как пропаганда. “В своем популярном обличье, – отмечал американский социолог Г. Блумер, – идеология принимает формы эмоциональных символов, стереотипов, гладких и наглядных фраз и простонародных аргументов. Она также ведаёт догмами движения, но и представляет их в такой форме, которая способствует их быстрому пониманию и усвоению”. Значение мобилизующего фактора пропаганды как мощного средства управления поведением индивидов и социальных групп, особенно возрастает в переломные моменты истории.

Ключевое понятие пропаганды определяется как *целенаправленное и политически мотивированное убеждающее воздействие на политические группы. С его помощью те или иные социально-политические идеи, взгляды и теории должны быть доведены до сознания каждого человека и оказать влияние на формирование его поведения в желательном направлении*⁴.

В рамках политической системы белой Сибири сложился свой идеологический аппарат, понимаемый как совокупность производителей идеологической продукции, осуществлявших “духовное управле-

¹ См.: Язык и идеология: Реферативный сборник. М., 1987. С. 22–23.

² Санистебан Л.С. Основы политической науки. М., 1992. С. 60.

³ Там же. С. 60.

⁴ Войтасик Л. Психология политической пропаганды. М., 1981. С. 44.

ние” посредством внедрения в массовое сознание определенных идеологических установок с целью обеспечить широкую поддержку политическим режимам восточной контрреволюции.

В контексте данного исследования “идеологический аппарат” понимается гораздо шире, нежели формально существовавшая система информационно-осведомительных органов. “Власть адмирала Колчака, – по мнению Н.В. Устрялова, – поддерживалась элементами двоякого рода: во-первых, за нее, разумеется, ухватились люди обиженных революцией классов, мечтавшие под лозунгом “порядок” вернуть себе утраченное спокойствие, отнятое достояние и выгодное социальное положение; во-вторых, под ее знамя встали группы национально-демократической интеллигенции, усматривавшие в большевизме враждебную государству и родине, национально разлагающую силу”. Именно эти последние, как считал Устрялов, и представляли собой “подлинную идеологию омского правительства”, в то время как первые только “портили и компрометировали его работу”¹.

Ядром идеологического аппарата являлись осведомительные органы антибольшевистских правительств Сибири. На территории Западной Сибири в разные периоды Гражданской войны (июнь 1918 – декабрь 1919 г.) военно-пропагандистской деятельностью в той или иной мере занимались следующие органы:

1. Инструкторско-информационный отдел при МВД ВСП.
2. Информационное бюро при канцелярии Совета министров ВСП.
3. Информационное отделение военно-исторического отдела штаба Сибирской армии.
4. Отдел печати при Управлении делами Временного Всероссийского правительства.
5. Информационный отдел Штаба Верховного главнокомандующего.
6. Агитационные отделы армий.
7. Отделение (отдел) по внешкольному воспитанию главного штаба.
8. Особая канцелярия Штаба Верховного Главнокомандующего (Осканверх).
9. Особые канцелярии армий (Осканармы).
10. Отдел печати Главного штаба.
11. Осведомительный отдел Управления 2-го генерал-квартирмейстера Штаба Верховного главнокомандующего (Осведверх).
12. Осведомительное управление Штаба Верховного главнокомандующего.
13. Осведомительные отделы армий (осведармы) и осведомительные отделы округов (осведокры).

¹ Устрялов Н.В. В борьбе за Россию: Сб. статей. Харбин, 1920. С. 5.

14. Осведомительный отдел при войсковом атамане Сибирского казачьего войска (осведказак).

15. Осведомительный отдел военно-административного управления Степной группы войск (Осведстепь).

16. Русское общество печатного дела (РОПД); Русское бюро печати (РБП)

17. Осведомительное управление Восточного фронта (Осведфронт).

18. Специальные органы Русской Православной церкви (Высшее Церковное управление, Управление Главного священника армии и флота и т.д.).

Цель исследования – проследить эволюцию осведомительного аппарата сибирской контрреволюции, выявить его организационную структуру, формы и методы работы.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца мая 1918 г. до начала января 1920 г. Выбор верхней временной границы непосредственным образом связан с моментом зарождения антибольшевистской государственности на территории Западной Сибири в конце мая – начале июня 1918 г. Именно в этот период начинает складываться информационно-осведомительный аппарат восточной контрреволюции и создаются первые правительственные органы, в задачу которых входила пропагандистская деятельность (Инструкторско-информационный отдел при МВД, Информационное бюро при канцелярии Совета министров, Военно-исторический отдел штаба Сибирской армии). 4 января 1920 г. адмирал Колчак передал полномочия Верховного правителя генералу Деникину, что фактически означало окончательную ликвидацию колчаковского режима. Эта дата и обусловила конечный временной рубеж данного исследования. Наряду с общим параличом власти в это время происходило свертывание работы правительственных информационно-осведомительных органов, прекращение издания официальной правительственной периодики.

Деятельность пропагандистского аппарата Омского правительства в наибольшей степени проявилась именно на контролируемых колчаковскими войсками территориях Поволжья, Урала и Западной Сибири. Эти регионы служили основным источником пополнения и комплектования белых армий. Идеологическая обработка Восточной Сибири и Дальнего Востока как районов более удаленных от столицы была менее интенсивна и носила фрагментарный характер. К тому же в этих регионах, особенно в Забайкалье и Приморье, были сильны позиции местных атаманов (Семенова, Калмыкова, Унгерна), сводивших на нет усилия, в том числе и пропагандистские, центральной власти. Включение в территориальные рамки исследования Иркутской губернии объясняется эвакуацией в конце 1919 г.

колчаковской столицы из Омска в Иркутск и попыткой перенести центр антибольшевистской борьбы в Восточную Сибирь. В Иркутск были переведены и некоторые информационно-пропагандистские учреждения (часть Русского бюро печати, редакция “Русской армии” и т.д.).

Источниковую базу исследования составили документы из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ): Ф. Р-176 “Совет министров Российской Федерации”; Ф. Р-193 “П.В. Вологодский”; Ф. 952 “Русское телеграфное агентство”; Ф. Р-4626 “Акционерное общество «Русское общество печатного дела»”; Ф. Р-4856 “Контора газеты «Правительственный вестник»”; Ф. Р-4886 “Сибирское телеграфное агентство информационного бюро Временного Всероссийского правительства”; Ф. Р-4911 “Редакция газеты «Русская армия»”; Ф. Р-5881 “Коллекция документов белоэмигрантов”.

Основной массив использовавшейся периодической печати можно разбить на три группы:

1. Официальная пресса. К этой категории относятся центральные правительственные издания (последовательно сменявшие друг друга “Сибирский вестник”, “Вестник Временного Всероссийского правительства”, “Правительственный вестник”) и печатные органы местных структур управления (“Акмолинские областные ведомости”, “Алтайские губернские известия”, “Вестник Томской губернии” и т.д.).

2. Военная периодическая печать. Специализированная армейская пресса белой Сибири берет свое начало, по-видимому, с 22 сентября 1918 г., когда под девизом “За веру и верность” вышел первый номер газеты “Сибирский стрелок” (издание штаба 3-го Уральского корпуса горных стрелков). Подлинный ее расцвет начался после установления военной диктатуры. Военную периодику, в свою очередь, можно подразделить на центральные печатные органы (“Русская армия”, “Русский воин”), а также издания фронтового (“Вперед!”), армейского (“Голос сибирской армии”, “Сибирский стрелок”, “Друг армии и народа”), корпусного (“За Родину!”, “Сибирские стрелки”), окружного (“Великая Россия”, “Русский голос”), дивизионного (“На страже свободы”, “Голос сибиряка”) уровней. Зачастую военные издания меняли свою принадлежность. Так, выпускавшаяся первоначально штабом 2-й Сибирской армии газета “Вперед!” была преобразована во “фронтовую ежедневную газету”, став органом Осведфронта, а уже упоминавшийся “Сибирский стрелок” превратился со временем в издание штаба Западной армии. В этом плане наиболее интересна эволюция газеты “Великая Россия”. Основанная как орган 41-го Уральского стрелкового полка, эта газета вначале печаталась в Уфе, затем ее издание велось штабом За-

падной армии, а с 1 мая 1919 г. “Великая Россия” перешла в собственность “Восточно-Русского культурно-просветительного общества”¹. В октябре того же года газета была эвакуирована в Томск и преобразована в издание осведомительного отдела штаба Омского военного округа. К военной периодике относятся также новониколаевские “Военные ведомости” (первоначально в качестве ее издателя фигурировал начальник 6-й Казанской дивизии, полковник А.П. Степанов) и однодневная газета “Возрождающаяся Россия”, выпущенная отделом по внешкольному образованию и воспитанию в войсках Томского гарнизона.

Приоритетные направления в деятельности военной прессы, ее место в общей системе идеологического обеспечения белого движения достаточно четко сформулированы и обозначены в передовой статье первого номера “Военных ведомостей”. “Наше дело, военной газеты, – говорилось в ней, – обратить все свое внимание на нашу возрождающуюся к новой жизни армию... Оберегать ее от внутреннего разложения и создавать вокруг здоровую обстановку. Использовать все культурные силы внутри армии, чтобы с помощью их воспитать и поднять на должную высоту солдатские массы. Привлечь все общественные силы страны, чтобы окружить армию заботливым отношением тех, кого она защищает”².

3. “Правые” издания, или, как они себя именовали, “органы национальной и государственной мысли”. Включали в себя широкий спектр прессы патриотического направления. Наиболее авторитетным изданием данного типа являлись выходившие в Екатеринбурге под редакцией известного дореволюционного публициста А.С. Белевского-Белоруссова “Отечественные ведомости”. К той же группе следует отнести омские “Зарю” и “Нашу зарю”, “Орган славянского единения” – газету “Наш путь”; церковно-православную печать; издания Русского бюро печати (“Наша газета” и “Русское дело”), некоторые изначально кадетские органы печати, такие как новониколаевская “Русская речь”. Очень часто “правая” пресса маскировалась под “общедоступные военно-народные” или “беспартийные, общественно-политические и литературные” издания (“Надежда России”, “Сегодня”, “Родина” и др.). Политическое кредо периодической печати этого направления отчетливо выражено в программном заявлении газеты “Русский голос”: “...мы стоим за Единую Великую Россию с сильной всенародной властью и мощной армией, Россию, где всякий мог бы спокойно трудиться и спокойно пользо-

¹ Русская армия (Омск). 1919. 16 мая.

² Военные ведомости (Ново-Николаевск). 1918. 21 нояб.

ся трудами рук своих”¹. По ряду ключевых проблем, в частности по вопросу о помощи союзников “государственно мыслящие” органы печати находились гораздо правее официального правительственного курса.

Кроме указанных выше групп использовались материалы партийной (кадетской и “умеренно социалистической”, прежде всего правоэсеровской), кооперативной и земской прессы. Особняком в ряду партийной прессы стоит томская “Сибирская жизнь”, находившаяся на платформе “Потанинского кружка”. Материалы этой одной из старейших сибирских газет, фиксировавшей значительный спектр разнообразной информации, являются уникальнейшим источником по истории Гражданской войны, особенно ее начального периода, когда количество повременных изданий, выходивших в Западной Сибири, было незначительно.

Наряду с материалами периодической печати и документальными источниками, в работе широко использовалась мемуарная литература. Прежде всего, это воспоминания и дневники сотрудников осведомительных органов – Г.И. Клерже, В.Н. Иванова, Н.В. Устрялова, Л.В. Арнольдова². Наряду с этим использовались источники личного происхождения, принадлежавшие перу политических и военных деятелей белой Сибири (П.В. Вологодского, В.Г. Болдырева, Г.К. Гинса, А.П. Будберга, Л.А. Кроля, П.П. Петрова, К.В. Сахарова и ряда других)³. В них содержатся оценки различных аспектов пропагандистской деятельности Омского правительства, раскрываются причины ее низкой эффективности. В мемуарах Г.К. Гинса и А.П. Будберга приводятся сведения о некоторых руководителях осведомительных органов (полковниках Г.И. Клерже, Д.Н. Саль-

¹ Русский голос (Томск). 1919. 27 окт.

² Клерже Г.И. Гражданская война в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004. С. 262–325; Арнольдов Л.В. Жизнь и революция. Гроза пятого года. Белый Омск. Шанхай, 1935; Иванов В.Н. Урал – Харбин – Владивосток (1919–1922). Главы из воспоминаний // Иванов В.Н. Императрица Фике. Дочь маршала: Ист. повести. М., 1992; Устрялов Н.В. Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое (СПб.). 1993. № 2. С. 283–338; Он же. 1919-й год. Из прошлого // Русское прошлое (СПб.). 1993. № 4. С. 194–287.

³ Болдырев В.Г. Директория, Колчак, интервенты. Новониколаевск, 1925; Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). Пекин, 1921; Дневник барона А. Будберга // Архив Русской революции (далее – АРР). М., 1993. Т. 15; Дневник капитана Лейб-гвардии Преображенского полка Дмитрия Дмитриевича Литовченко // Звезда. 1995. № 2; Колчаковщина. Из мемуаров активных деятелей белогвардейщины. Л., 1930; Кроль Л.А. За три года. Воспоминания, впечатления, встречи. Владивосток, 1922; Пенелаяев В.Н. Дневник // Красный архив. 1928. Т. 6 (31); Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых 1918–1922: Воспоминания. Рига, 1930; Сахаров К.В. Белая Сибирь. Мюнхен, 1923; Серебренников И.И. Мои воспоминания. Тяньцзинь, 1937. Т. 1. В революции (1917–1919); Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань, 2006.

никове и т.д.). Нередко мемуарная литература выступает единственным источником информации о некоторых эпизодах, не зафиксированных в документах и не попавших на страницы периодической печати. Чаще всего это касается сведений, полученных в личных разговорах. В частности, в воспоминаниях Г.К. Гинса приводится содержание его бесед с адмиралом Колчаком, в которых затрагивались вопросы организации пропаганды. Это позволяет в свою очередь более полно осветить деятельность идеологического аппарата восточной контрреволюции.

ГЛАВА 1. ПРОПАГАНДИСТСКИЙ АППАРАТ БЕЛОЙ СИБИРИ: СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ

“Революция, – писал американский историк Теодор Шанин, – есть момент истины. Это так для тех, кто в ней участвует и для общества в целом. В этом не просто метафорическое описание ожесточенного противостояния политических противников, но и в буквальном смысле слова, постижение заново собственных исходных позиций, представлений и идей сквозь безжалостную линзу опыта”¹.

Если исходить из этого утверждения, то революция и последовавшая за ней Гражданская война во многом показали силу и убедительность большевистской идеологии, ее жизнеспособность. Начиная с Гражданской войны коммунистическая идеология выступала структурообразующим элементом нового государства, “цементируя” фронт и тыл Советской России.

“Большинство партийной молодежи не умело владеть оружием. Но они хотели победить во что бы то ни стало. А это было главное. Они вправили позвоночник рыхлому телу армии”², – писал Л.Д. Троцкий о первых боях под Казанью, но это верно и по отношению к Гражданской войне в целом. В Красной Армии был введен институт комиссаров, в задачу которых, помимо всего прочего, входила и политическая пропаганда. Все армии и даже некоторые дивизии имели походные типографии, где печатались плакаты и газеты; вдоль фронта курсировали агитпоезда. Агитационным целям служили даже выпускавшиеся Государственным заводом в Петрограде особые фарфоровые тарелки с революционными лозунгами в сочетании с декоративными элементами и соответствующими сюжетными изображениями.

Как отмечалось в одном из докладов: “Благодаря агитации красноармейцы шли в бой и разбивали неприятеля, благодаря агитации в завоеванных местностях красноармейцы относились более или менее справедливо к туземцам, и туземное население, благодаря такому отношению, поддерживало советскую власть и укрепляло тыл”³. Значение

¹ Шанин Т. Революция как момент истины. М., 1997. С. 291.

² Троцкий Л.Д. Моя жизнь. М., 1990. Т. 2. С. 126.

³ Партийно-политическая работа в Красной Армии (март 1919 – 1920 г.): Документы. М., 1964. С. 216.

идеологического фактора в военном и государственном строительстве Советской республики неоднократно подчеркивали как отечественные, так и зарубежные исследователи. “Беспощадная дисциплина и фанатизм коммунистов, – отмечал в частности английский советолог Л. Шапиро, – были особенно нужны в крестьянской по своему составу армии, где дезертирство, безразличие и отсутствие боевого духа могли оказаться гораздо опаснее, чем нехватка вооружения и недостатки тактической выучки”¹.

На решающее значение коммунистической идеологии и пропаганды для организации советских вооруженных сил указывал западногерманский историк М. Хильдермайер. “Основатели новой армии, – полагал он, – были достаточно умны, чтобы видеть, что одним принуждением невозможно обеспечить лояльность. Столпами новой структуры... являлись... теоретически обоснованные Троцким «политическая работа» и агитация в тылу. ...Когда советский режим... овладел ситуацией в армии, это было достигнуто не в последнюю очередь благодаря эффективному сочетанию жестоких наказаний, политической агитации и контроля”².

В отличие от царской армии и антибольшевистских вооруженных формирований, всячески стремившихся вытравить из военной среды “политику”, большевики сделали ставку на партийно-идеологический контроль и политико-просветительную работу в войсках. Это коренное отличие, являвшееся вообще качественно иным, новым моментом в организации вооруженных сил, подчеркнул в свое время американский исследователь Марк фон Хаген, который писал: “Партийное и государственное руководство стало рассматривать армию как школу строителей социализма, как армию нового типа для нового социального строя. Оно мотивировало значительные расходы на политработу... российской отсталостью, отсутствием сети общественных организаций, особенно в деревне, и большими задачами строительства, которые стояли перед советским обществом. Сотни тысяч красноармейцев проходили школу грамотности, политграмотности, санграмотности и культпросвещения”³.

Во многом целеустремленность, наступательность и эффективность большевистской идеологии базировались на тотальном, целостном характере ее мировоззренческих установок. По мнению французского исследователя Э. Морена, большевизм объединил в одну политическую реальность воинствующее и церковно-религиозное начала. “Тем самым, – полагал он, – в сферу гражданской политики вторгаются черты, свойст-

¹ Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза. Лондон, 1990. С. 271.

² Хильдермайер М. Цена победы: гражданская война и ее последствия // Гражданская война в России: перекресток мнений. М., 1994. С. 309.

³ Хаген М. фон. Армия и общество в 20-е годы // Военно-исторический журнал. 1990. № 12. С. 59.

венные сферам военной и религиозной, и именно в гражданской жизни большевизм освободит от всяких пут и распространит военный дух, религиозный дух, дух религиозной войны. Партийный аппарат призван вести борьбу классов так, как ведут войну, то есть применяя военную стратегию, в которой полностью приемлемы и насилие, и обман. В то же время он призван вести борьбу классов как борьбу апостольскую, сражаясь за истину, за все общество, за человечество”¹. Именно сплав этих двух начал и образует, с точки зрения Э. Морена, “энергетическую, организаторскую, стратегическую, мистическую силу большевизма”.

По мнению же американского историка Р. Пайпса, до большевиков пропаганда вообще никогда не занимала такого значительного места в жизни людей. Если раньше, указывал он, пропаганда была призвана приукрасить или преподнести реальность в нужном ключе, то в Советской России она должна была полностью подменить собой действительность².

В отличие от большевизма (идейного течения с целостным мировоззрением), белое движение, по выражению В.Д. Зиминной, “страдало из-за отсутствия собственного идеологического обоснования”³. Пожалуй, единственное, в чем совпадали мнения участников белого движения, было определение противника. Идеология белого движения не была оформлена в целостную систему идей, в основе которой лежала бы определенная философская концепция. Не была в ней заложена и четкая стратегия реализации программных положений. В этом смысле прав был В.Н. Иванов, в ответ на вопрос о том, какой идеологии придерживался колчаковский режим, лаконично заявивший: “Никакой!”⁴

Формируясь из социально-политических концепций и программных установок поддерживающих его партий, течений и социальных групп, идеология белого движения по существу представляла собой довольно пестрый конгломерат разнородных идей, плохо стыковавшихся друг с другом, что, безусловно, определило ее эклектичный характер и

¹ Морен Э. О природе СССР. Тоталитарный комплекс и новая империя. М., 1995. С. 42.

² Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 344.

³ Зимин В.Д. Белое движение времен гражданской войны: в плену “чистой идеи”. С. 11.

⁴ Иванов Всеволод Никанорович (7 (19).9.1888, Волковыск Гродненской губ. – 1971, Хабаровск), писатель. В 1906–1912 гг. учился в Петербургском университете (историко-филологический факультет), позднее в Гейдельбергском и Фрейбургском университетах в Германии. Начал печататься в 1909 г. В годы Первой мировой войны опубликовал серию рассказов “Любовь и служба Касьянова”. Октябрьскую революцию не принял, увидев в ней только стихию разрушения. Служил в органах печати белых армий в Сибири (газетах “Сибирские стрелки”, “Наша газета”). Руководил печатным, а позднее газетным отделом РБП. В 1922–1945 гг. проживал в Китае, в 1933 г. получил советское гражданство, сотрудничал в ТАСС. Автор исторических повестей “Иван Третий”, “Ночь царя Петра”, “Императрица Фике” и др. См.: *Иванов В.Н.* Урал – Харбин – Владивосток (1919–1922). Главы из воспоминаний // Иванов В.Н. Императрица Фике. Дочь маршала: Ист. повести. М., 1992. С. 466.

лозунг “непредрешения”. Это был своеобразный набор консервативных и либеральных начал с примесью традиционализма, клерикализма, монархизма и русского национализма, имевший четко выраженную этатистскую направленность. Причем либеральные тенденции, привносимые кадетами, отнюдь не являлись преобладающими. Как отмечал русский историк-эмигрант Г.В. Вернадский: “Отсутствие тесного сотрудничества между российским либерализмом и средним классом придало либеральному движению идеалистический характер. Это обстоятельство определило слабость российского либерализма как практической силы в политике”¹. К тому же следует принять во внимание, что часть либеральных ценностей партия народной свободы принесла в жертву политическому моменту еще в конце лета 1917 г., взяв курс на военную диктатуру. Что же смогли противопоставить агитации и пропаганде большевиков их противники?

После антибольшевистского переворота в Сибири перед Западно-Сибирским комиссариатом (ЗСК) встала задача мобилизации массового сознания для обеспечения новой власти общественной поддержкой. Этого можно было достигнуть через информирование населения о ситуации в стране и интерпретацию этих сообщений в выгодном режиме направлении. “Падение большевистской власти для широкого крестьянского населения явилось довольно неожиданным, поэтому сразу наметилась необходимость широкого оповещения о происходящих событиях”, – констатировала газета “Сибирская жизнь”².

Таким образом, одной из основных задач ЗСК наряду с восстановлением местного самоуправления и содействием формированию добровольческой Сибирской армии являлось “правильное” информирование населения о деятельности нового правительства. Выполнение первых двух задач постановлением ЗСК от 4 июня 1918 г. было возложено на местные комиссариаты, деятельность которых направлял образованный 14 июня административный отдел ЗСК (фактически выполнявший функции МВД). Его подотдел земского и городского самоуправления курировал мероприятия по восстановлению муниципальных органов в пределах Томской, Тобольской, Алтайской губерний и Акмолинской области, а также агитировал за создание Сибирской добровольческой армии, для чего было привлечено 17 инструкторов. Особенно активно эта работа велась в Томске, под эгидой местного комиссариата. Для планомерного ведения агитации в пользу Сибирской армии вскоре был сформирован специальный отдел по формированию добровольческой армии. После преобразования административного отдела ЗСК в Министерство внутренних дел Временного Сибирского правительства (ВСП),

¹ Вернадский Г.В. Ленин – красный диктатор. М., 1998. С. 16.

² Сибирская жизнь (Томск). 1918. 26 июля.

этот отдел был преобразован в инструкторско-информационный (информационно-агитационный) отдел с теми же задачами.

Третья задача, “правильного” информирования населения, была возложена Комиссариатом на Информационное бюро, которое было создано в начале июня 1918 г. при Управлении делами ЗСК. Штат сотрудников Инфбюро состоял из 9 человек, работавших под руководством Г.Н. Бутакова¹. Деятельность бюро преимущественно сводилась к распространению по телеграфу важнейших сведений о мероприятиях Комиссариата. Своей “правительственной” газеты у ЗСК не было. Распоряжения власти, как правило, публиковались в омских изданиях “Заря” и “Омский вестник”.

С увеличением контролируемой антибольшевистскими силами территории и переходом власти к ВСП сфера полномочий Информбюро была существенно расширена. По соглашению с управляющим делами Совета министров ВСП Г.К. Гинсом, Информационное бюро в целях формального удобства было причислено к канцелярии Совета министров в качестве ее 4-го отделения. По существу же за ним было оставлено право автономной работы и самостоятельного внутреннего распорядка. 10 июля должность управляющего Информационным бюро занял А.И. Манкевич², его помощником был назначен Г.А. Вяткин³.

Новые руководители представили на рассмотрение Г.К. Гинса проект реорганизации Информбюро, которое должно было вести работу параллельно в двух направлениях:

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 210. Л. 54.

² Манкевич Александр Иванович. Родился в 1886 г. Православного вероисповедания. Учился в университете, но не окончил его. В 1907 г. был осужден за принадлежность к партии эсеров, однако впоследствии амнистирован. Проживал в г. Омске по Екатеринбургской улице, д. 28. Был женат, имел двоих детей. (ГА РФ. Ф. 189. Оп. 1. Д. 3. Л. 76).

³ Вяткин Георгий Андреевич (13.4.1885, Омск – 1938), писатель, поэт, журналист. Окончил учительский институт. С 1900 г. работал в газете “Сибирская жизнь”. С 1905 г. печатал стихи и рассказы в столичных журналах (“Русское богатство”, “Современник”, “Вестник Европы”, “Журнал для всех”, “Русские записки” и др.). Лауреат Всероссийского литературного конкурса (Москва, 1912). В годы Первой мировой войны в качестве корреспондента выезжал на фронт. В 1915 г. был призван в армию. Служил информатором комитета Северного фронта, помощником уполномоченного по информационной части, делопроизводителем управляющего комиссара Северного фронта. Не приняв Октябрьскую революцию, примкнул к эсерам. Летом 1918 г. исполнял обязанности помощника управляющего Информационного бюро Временного Сибирского правительства и заведующего обзорами печати, сотрудничал в местной прессе. В 1920 г. революционным трибуналом был лишен избирательных прав на 3 года. С 1921 г. сотрудничал в ряде сибирских периодических изданий (“Рабочий путь”, “Сибирские огни”, “Советская Сибирь” и др.). Состоял в редколлегии Сибирской советской энциклопедии. Автор сборников стихов: “Чаша любви”, “Опечаленная радость”, сборников рассказов “Золотые листья”, “Алтайские сказки” и др. В 1937 г. арестован органами НКВД Новосибирской области, 8 января 1938 г. был расстрелян.

1) информировать население о деятельности властей (от центра к периферии) посредством правительственного телеграфного агентства;

2) информировать правительство о положении дел на местах (от периферии к центру) “путем представления министрам обзоров всей повременной прессы, как выразительницы общественного мнения”¹. Наряду с этим предлагалось начать издание официальной правительственной газеты².

Все эти предложения были одобрены Г.К. Гинсом, и 24 июля 1918 г. постановлением Временного Сибирского правительства были утверждены “Временные правила об организации Информационного бюро при канцелярии Совета министров” и “Положение о Сибирском телеграфном агентстве”.

В соответствие с этими нормативными актами правительственное Информационное бюро состояло из двух подотделов: Бюро печати и Сибирского телеграфного агентства (СТА). Согласно “Временным правилам”, Инфбюро приобретало статус “центрального официального учреждения” ВСП, имевшего “целью своей деятельности своевременное и достоверное осведомление печати правительственных учреждений, общественных организаций и населения”. Таким образом, это был орган, призванный контролировать информационный поток и корректировать его в нужном режиме направления. Для обеспечения большей точности и достоверности передаваемых сообщений предполагалось, что правительственная информация будет получаться непосредственно “и по возможности в срочном порядке” от государственных учреждений и ведомств, секретариата Сибирской областной думы и т.д.

Для реализации возложенных на него задач Инфбюро должно было организовать Сибирское телеграфное агентство в центре и его агентуру на местах, а также составлять обзоры печати из всех периодических изданий Сибири и ведущих печатных органов Европейской России и заграницы³.

Не менее важной задачей для Инфбюро стало издание официальной правительственной газеты с неофициальным отделом. Она стала называться “Сибирский вестник”, первый номер вышел 17 августа 1918 г. Организация правительственной газеты встретила определенные трудности, вызванные отсутствием собственной типографии, слабостью экспедиции и рядом других технических причин. В результате первые 1,5–2 месяца “Сибирский вестник” выходил с редакционными и корректурными ошибками. Со временем была оборудована типография, налажена

¹ Сибирский вестник (Омск). 1918. 22 авг.; Правительственный вестник (Омск). 1918. 25 дек.

² ГА РФ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 210. Л. 54.

³ Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь–ноябрь 1918). Томск, 1998. Вып. 1. С. 102.

экспедиция и подобран необходимый штат сотрудников. Первоначально главным редактором правительственного издания Г.К. Гинс предлагал назначить профессора Г.Г. Тельберга¹. Однако на должность редактора официальной части был назначен Павел Филиппович Пономарев, неофициальной – Леонид Степанович Ушаков. С 25 октября пост главного редактора занял Владимир Андреевич Кудрявцев. “Сибирский вестник” печатался в типолитографии Омской железной дороги. Всего были выпущены 61 номер газеты и 13 приложений.

В официальной части “Сибирского вестника” помещались: грамоты, указы, узаконения, постановления и распоряжения Временного Сибирского правительства; приказы об определении, перемещении, назначении и увольнении гражданских и военных чинов, состоявших на государственной службе; официальные отчеты о заседаниях Сибирской областной думы; доклады, проекты и другой материал, исходящий от представителей ведомств.

В неофициальной части правительственного органа печатались: известия Сибирского телеграфного агентства, телеграммы и известия из других источников; хроника деятельности Совета министров и отдельных ведомств; сообщения из жизни и деятельности городских и земских самоуправлений; статьи по сибиреведению, по народному образованию, торговле, промышленности, продовольствию, кооперации, профсоюзному движению; сведения о положении дел в России и за границей.

В этой же части помещались библиографические заметки об издаваемых книгах, журналах и газетах и, наконец, адреса центральных правительственных учреждений и должностных лиц, важнейшие сведения о ярмарках и ценах.

Выписка газеты была обязательна для всех губернских (областных), уездных (окружных) и участковых правительственных учреждений, должностных лиц и всех самоуправлений. Всем правительственным учреждениям, а также предприятиям, обязанным публичной отчетностью, предписывалось помещать свои объявления в “Сибирском вестнике”². По постановлению ВСП от 27 августа на страницах правительственной газеты должны были размещаться все публикации и объявления, которые до этого публиковались в “Сенатских ведомостях”³. По постановлению от 8 октября 1918 г. заключительные балансы и из-

¹ ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 5. Д. 156. Л. 34.

² Сибирский вестник. 1918. 17 авг.

³ Аналогичным образом обстоит дело и с официальными сообщениями губернского (или областного) уровня: они подлежали обнародованию в местных органах печати, издаваемых соответствующими правительственными комиссарами, а при отсутствии таких органов должны были помещаться в “Сибирском вестнике”.

влечения из годовых отчетов предприятий, ранее публиковавшиеся в “Вестнике финансов, промышленности и торговли”, временно должны были размещаться в “Сибирском вестнике”¹.

Для работы на местах создавались отделения или назначались агенты Сибирского телеграфного агентства. Со временем сеть корреспондентов СТА охватила города Уфу (корреспонденты – Сосонкин, Цветков, Энгенфельд), Ирбит (Атмакин), Екатеринбург (Яринский), Челябинск (Сokolov), Тюмень (Смагин), Ново-Николаевск (Пославский, Савченко), Красноярск (Тарасов), Иркутск (Житенев, Иванов), Читу (Васильевский), Хабаровск (Перлин), а также Якутск, Барнаул, Бийск, Томск, Оренбург, Уральск, Миасс, Харбин, Благовещенск и Владивосток².

Соглашения СТА с иностранными телеграфными агентствами подлежали утверждению Совета Министров. Ежедневно бюллетени, циркулярные телеграммы, содержавшие официальную информацию, направлялись членам правительства, консулам стран Антанты, областным и губернским комиссарам, а также в редакции всех газет. До 1 декабря 1918 г. СТА выпустило 460 телеграфных бюллетеней³.

В “Положении о СТА” говорилось, что учреждение последнего “не препятствует открытию впоследствии и других частных телеграфных агентств”. Фактически же Сибирское телеграфное агентство обладало исключительным правом на официально распространяемую информацию и в силу своего монопольного положения по отношению к прессе являлось инструментом государственного контроля не только над СМИ, но и, опосредованно, за общественными настроениями.

Уже летом 1918 г. была предпринята первая попытка централизовать деятельность информационных органов. В августе товарищ министра внутренних дел Павел Яковлевич Михайлов направил в Совет министров доклад, в котором обрисовал деятельность информационно-агитационного отдела при МВД и Информационного бюро при Совете министров.

По его словам, в период организации и развития своей деятельности оба аппарата “резко отмежевались один от другого”, не было установлено ни контакта между ними, ни общей координации действий. Таким образом, весь ценный материал, поступающий с мест, а также исходящий от центра, оставался неиспользованным, поскольку он поступал от информационно-агитационного отдела сразу в министерский архив, а материал, исходящий от центра, публиковался лишь в нескольких газетах Сибири.

¹ Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. № 20. Ст. 159.

² ГА РФ. Ф. 4886. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

³ Правительственный вестник. 1918. 25 дек.

По мнению П.Я. Михайлова, информационно-агитационный отдел, распространяя свою деятельность на всю Сибирь, информировал население о происходящих событиях, пользуясь случайно попавшими под руку материалами. Попутно через своих инструкторов-информаторов отдел собирал сведения о положении и настроении на местах. Весь этот материал, за неимением органа обрабатывающего его и дающего ему надлежащее назначение, частично попадал в местную прессу и в виде компиляции в МВД.

Другой же отдел, информационный при Совете министров, который по существу своему должен был информировать и население, и правительство обо всем происходящем, занимался только опубликованием оперативных сводок, получаемых от штаба армии, и правительственных распоряжений, путем рассылки телеграмм по губернским городам. “Но вряд ли отдел знает, что творится на местах, – указывалось в докладе, – если он не прочитает случайно газетной статьи, освещающей положение на местах в газетах разного направления с различных точек зрения, и вряд ли отдел может правильно информировать правительство о том, что происходит на местах в самой гуще населения и каково там отношение к правительству”¹.

Подобное положение вещей, по мнению П.Я. Михайлова, вызывало только непроизводительную бесцельную трату средств и энергии, и не могло рассматриваться иначе, как просто недоразумение, имеющее свои глубокие корни в неправильной постановке дела из-за отсутствия единого информационного аппарата. Чтобы поставить дело информации на надлежащую высоту, он предлагал на рассмотрение правительства проект организации информационного отдела при Совете министров на новых основаниях.

Предлагаемый проект предусматривал в целях координации действий объединить информационный подотдел инструкторско-информационного отдела при МВД и Информационный отдел при Совете министров в единый Информационный отдел при Совете министров. Основными задачами этого отдела являлись бы: а) информирование населения о происходящих событиях; б) осведомление правительства о положении дел на местах; в) сбор материалов о жизни страны и сосредоточение их в общем для всей Сибири музее печати (Книжной палате) и г) осуществление связи с центральным правительством Российской Федеративной Республики.

На этом проекте управляющий Информационным бюро А.И. Манкевич 20 августа 1918 г. сделал запись: “Мысль о слиянии двух организаций в одно учреждение здоровая и осуществимая. Указанные здесь задачи воплощены в жизнь, но координирование действий необходимо,

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 210. Л. 52.

дабы затраты были производительны и лучше использовались. Если министр внутренних дел положительно пожелает передать свой отдел Инфбюро, последнее не откажется”¹. Однако этот проект постановления ВСП не был принят.

Наряду с созданием правительственных информационных органов шел процесс формирования аналогичных структур в армии. 12 июня 1918 г. штаб Западно-Сибирского военного округа, руководящий центр антибольшевистских военных формирований к западу от Енисея, был преобразован в штаб Западно-Сибирской отдельной армии. С целью изучения и пропаганды военно-политического опыта июньского анти-советского выступления при штабе был учрежден Военно-исторический отдел во главе с генерал-майором В.Р. Романовым.

В обращении, выпущенном 24 июля, говорилось, что задачей Военно-исторического отдела “является собирание исторических материалов, относящихся к свержению советской власти в Сибири и к истории Сибирской армии, разбор их, составление подробных исторических справок и издание о происходящих событиях”. В нем содержался также призыв к населению, военным и гражданским учреждениям передавать в отдел относящиеся к указанной тематике документы (газеты, прокламации, приказы, фотографии, дневники и т.п.). “Военно-исторический отдел, – говорилось в обращении, – по мере своих сил, поможет своей работой будущему нашему поколению вполне объективно и со всеми подробностями разобраться в июньском перевороте в Сибири, а также и последующих событиях”².

27 июля 1918 г. распоряжением Совета министров Западно-Сибирская отдельная армия была переименована в Сибирскую, а 30 июля ее командующий, генерал-майор А.Н. Гришин-Алмазов утвердил военный штат штаба армии, включавший Военно-исторический отдел в составе исторического, информационного и военно-цензурного отделений.

Одной из важных задач, стоявших перед пропагандистским аппаратом, стало создание военной газеты. Этой теме была посвящена специальная статья Г.А. Вяткина, опубликованная в “Сибирском вестнике” 15 сентября 1918 г. “Организация молодой сибирской армии, – писал он, – заканчивается. Тысячи, десятки тысяч молодых людей призваны на защиту родины. Судя по ходу набора, нельзя сомневаться в их верности воинскому долгу, и есть все основания полагать, что молодая сибирская армия сумеет постоять за честь и достоинство России и Сибири. Но армия вправе требовать к себе внимательного отношения, как со стороны правительства и военного ведомства так и со сто-

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 210. Л. 53, 53 об.

² Народная газета (Томск). 1918. 8 авг. (26 июля).

роны общества. Совместными усилиями государственных и общественных учреждений она должна быть одета, обута, обеспечена продовольственными и иными запасами”. Однако, по мнению Вяткина, кроме материальных потребностей у армии есть, несомненно, потребности духовные, и их тоже необходимо удовлетворить. “Огромное большинство призванных молодых людей, – писал он далее, – грамотны, у них есть потребность в чтении, в той или иной работе мысли, есть духовная жажда, и эта потребность, эта жажда должны найти живой отклик, действенное сочувствие: для армии нужна газета”. Опираясь на имеющийся у него опыт (в годы Первой мировой войны в качестве корреспондента он выезжал в действующую армию, а затем служил на Северном фронте помощником уполномоченного по информационной части), Вяткин попытался наметить характер и программу проектируемого издания. Справедливо отметив, что подобные издания выходили как при царском режиме, так и при Временном правительстве, он указал и на неудачный, по его мнению, опыт тех и других. Армейские газеты царского режима, с точки зрения Вяткина, наполнялись в большинстве случаев одним лишь официальным материалом, сухим и скучным и притом однообразным, специально военным. Для солдатской массы это было неинтересно, часто непонятно, а если и понятно, то неубедительно. Армейские же газеты времен Временного правительства страдали другим огромным недостатком: почти все они были партийны и все без исключения были наполнены исключительно одной политикой. “Сначала солдаты набросились на них, а затем предпочли перейти на «Петроградский Листок» где и чувствительный роман печатался и любопытные подробности разных уголовных историй”. Проектируемая армейская сибирская газета, считал он, должна избежать таких непоправимых ошибок. “Газета должна быть аполитична. И армия, и ее газета пусть будут вне всякой политики, вне всяких политических нашептываний как справа, так и слева. Газета должна быть интересна для солдатской массы, которая и явится ее главной и может быть единственной аудиторией, ибо господа офицеры имеют возможность читать всякие другие издания”.

Для того же, чтобы газета была живой, бойкой и читаемой, по мнению Вяткина, она должна быть разнообразной и состоять примерно из следующих десяти основных отделов:

1. Официальный: приказы, распоряжения, наказания.
2. Война. Оперативный сводки, наши и союзнические. Описание выдающихся боев и подвигов. Еженедельные систематически обзоры военных действий.
3. Общая хроника: события русской и иностранной жизни.
4. Хроника сибирской жизни.

5. Что пишут в других газетах (перепечатки полностью или в выдержках подходящих статей из Сибирских и общероссийских газет.

6. Корреспонденции и письма из армии.

7. Военно-технический отдел: популярные статьи по вопросам строевой и боевой службы, стратегии и тактики, обороны и нападения. Ознакомление пехоты с задачами и работой кавалерии, артиллерии, воздухоплавания, инженерных войск (с примерами, элементарными чертежами, фотографическими снимками).

8. Литературный или научный фельетон: а) стихи, б) беллетристика – в одинаковой степени занимательная и содержательная, преимущественно перепечатки лучших коротких рассказов мировой литературы на тему о долге, родине, чувстве товарищества и т.п.; в) популярные статьи по естественным наукам, родиноведению, сибиреведению, европейской и русской истории.

9. Смесь: анекдоты, шутки, задачи, загадки и т.п.

10. Справочник и ответы на деловые вопросы читателей.

Однако, несмотря на создание нескольких информационно-пропагандистских органов, агитация и пропаганда на территории Западной Сибири летом-осенью 1918 г. была поставлена слабо. Население, в особенности сельских местностей, удаленных от губернских и уездных центров, было плохо информировано о текущих политических событиях. Так, например, по сообщению инструкторов население села Бердского Ново-Николаевского уезда даже в августе 1918 г. было “еще не уверено в падении большевистской власти” на Востоке страны¹.

Одним из первых политических деятелей Сибири, кто обратил внимание на необходимость применения специальных мер пропагандистского воздействия, был бывший военный министр Временного правительства автономной Сибири Аркадий Антонович Краковецкий. В начале сентября 1918 г. им был представлен на рассмотрение Временному Сибирскому правительству доклад по вопросу о создании армии. В докладе, наряду с прочими мероприятиями, призванными, по мнению А.А. Краковецкого, подготовить общественное мнение к мобилизациям и призывам, называлась организация самой широкой пропаганды среди населения, особенно среди крестьян, под лозунгом защиты Сибири от немцев. При этом Краковецкий указывал на то, что “пропаганду сильно облегчило бы одновременное снабжение населения предметами первой необходимости (мыло, гвозди и т.д.)”².

С образованием на Государственном совещании в Уфе (сентябрь 1918 г.) Временного Всероссийского правительства (ВВП), претендовав-

¹ ГАТО. Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

² Цит. по: Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. С. 138.

шего на власть в общероссийском масштабе, начинается новый этап в истории восточной контрреволюции. Что же касается ее идеологического аппарата, то он также вступает в новую стадию развития (сентябрь 1918 – май 1919 г.), которую можно охарактеризовать как период становления.

Еще до принятия официального постановления о создании Отдела печати управляющий делами Директории А. Кругликов 5 октября 1918 г. направил председателю Совета министров ВВП П.В. Вологодскому письмо, в котором просил сделать официальное распоряжение всем подведомственным центральным и местным учреждениям о необходимости направлять в Бюро печати при Временном Всероссийском правительстве или его специальным корреспондентам на местах все материалы, касающиеся деятельности этих учреждений, “в той части, которая подлежит опубликованию в печати”¹.

10 октября 1918 г. телеграммой было отправлено официальное объявление всем газетам Европейской России и Сибири о том, что при Временном Всероссийском правительстве образовано Всероссийское телеграфное агентство с условным телеграфным обозначением “ВТА”. Условия подписки на телеграфные известия ВТА с 1 ноября зависели от объема получаемой информации – 600 или 450 рублей².

25 октября 1918 г. новому правительству был направлен доклад об организации и функциях Отдела печати при ВВП. В нем указывалось, что задачи отдела определяются заинтересованностью правительства в том, чтобы общество было своевременно и надлежащим образом осведомлено о его работах, о тех или иных шагах и мероприятиях как самого правительства, так и его органов и агентов. Точно так же правительство заинтересовано в надлежащем освещении тех или иных явлений общественно-политической жизни страны через посредство повременной прессы. Наконец, правительство нуждается в информационном аппарате, который своевременно и правильно освещал бы перед правительством настроение общественного мнения, поскольку оно выявляется на страницах повременной прессы. Таким аппаратом и должен был стать Отдел печати, ставящий себе двустороннюю задачу: 1) широкое осведомление общества; 2) осведомление правительства.

Исходя из поставленных задач, Отдел печати предполагалось создать в составе следующих подразделов:

1. Бюро печати, в задачи которого входило концентрировать у себя все сведения, поступающие от правительства, центральных и местных органов власти и управления, а также от Бюро по обзору печати. Все эти сведения Бюро печати должно было редактировать, направлять членам

¹ ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 96. Л. 13.

² Там же. Ф. 4886. Оп. 1. Д. 11. Л. 17.

правления и через Всероссийское телеграфное агентство и “Вестник Временного Всероссийского правительства” сообщать их русскому и заграничному обществу.

2. Телеграфное агентство при Отделе печати, в отличие от всех остальных агентств называемое Всероссийским телеграфным агентством (ВТА), должно было стать техническим аппаратом, которым Отдел печати пользуется для распространения информации. ВТА должно было организовать в России, на Дальнем Востоке и за границей сеть агентур и отделений, а также связаться с заграничными информационными агентствами. Причем для ВТА предполагалось установить особый порядок пользования правительственным телеграфом.

3. “Вестник Временного Всероссийского правительства” (именуемый также “Правительственным вестником”) должен был стать официальным органом власти. В нем публиковались бы законоположения и постановления правительства. Вместе с тем на страницах “Вестника” предполагалось помещать статьи по общественно-политическим и хозяйственно-экономическим вопросам, освещая в них мероприятия правительства, а также те или иные общественно-политические явления с официальной точки зрения. Вестник должен был снабжаться достаточно полной информацией, чтобы быть интересным для чтения широких слоев населения.

4. Бюро по обзору печати. Оно делало бы ежедневные обзоры современной русской прессы, выбирая все наиболее существенное как в части публицистической, так и информационной. Обзоры эти должны были представляться членам правительства, начальникам департаментов, иностранным миссиям и т.д. Этими же обзорами могло пользоваться Бюро печати, поскольку в обзорах помещались те или иные свежие информационные материалы, или излагались и цитировались такие статьи, которые Бюро печати нашло бы нужным распространить в выдержках путем ВТА или на страницах “Вестника ВВП”.

Согласно представленной смете ежемесячно на содержание Отдела печати со всеми его отделениями необходимо было 106 527 рублей 50 копеек¹.

4 ноября Временное Всероссийское правительство приняло постановление об Отделе печати, который учреждался при Управлении делами и состоял из трех подотделов: 1) Всероссийского телеграфного агентства, 2) Бюро печати и 3) Бюро по обзору печати. В связи с чем существовавшее при ВСП Информационное Бюро в составе двух подотделов (Сибирского телеграфного агентства и Бюро печати) упразднилось. Кредиты и ассигнования, а также обязанности по договорам переносились на Отдел

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 209. Л. 1–9.

печати ВВП. Начальнику Отдела печати поручалось срочно выработать штаты данного учреждения и представить их на утверждение ВВП¹.

Отдельно было принято постановление ВВП от 4 ноября 1918 г. об издании “Вестника Временного Всероссийского правительства” при Управлении делами Директории в городе Омске. Он создавался на основе упраздняемого “Сибирского вестника”, официального печатного органа Временного Сибирского правительства. Временно исполняющим обязанности главного редактора был назначен профессорский стипендиат при кафедре русского языка и словесности Московского университета Алексей Леонидович Фовицкий². Ему было поручено в срочном порядке выработать штаты редакции и конторы и предоставить их на утверждение правительства. Впредь до утверждения штатов новой правительственной газеты штаты “Сибирского вестника” сохранялись. Кредиты и ассигнования, а также обязанности по всем договорам “Сибирского вестника” переносились на “Вестник ВВП”³. “Вестник ВВП” также печатался в типографии Омской железной дороги. Всего было выпущено 11 номеров.

Вскоре на утверждение Директории был представлен список служащих Отдела печати ВВП. В него вошли:

- 1) Минин Александр Аркадьевич – управляющий отделом печати;
- 2) Кунин Илья Карпович – помощник управляющего отделом печати;
- 3) Гонтарев Сергей Владимирович – заведующий телеграфным агентством;
- 4) Сапер Матвей Лазаревич – заведующий бюро печати;
- 5) Браудо Василий Исаевич – заведующий бюро по обзору печати;
- 6) Шипков Георгий Николаевич – сотрудник при ВВП;
- 7) Дубровский Павел Федорович – ответственный редактор;
- 8) Роговин Николай Иванович – ответственный редактор;
- 9) Лавров Николай Федорович – ответственный редактор;
- 10) Фаин Зальма Герцович – заведующий конторой ВТА⁴ и др.

Однако вплоть до военного переворота 18 ноября 1918 г. вопрос о передаче всех дел упраздненного Информационного бюро ВСП Отделу печати ВВП решен не был, так же как не были утверждены новый штат сотрудников и его бюджет.

Сразу же после образования Директории для руководства всеми вооруженными силами российской контрреволюции на Востоке страны был учрежден институт Верховного главнокомандующего. Эту долж-

¹ ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 96. Л. 20; Вестник Временного Всероссийского правительства (Омск). 1918. 6 нояб.

² Вестник Временного Всероссийского правительства. 1918. 6 нояб.

³ ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 1. Д. 96. Л. 18, 18 об.

⁴ Там же. Ф. 4886. Оп. 1. Д. 11. Л. 26.

ность занял активный деятель “Союза возрождения”, бывший командующий 5-й армии генерал-лейтенант В.Г. Болдырев.

“Чрезвычайно сложным, – вспоминал он впоследствии, – оказался вопрос о формировании моего штаба. Старых опытных работников, сотрудников по мировой войне, под рукой не было”¹. Справедливо это замечание и по отношению к созданному при штабе главковерха Информационному отделу, в состав которого входили культурно-просветительское и военно-цензурное отделения. В созданных в это же время при штабах армий агитационных (или информационных, как это было в Сибирской армии) отделах ситуация была не лучше.

К тому же военно-пропагандистская (“осведомительная”) работа как вид деятельности для российских военных была совершенно неизвестна. Армейское командование относилось к ней настороженно, зачастую скептически или даже неприязненно. Все это сказывалось на результатах осведомительных органов. Как признавал тот же В.Г. Болдырев: “Правильно налаженной агитационной работы у антибольшевистских группировок не было, она не создалась в должной мере и потом. В этом отношении Красная армия всегда была в значительно более выгодном положении”².

После прихода к власти адмирала А.В. Колчака постановлением Совета министров от 19 ноября 1918 г. Отдел печати Временного Всероссийского правительства и редакция “Вестника ВВП” переходили в состав Управления делами Совета министров, при этом “Вестник Временного Всероссийского правительства” был переименован в “Правительственный вестник”³. Структура Отдела печати первоначально не изменилась, сохранялись Бюро печати и Бюро обзоров печати, и лишь Всероссийское телеграфное агентство было переименовано в Российское телеграфное агентство (РТА). Возглавил Отдел печати бывший управляющий Инфбюро ВСП А.И. Манкевич.

Необходимо отметить, что само преобразование шло крайне медленно. Так, в начале декабря 1918 г. еще поступали доклады в адрес Информационного бюро Совета министров, то есть органа ВСП, официально ликвидированного еще Директорией⁴. Таким образом, фактически Отдел печати начал формироваться лишь в конце ноября – декабре 1918 г. и лишь к февралю 1919 г. в общих чертах закончил свою организацию⁵. В это время он располагался по адресу ул. Александровская, д. 19.

¹ Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Ново-Николаевск, 1925. С. 58.

² Там же. С. 59.

³ Приказом от 24 января 1919 г. № 29 Алексей Леонидович Фавицкий был освобожден от исполнения обязанностей главного редактора “Правительственного вестника” с 19 ноября 1918 г. (Правительственный вестник. 1919. 29 янв.).

⁴ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 210.

⁵ Там же. Л. 36–38.

В это время была предпринята еще одна попытка объединить информационные органы при Совете министров и МВД. Так, 14 декабря 1918 г. канцелярия Совета министров и Верховного правителя направила управляющему Отделом печати Манкевичу представление Министерства внутренних дел от 10 декабря того же года за № 5015, подписанное А.Н. Гаттенбергером.

“В переживаемое странною переходное время борьбы за возрождение государственности, – говорилось в представлении, – печать должна проявить огромную организующую силу. К сожалению, в своем большинстве она находится в руках лиц, более или менее отрицательно настроенных к возможности возрождения единой великодержавной России, управляемой не из партийных комитетов. При таких условиях государственная власть должна проявить последовательность и твердость в борьбе с органами печати, ведущими противогосударственную работу”.

Проблема заключалась в том, что вследствие объявления во многих местностях военного положения дела печати были разделены между гражданским ведомством и военной властью. “С другой же стороны, – писал Гаттенбергер, – в порядке гражданского управления правительственный аппарат по делам печати раздроблен между Советом министров и Министерством внутренних дел”. С целью ликвидации такого положения он предлагал объединить наблюдение за печатью как в центре, так и на местах в рамках единого органа (департамента печати) в структуре МВД.

В этом случае МВД получило бы свой центральный осведомительный аппарат, который бы возглавил местные, губернские и уездные органы по делам печати, отчасти уже состоящие при комиссариатах. Одновременно информационные учреждения (“Правительственный вестник”, Телеграфное агентство, Бюро обзоров и вырезок и Информационное бюро), передаваемые от Совета министров в МВД, получили бы на местах агентов “официального характера”. В случае проведения указанной меры Министерство внутренних дел получило бы возможность оказать необходимое воздействие на печать и “парализовать ее противогосударственное влияние на массы”¹.

Однако управляющий Отделом печати категорически отклонил это предложение. В своем заключении по докладу Гаттенбергера Манкевич привел следующие соображения:

“1. «Правительственный вестник» уже по самому своему названию есть орган правительства в целом, отражающий работу отдельных ведомств и этим самым объединяющий ее. Министерство внутренних дел имеет в газете свое постоянное почетное место, но весь правительственный орган ни коим образом не может быть в его ведении.

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 210. Л. 9.

2. Телеграфное агентство есть аппарат одинаково обслуживающий информацию внутреннюю и внешнюю, а также Совет министров, т.е. все официальные правительственные сообщения, распоряжения и пр., и министерство внутренних дел является в нем лишь частью, которая конечно, не может поглотить целого.

3. Бюро по обозреванию печати рассчитано в одинаковой степени на обслуживание правительства в целом, т.е. Совета министров, и каждого ведомства в отдельности. При соответствующем расширении его штатов оно может с успехом и вполне исчерпывающе обслуживать в частности и министерство внутренних дел”¹.

Исходя из этого, по мнению Манкевича, “всем этим трем подотделам Отдела печати целесообразнее оставаться при центральном правительственном органе – Совете министров. Остается лишь организация наблюдения за печатью и регистрация печатных произведений, функции бывшего Главного управления по делам печати. Это всегда находилось в ведении министерства внутренних дел и принадлежит ему по праву”².

За период формирования в структуре Отдела печати произошли заметные перемены. Во многом это было связано с изменившимся отношением правительства к делу информации населения. В объяснительной записке к штатному расписанию Отдела печати от 19 декабря 1918 г. говорилось: “В настоящий исторический момент, в сложной политической ситуации, когда на целые века вперед определяется судьба стран и народов, роль государственной информации становится чрезвычайно важной, какою не была никогда до сих пор. Многие державы уже осознали эту роль и отвели информации должное почетное место, – достаточно указать на такие примеры, как грандиозный масштаб работы Американского правительственного бюро печати, или назначение в новой Германии специального комиссара информации, включенного в состав министерского кабинета. Политическою необходимостью диктуется и для России иное отношение к этой отрасли государственного дела”³. Для улучшения информационной деятельности предлагались следующие меры:

1) приобрести собственную типографию для печатания “Правительственного вестника” и других официальных изданий;

2) организовать филиал Российского телеграфного агентства на Дальнем Востоке для более тесной и разносторонней связи с границей, а также более широкого осведомления местного населения;

3) организовать собственно информационное бюро, для работы в котором привлечь находящихся при управлении Отделом печати группу сотрудников, во главе с заведующим информацией;

¹ ГАРФ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 210. Л. 3.

² Там же.

³ Там же. Л. 56.

4) сосредоточить в целях экономии и согласованности всю информацию от правительства к населению и обратно в Отделе печати, а информационные органы отдельных министерств упразднить, причем их персонал и технические средства передать Отделу печати.

В начале 1919 г. А.И. Манкевич направил в Совет министров доклад, в котором говорилось о том, что защита интересов Великодержавной России перед заграничным общественным мнением и в иностранной прессе должна быть поручена специально на то уполномоченным правительственным корреспондентам. “Ныне создалась ненормальное и чреватое тяжкими последствиями для дела воссоздания нашей Родины положение, – писал управляющий Отделом печати, – когда о России пишется буквально все, что заблагорассудится иностранцам. Регулярно и планомерно проводимая связь Омска с мировыми политическими центрами до сих пор не налажена”¹.

По мнению управляющего, необходимо было срочно организовать информационный аппарат за границей, в виде особо уполномоченных лиц, которым будет поручено защищать русские интересы в иностранной прессе, с одной стороны, а с другой – они должны будут широко поставить осведомление Омска обо всем, что русскому политическому центру и российскому общественному мнению необходимо знать относительно политической конъюнктуры того государства, при котором конкретный корреспондент аккредитован.

По этому вопросу состоялось заседание представителей Отдела печати и Министерства иностранных дел под руководством товарища министра иностранных дел Г.К. Гинса. На нем было принято решение войти с ходатайством в Совет министров об утверждении “в принципе” должностей “правительственных корреспондентов” за границей. Также были намечены кандидаты в корреспонденты и заграничные телеграфные агентства, при помощи которых предполагалось наладить связь Омска с мировыми политическими центрами.

Так, Париж должен был осведомляться агентством “Гавас” и организовавшимся там отделением РТА в лице А.П. Извольского, В.Л. Бурцева и А.И. Коновалова. Парижскому отделению РТА планировалось поручить информировать Рим и Балканы, так как посылка туда телеграмм из Омска обходится слишком дорого. В Лондон информация должна была поступать от агентства “Рейтар”, а также через известного публициста и корреспондента “Русских ведомостей” Шкловского (Дионео). Предполагалось, что Нью-Йорк будет обслуживать компания “Associated press”, с представителем которой, мистером Старки, были начаты переговоры.

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 210. Л. 1, 2.

Также предполагалось пригласить корреспондентом директора Русского информационного бюро в Соединенных Штатах А. Зака.

В Токио должен был начать осведомительную работу профессор Теодорович. В Китае (Пекин, Шанхай) временно поручалось дело информации Дальневосточному отделению РТА во Владивостоке, во главе с Б.Г. Перминым, а в Харбине – Н.А. Доброловскому¹. Параллельно с этим во Владивостоке было организовано бюро японо-китайской печати, руководил которым профессор Спальвин. Возможные расходы по передаче телеграфного материала за границу совещание определило приблизительно в 150 000 рублей ежемесячно².

Вскоре вся эта деятельность была сосредоточена в учрежденном Иностранном бюро информации, главной задачей которого ставилось осуществлять регулярную, авторитетную и широкую информацию Европы, Америки и Японии, путем ежедневной отправки в адрес специальных правительственных корреспондентов обширного осведомительного материала. В задачи этого бюро также входили переводы текстов посылаемых за границу официальных сообщений и откликов зарубежной прессы на российские события. Для более качественной работы бюро учредило два стола – английский и французский, заведование которых поручено ответственным редакторам. Помимо штата переводчиков была учреждена должность владеющего языками секретаря бюро, так как делопроизводство становилось все более сложным.

Характерное свидетельство о деятельности правительственного Бюро иностранной информации оставил его руководитель Л.В. Арнольд. “Когда мне было дано слово (речь идет о его выступлении на совещании руководителей Министерства иностранных дел. – *Авт.*), я сделал свой доклад, нарисовав мрачную картину гнетущей неосведомленности за границей об Омске, его борьбе и его политической программе.

– Критиковать легко, – сказал мне не без яда Сукин, – и то плохо и это... А вот вы бы взяли и помогли нам! Вы журналист? У нас есть бюро иностранной информации... После ареста Директории там остались одни милые дамы. Они что-то сочиняют, что-то переводят, что-то отправляют. Это надо организовать! Беретесь за это дело?

Так состоялось мое назначение директором бюро иностранной информации”³.

¹ Доброловский Н.А., Редактор газеты “Вестник Маньчжурии”, несколько лет был помощником редактора “Юань-дунь-бао”, газеты, выходящей на китайском языке. Имел обширные связи в Китае.

² ГА РФ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 210. Л. 1, 2.

³ *Арнольд Л.В.* Жизнь и революция. Гроза пятого года. Белый Омск. Шанхай, 1935. С. 151.

Не менее красочно Арнольдов нарисовал и свое знакомство с Бюро: «Когда Манкевич и я вошли в помещение бюро иностранной информации, картина моим взорам предстала действительно оригинальная: точно женская студия с классами переводов и машинописи. Много дам, молодых и постарше, все одеты с претензией на изящество... Что же делали эти «милые дамы» – как их назвал Сукин. Они, оказывается, не спеша переводили то, что им нравилось, составляли из газетных переводов сводки, эти сводки множили на ротаторе и рассылали министрам и по штабам»¹.

В феврале 1919 г. был поднят вопрос о создании Пресс-бюро, главной задачей которого стало бы ведение агитации и пропаганды в тылу, на фронте и в Советской России, распространение циркулярных статей для газет, а также печатание брошюр, листовок и пр.

Помощник управляющего Отделом печати Вяткин был командирован в Екатеринбург для обсуждения этого вопроса с редактором влиятельной газеты «Отечественные ведомости» А.С. Белоруссовым², которого вместе с помощниками предполагалось привлечь к работе в Пресс-бюро. Однако Белоруссов оказался в отъезде. В переговорах приняли участие его ближайшие помощники и соредакторы Е.С. Синегуб и В.К. Самсонов. Они заявили, что «создание Пресс-бюро при правительстве, хотя бы и в замаскированном виде, не достигнет своей цели, даже будучи хорошо поставленным, так как не рассеет известных предубеждений, укоренявшихся веками, для того, чтобы их преодолеть, нужен очень осторожный подход к борьбе с ними, нужны долгие годы»³.

Сочувственно относясь к правительству и чистосердечно считая адмирала Колчака чрезвычайно умным и незаменимым государственным деятелем и благородным человеком, сотрудники «Отечественных ведомостей» заявили, что и в дальнейшем будут поддерживать прави-

¹ Арнольдов Л.В. Жизнь и революция... С. 152–153.

² Белевский (Белоруссов) Алексей Станиславович (1859–1919) – народник, потом член конституционно-демократической партии. За революционную деятельность отбывал наказание в ссылке, затем эмигрировал во Францию. Публицист, сотрудник и парижский корреспондент газеты «Русские ведомости». Во время Первой мировой войны занимал оборонческие позиции. В августе 1917 г. вошел в Совет общественных деятелей, выступавший за установление в России диктаторской власти. Октябрьский переворот встретил резко враждебно. В ноябре 1917 г. стал одним из организаторов первой московской анти-советской организации («девятка»), затем активно участвовал в формировании Добровольческой армии на юге России. Летом 1918 г. по заданию «Национального центра» переехал на Урал, где в Уфе и Екатеринбурге издавал газету «Отечественные ведомости». Указом Верховного правителя А.В. Колчака от 16 мая 1919 г. был назначен председателем подготовительной комиссии по разработке вопросов о Всероссийском представительном собрании учредительного характера. Умер в Иркутске в начале сентября 1919 г. (Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 551–552).

³ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 502. Л. 2.

тельство, но при этом останутся “группой свободных журналистов”. Мобилизацию же литературно-общественных сил вокруг правительства они предложили начать с деятельности чисто информационных органов Совета министров, например с РТА. Это позволит подготовить почву для образования в будущем агитационно-публицистического Пресс-бюро. Несмотря на это, правительственное Пресс-бюро было создано.

Находясь в процессе формирования, Отдел печати не имел утвержденного штатного расписания, а также планомерного финансирования. Значительных средств требовала деятельность Российского телеграфного агентства. 11 декабря 1918 г. Главное управление почт и телеграфов МВД довело до сведения РТА информацию о том, что с согласия зарубежных телеграфных управлений для него установлена уменьшенная пословная плата для отправляемых агентских телеграмм. За телеграммы в Китай – 94 коп., во все западноевропейские государства – 3 руб. 87 коп., в Северо-Американские Штаты – от 5 руб. 3 коп. до 6 руб. 67 коп. в зависимости от штата¹.

В связи с этим в начале 1919 г. А.И. Манкевич направил в Управление делами Верховного Правителя и Совета министров прошение, в котором указал, что на издание “Правительственного вестника” и деятельность РТА зачастую требуются расходы, не терпящие отлагательства. Исходя из этого, он предлагал для Отдела печати открыть отдельный счет в Государственном банке или в Главном казначействе. Управление делами должно было перечислять на него аванс в сумме месячного расхода по смете, а Отдел печати по прошествии месяца предоставлять отчет².

На начало 1919 г. долг Отдела печати за 1918 г. составлял 223 249 рублей. Однако 4 февраля 1919 г. Отдел печати довел до сведения Управления делами ВП и СМ, что при составлении сметы расходов не следует руководствоваться данными о затратах на Информационное бюро за 1918 г. На период с 1 января по 1 апреля 1919 г. Отдел печати потребовал еще 763 665 рублей. Это оправдывалось увеличением штатов и ростом цен. Так, в частности, указывалось, что снабжение “Правительственного вестника” бумагой предполагалось осуществлять по 100 рублей за пуд, в то время как цена бумаги поднялась до 170–200 рублей за пуд, что требовало дополнительных расходов 105 000 рублей на три месяца. Также не были учтены расходы по Иностранному информационному бюро, которые составляли за передачу информации 450 000 рублей за три месяца, а также 150 000 рублей на жалование агентам³.

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 38. Л. 4.

² Там же. Ф. 952. Оп. 3. Д. 210. Л. 32.

³ Там же. Л. 36–38.

В связи с расширением деятельности Отдела печати в правительство было направлено новое расписание штатов. В сопроводительной записке указывалось, что “главная разница между штатами прежними и новыми заключается в повышении ответственных должностей на один класс”. Это сделано с целью придания большего веса и большей самостоятельности руководителям Отдела печати, ибо работа их, в сравнении с работой первого периода, естественно и широко разрослась, и требует увеличения масштаба и соответствующего расширения компетенции руководителей¹. Повышение класса должности коснулось следующих служащих: управляющего отделом, его помощника, директора телеграфного агентства, директора Бюро обзоров, директора Иностранного бюро информации, редакторов “Правительственного вестника”, редакторов телеграфного агентства, редакторов переводов и ответственных обозревателей печати.

Кроме этого в штатах были произведены следующие изменения и дополнения: во-первых, учреждалась должность чиновника особых поручений VI класса при управляющем, необходимость в создании которой объяснялась напряжением и развитием работы. Во-вторых, создавалась должность старшего бухгалтера для руководства сложными денежными операциями телеграфного агентства, “Правительственного вестника”, вновь организованного Пресс-бюро и приобретенной правительственной типографии. В-третьих, были созданы новые структурные подразделения (Информационное бюро, Пресс-бюро).

Однако представленное штатное расписание не было утверждено, поскольку в мае 1919 г. произошла реструктуризация Отдела печати². Часть его подразделений перешли в ведение акционерного предприятия “Русское общество печатного дела” (РОПД). После этого Отдел печати представил изменения в штатное расписание. В соответствие с ним учреждалась новая должность старшего делопроизводителя VI класса с окладом 850 рублей в месяц. Ему передавался главный надзор за хозяйственно-технической стороной дела (канцелярия, хозяйственная часть, контора и экспедиция “Правительственного вестника” и т.д.), поскольку эти обязанности значительно обременяли управляющего Отделом печати, и он не мог уделять должного внимания основной работе. Причем указанный надзор оказалось невозможно возложить на чиновника особых поручений VI класса, предусмотренного прежним штатным расписанием, поскольку он постоянно был занят именно особыми поручениями.

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 210. Л. 60.

² До утверждения новых штатов постановлением СМ от 20 мая 1919 г. управляющему Отделом печати был присвоен IV класс должности. ГА РФ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 210. Л. 79.

По новому расписанию штатов заведующему типографией увеличился основной оклад жалования до 1 000 рублей. Это мотивировалось тем, что специалисты такого уровня высоко оплачивались в частных изданиях.

В штатах канцелярии Отдела печати появилась должность помощника делопроизводителя VIII класса за счет сокращения одной должности канцеляристки (из двух). Таким образом, у заведующего канцелярией появлялся заместитель, а хорошие работники из числа младших служащих получали возможность продвижения по службе.

Несмотря на выделение из Отдела печати некоторых структурных отделений, сокращения штатов бухгалтерии не произошло, поскольку возникла необходимость вести расчеты с РОПД, а прибытие закупленных для правительственной типографии машин возложило на бухгалтерию дополнительную работу.

Главному редактору “Правительственного вестника” предоставлялось добавочное содержание в 400 рублей в месяц за личное сотрудничество в газете (независимо от обычного построчного гонорара). Такое увеличение было вызвано несоответствием заработка редактора “Правительственного вестника” и редакторов частных газет, тем более что для данной категории работников преимущества, даваемые казенной службой, были минимальными.

Увеличивался штат бюро обзоров печати. Это было связано с улучшением почтовых сообщений и расширением территории, контролируемой Российским правительством, что привело к значительному увеличению количества получаемых газет и журналов. Вводилась должность корректора VIII класса, чтобы освободить квалифицированных обозревателей печати от проверки готовых обзоров. Наряду с этим жестко не ограничивалось количество обозревателей, поскольку предполагалось, что территория будет увеличиваться, но, в крайнем случае, предусматривалось увеличение их численности до 12 человек.

Вводилась новая должность заведующего конторой и экспедицией газеты “Правительственный вестник” VI класса, при этом собственно контора возглавлялась помощником заведующего. К такому изменению подтолкнула необходимость объединить эти тесно соприкасающиеся части Отдела печати, и поставить во главе квалифицированного работника.

На содержание всего Отдела печати в месяц (основные оклады содержания) требовалось, согласно предлагаемому штатному расписанию, 48 900 рублей¹. 26 июня 1919 г. адмирал Колчак утвердил расписание должностей и окладов содержания правительственного Отдела печати, а Совет министров постановил “отнести начало его действия к 1 января 1919 года”².

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 210. Л. 63–64.

² Правительственный вестник. 1919. 29 июля.

Структура и состав Отдела печати Управления делами Верховного правителя и Совета министров стали выглядеть следующим образом:

1. Управление. Управляющим Отделом печати стал В.П. Орлов¹; его помощниками – Г.А. Вяткин и А.И. Манкевич. Должность заведующего типографией занял В.П. Машкевич². Чиновником особых поручений был Б.Д. Сезеневский³.

2. Канцелярия. Возглавлялась делопроизводителем В.Н. Сильд⁴.

3. Бухгалтерия. Старшим бухгалтером был назначен Н.Н. Липин⁵.

4. Редакция “Правительственного вестника”. Главным редактором стал В.А. Кудрявцев⁶, его помощником по официальной части – П.Ф. Пономарев⁷ (впоследствии, вероятно, возглавил Бюро по обзору печати), помощником редактора по неофициальной, а затем и по официальной части – Л.С. Ушаков⁸ (с 20 сентября 1919 г. занял должность заведующий типографией, с оставлением в должности помощника редактора по официальной части).

5. Информационное бюро. Являлось центром ведомственной информации. Оно собирало информацию и обрабатывало весь поступающий материал. Заведующий информационным бюро был А.Н. Потоскуев⁹. В круг его обязанностей также входил сбор информации в Министерствах юстиции и труда, Государственном контроле, Высшем церковном управлении и Ведомстве исповеданий. Остальные ведомства, политические и общественные организации обслуживали сотрудники-информаторы Петр Оскарович Михайлов, Владимир Борисович Лехно и Георгий Николаевич Шипков. Материалы для хроники предоставляли Химский и Маркин¹⁰.

¹ Орлов Владимир Петрович. Родился в 1887 г. Прослушал курс Пермского университета. Был женат. (Данные о служащих Отдела печати приводятся по: ГА РФ. Ф. 952. Оп. 3 с. Д. 215. Л. 78, 84–86).

² Машкевич Владимир Павлович. Родился в 1882 г. Был женат, имел двоих детей. С должности заведующего типографией уволен 20 сентября 1919 г. в связи с переходом в Русское бюро печати.

³ Сезеневский Борис Дмитриевич. Родился 24 мая 1867 г. Окончил гимназию. Был женат, имел дочь.

⁴ Сильд Витольда Наполеоновна. Родилась в 1888 г. Имела дочь.

⁵ Липин Николай Николаевич. Родился 27 октября 1880 г.

⁶ Кудрявцев Владимир Андреевич. Родился 22 мая 1872 г. Окончил среднее учебное заведение. Имел сына.

⁷ Пономарев Павел Филиппович. Родился 13 января 1868 г. Окончил 5 классов гимназии и 2 курса Демидовского юридического лицея вольнослушателем. Был женат, имел двоих детей.

⁸ Ушаков Леонид Степанович. Родился в 1886 г. Окончил коммерческое училище. Был женат.

⁹ Потоскуев Александр Николаевич. Родился в 1879 г. Получил среднее образование. На службу в Отдел печати поступил 18 декабря 1918 г. Был женат, имел двоих детей.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 213. Л. 8 об.

6. Бюро по обзору печати. Вероятно, первоначально директором стал П.Ф.Пономарев, которого впоследствии сменил Г.А. Вяткин.

7. Временное бюро книжной палаты. Первоначально существовало как Отделение книжной палаты при МВД. Постановлением Совета министров от 15 мая 1919 г. оно было преобразовано во Временное бюро книжной палаты при Управлении делами Верховного Правителя и Совета министров¹. Заведующим книжной палатой стал Н.В. Яковлев². На местах образовывались краевые отделения – хранилища Книжной палаты в городах: Владивостоке, Иркутске, Томске, Перми, Казани, Саратове и Самаре. На управляющих губерниями и уездами возлагалась доставка во Временное бюро книжной палаты или в соответствующее отделение-хранилище произведений печати в количестве семи экземпляров, установленных законом Временного правительства “О печати” от 27 апреля 1917 г.

8. Контора. Заведующим был Степан Григорьевич Кохан, помощником заведующего конторой – Антонина Антоновна Покладская.

9. Экспедиция “Правительственного вестника”. Помощником заведующего конторой по экспедиции стала Елена Георгиевна Гурьева.

“Правительственный вестник”, как и прежние официальные издания (“Сибирский вестник” и “Вестник ВВП”), первоначально продолжал издаваться в типолитографии Омской железной дороги.

Редакционная часть работы была сосредоточена у трех лиц: главного редактора В.А. Кудрявцева, на которого были возложены общее руководство изданием и просмотр всего наиболее важного и ответственного материала; помощника главного редактора Л.С. Ушакова, который передавал в типографию весь газетный материал, предназначенный для неофициальной части; помощника главного редактора П.Ф. Пономарева, на которого была возложена обязанность получения всего официального материала из Управления делами ПВ и СМ, а также надзор за его публикацией. Тексты узаконений и распоряжений правительства Пономарев получал из инспекторского отдела под личную расписку. Наряду с этим часть узаконений направлялась Пономареву архивариусом из Правительствующего Сената³. Все приказы, исходящие от отдельных ведомств, проходили через общую регистратуру Отдела печати и передавались под расписку непосредственно Пономареву. Для большего удобства получения справок о напечатанном материале в офици-

¹ Правительственный вестник. 1919. 5 июня.

² Яковлев Николай Васильевич. Родился в 1891 г. Окончил историко-филологический факультет Петроградского университета.

³ ГА РФ. Ф. 3907. Оп. 3. Д. 15. Л. 12.

альной части, П.Ф. Пономарев вел лично для себя особую опись, которая позволяла быстро найти необходимые сведения.

В особо важных и срочных случаях инспекторская часть посылала материалы для опубликования лично главному редактору или же прямо в типографию, о чем делалось предварительное уведомление телефонограммой.

Благодаря тому, что работа Совета министров стала более планомерной, и в силу того, что “Правительственный вестник” освободили от печатания назначений на службу ниже VI класса, различные официальные материалы больше не накапливались, а публиковались своевременно. Следовательно, жалоб на несвоевременность опубликования нормативного материала практически не стало. Более того, когда тому или иному ведомству необходимо было ускорить издание какого-либо законодательного документа, оно могло поставить об этом в известность инспекторскую часть и редакцию, и совместно с ними установить день, когда следует напечатать необходимый документ. Вся ответственность за ошибки в напечатанных документах, за исключением типографских опечаток, возлагалась на инспекторскую или юрисконсультскую части Совета министров.

В неофициальной части печатались телеграммы, объяснительные записки по тем или иным важнейшим законопроектам, отчетные сведения различных центральных ведомств, беседы с официальными лицами или общественными деятелями, обзоры российской и заграничной прессы, а также статьи по вопросам политической и культурно-экономической жизни. Значительная часть материала поступала от информационного бюро уже в обработанном виде. Таким образом, заведующий Информационным бюро А.Н. Потоскуев являлся ближайшим помощником Л.С. Ушакова.

Порядок сдачи материала для неофициальной части был установлен следующий. Утром, к началу типографских работ доставлялся весь материал несрочного характера. Затем в течение дня (до 15 часов) поступал весь текущий материал. После этого вставить в номер какую-либо информацию можно было только в чрезвычайном порядке, по распоряжению управляющего делами Совета министров. Из редакции в типографию материал доставляли два рассыльных мальчика.

В неофициальной части “Правительственного вестника” активно сотрудничали Новомбергский, Устрялов, Малеев, Юрцовский, епископ Андрей (Ухтомский), Посельский, Гинс, Венецианов и др. Гонорар за статьи был установлен в следующем размере: за статьи оригинальные – 70 копеек за печатную строку; за компиляции – 50 копеек и за сведения информационного характера – 40 копеек. Однако из-за технических трудностей, когда “Правительственный вестник” выходил всего на двух

страницах, редакции пришлось прекратить печатание не только присылаемых статей, но и статей самого Кудрявцева и Ушакова, а также отказаться от дополнительных материалов, присылаемых ведомствами¹.

Постановка дел в конторе и экспедиции была разработана В.П. Машкевичем, который занимал должность заведующего конторой и экспедицией с 1 января 1919 г.

Подписка на “Правительственный вестник” была обязательна для всех губернских, областных, окружных, уездных и участковых правительственных учреждений, должностных лиц и самоуправлений. Подписная плата составляла 12 рублей в месяц, 60 рублей на полгода и 120 рублей в год. Принималась подписка только с 1-го числа каждого месяца в конторе газеты, располагавшейся по адресу: Любинский проспект, дом Шаниной. Всем правительственным учреждениям, а также предприятиям с обязательной публичной отчетностью необходимо было помещать свои объявления в “Правительственном вестнике”. Плата за объявления составляла 1 рубль 50 копеек за строку в один столбец.

Прием подписки на газету “Правительственный вестник” за наличный расчет производился в конторе издания. Для этого использовались специальные квитанционные книжки, состоявшие из трех частей: а) квитанция; б) талон и в) корешок. Подписку оформляла конторщица, которая квитанцию выдавала подписчику, а талон передавала в экспедицию. Также в обязанности конторщицы входило вести розничную продажу газеты, получать деньги по квитанциям и счетам за объявления, вести книгу лицевых счетов местных и иногородних киосков на основании фактур и накладных, получаемых ежедневно из экспедиции. Перед окончанием рабочего дня она составляла ведомость поступивших в контору денежных сумм, а сами деньги передавала заведующему конторой.

Прием подписки по денежным переводам производил счетовод по квитанционным книжкам из двух частей: а) квитанции и б) корешка. Подписку в кредит оформляла конторщица на основании отношения от заведующего конторой. И в том, и в другом случае квитанции передавались в экспедицию.

Прием объявлений осуществляла конторщица, занося их в квитанционные книжки, отдельно за наличный расчет и отдельно в кредит. Все объявления вписывались в специальную книгу объявлений, с обозначением, в какой срок они должны быть напечатаны. По этой книге ежедневно составлялась ведомость для типографии, где указывалось, какие объявления должны быть напечатаны в следующем номере.

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 213. Л. 12–14.

Вся поступающая в контору от Отдела печати корреспонденция передавалась заведующему, который распределял ее по отделениям. За исполнением следил помощник заведующего, который все отработанные бумаги передавал регистраторше для подшивки в дела в алфавитном порядке городов, почтовых отделений или волостей, отдельно по подписке и отдельно по объявлениям.

Заведующий экспедицией получал из конторы квитанции, распределял их по шести трактам (железным дорогам) и соответствующим образом вписывал в книги подписчиков. В этих книгах указывались подписчики по городам, почтовым отделениям, станциям или волостям.

Адреса новых подписчиков сначала печатались на пишущих машинках, ежедневно сверялись по книгам, а затем отправлялись в типографию для наклейки на газеты. По мере накопления адреса передавались в типографию для напечатания на весь период подписки. Отпечатанные и разрезанные адреса помещались в специальные комоды (каждый по десять ящиков, а в каждом ящике по двести ячеек) согласно книгам в алфавитном порядке городов, затем извлекались оттуда для ежедневной наклейки на газеты. Наклейку адресов производили два мальчика. За всей работой следил помощник экспедитора.

На отправляемые газеты составлялись накладные для каждого тракта отдельно. Учет газеты производил помощник экспедитора, ежедневно составляя ведомость, где указывалось количество отпечатанных, проданных, испорченных и оставшихся в экспедиции номеров. Одной из главных проблем стало то, что типография не успевала печатать адреса, поэтому экспедиции приходилось ежедневно на пишущих машинках печатать до пяти тысяч адресов. Также формат газеты практически не оставлял места на объявления, которых к маю 1919 г. в типографии скопилось до 700. Причем не было возможности печатать даже срочные объявления, которые вскоре теряли свое значение. Из-за этого у «Правительственного вестника» не было возможности покрывать расходы на издание за счет объявлений. В результате Совету министров приходилось практически полностью покрывать расходы правительственной газеты¹. Также недовольство выражали учреждения, обязанные по закону публиковать отчеты о своей деятельности в официальном издании.

Тираж «Правительственного вестника» постоянно увеличивался. Так, в 1918 – апреле 1919 г. печаталось 7 000 экземпляров, с 20 апреля по 10 мая 1919 г. – 8 000; с 11 по 21 мая – 9 200; с 22 мая стало выпускаться по 10 000 экземпляров. Однако и этого числа газет не хватало,

¹ Так, 30 января 1919 г. Совет министров постановил отпустить из средств Государственного казначейства 180 223 рубля 75 копеек в распоряжение управляющего делами Верховного правителя и Совета министров для покрытия типографских расходов по печатанию газеты «Правительственный вестник» (Правительственный вестник. 1919. 12 февр.).

поскольку все правительственные учреждения и органы местного самоуправления обязаны были выписывать “Правительственный вестник”.

Однако, даже оформив подписку, многие учреждения и лица не могли получить газету¹. Об этом свидетельствует отношение городского отдела МВД, направленное 19 марта 1919 г. товарищу министра внутренних дел. В нем отмечалось, что “Правительственный вестник” в настоящее время является единственным органом, в котором публикуются все правительственные распоряжения и законы. Исходя из этого, его выписка должна быть обязательной не только для правительственных учреждений, но и для органов городского самоуправления. Однако, предположив, что по условиям переживаемого времени не все самоуправления выписывают “Правительственный вестник”, городской отдел запросил у Отдела печати информацию о том, какие города не состоят подписчиками правительственной газеты. Это было важно в связи с принятием нового закона о выборах гласных городских дум, чтобы он сразу же был реализован на местах. Из отношения Отдела печати за № 18 от 20 февраля выяснилось, что на освобожденной территории 58 городских самоуправлений не получают “Правительственный вестник”. Городской отдел обратился в Отдел печати с просьбой выслать в срочном порядке в эти города правительственную газету, не дожидаясь поступления от них денег. В свою очередь, все городские самоуправления обязывались срочно перевести деньги и обязательно оформить подписку.

В ответ на это многие самоуправления обратились в городской отдел МВД с жалобами на действия конторы, рассылающей “Правительственный вестник”. Значительная часть не получающих газету самоуправлений своевременно выслала в контору газеты подписную плату и, несмотря на многочисленные просьбы ускорить высылку газеты, не получала ее, что ставило под угрозу выполнение закона о выборах. Городской отдел 6 марта обратился в Отдел печати с просьбой сообщить причины, в силу которых задерживается своевременная высылка “Правительственного вестника”². Экспедиция правительственного издания объясняла перебои с доставкой газеты исключительно малым тиражом. Уже с апреля 1919 г. экспедиция требовала увеличить его до 12 000 экземпляров, а официальную часть с 1 января по 1 мая 1919 г. допечатать дополнительно и разослать на места. Однако долгое время из-за отсутствия собственной типографии сделать это не представлялось возможным. Ситуация требовала от Российского правительства расширения издательской деятельности, для чего необходимы были отдельное помещение для типографии, а также оборудование, бумага и расходные материалы.

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 213. Л. 9–11.

² Там же. Ф. 952. Оп. 3. Д. 210. Л. 46, 47.

В условиях перегруженности Омска различными правительственными учреждениями поиск помещения для “Правительственного вестника” представлял сложную задачу. По поручению помощника управляющего делами ВП и СМ Т.В. Бутова заместитель редактора Л.С. Ушаков 21 января 1919 г. произвел обследование филиального отделения типографии Омской железной дороги, расположенного в доме политехнического института. Это филиальное отделение Омская железная дорога планировала перенести в главную типографию, в связи с чем в освободившемся помещении предполагалось разместить типографию и экспедицию “Правительственного вестника”.

Оборудование этой филиальной типографии составляли две рояльных машины, пригодные для выпуска газеты, а также одна полуальбомная, одна “американка” и одна “листовка”, на которых можно было выполнять мелкие работы, например печатать бюллетени. Типография снабжалась энергией от электрической станции, принадлежащей Омской железной дороге. Само же помещение арендовалось у политехнического института за 18 тысяч рублей в год.

Однако эта типография в основном выпускала журналы (“Вестник Омской железной дороги”, “Вестник Министерства путей сообщения”), а также различные мелкие заказы. В связи с чем в ней не оказалось газетных шрифтов. Областная типография в одолжении шрифтов отказала, ссылаясь на недостаток для собственных работ. Для обеспечения правительственной типографии шрифтами было сделано распоряжение в Челябинск о приобретении их у эвакуированной туда уфимской газеты “Народ”, для чего предполагалось даже командировать туда особое лицо¹.

Параллельно поиски более удобного помещения для правительственной типографии продолжались. Так, в середине марта 1919 г. был произведен осмотр первого этажа здания Русско-азиатской компании по улице 2-й взвоз. Однако после обследования проведенного помощником городского архитектора выяснилось, что пол в этом помещении рассчитан на нормальную нагрузку от 80 до 90 пудов на квадратную сажень, в то время как самая тяжелая типографская машина весила 250 пудов и занимала площадь в 3 аршина 2 вершка на 3 аршина 7 вершков. При таких условиях с технической точки зрения прочность пола не могла быть обеспечена, о чем заведующему типографией Машкову было направлено уведомление от городского архитектора².

В итоге установка правительственной типографии была закончена к концу апреля, и она начала работать на полную мощность. Типография

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 6. Л. 11, 11 об.

² Там же. Л. 12, 12 об.

состояла из четырех отделений: наборного, машинного, переплетного и штемпельного.

Наборное отделение было обеспечено газетными шрифтами, которые давали возможность ежедневно набирать четыре полосы “Правительственного вестника” и один раз в неделю “Вестник Министерства путей сообщения”. Кроме этого, наборное отделение имело значительное количество шрифтов для печатания всевозможных бланков, книг, афиш и других мелких работ. Также имелись “мусульманские” шрифты, в количестве достаточном для издания газеты альбомного размера, и два наборщика, знающих “мусульманский текст”. Для нормальной работы отделения необходим был штат из 26 наборщиков, 1 старшего наборщика, 2 метранпажей¹, 4–5 учеников и 4–5 мальчиков.

Машинное отделение было оборудовано одной большой скоропечатной машиной рояльного размера, одной большой скоропечатной четырехлистной, одной скоропечатной машиной-листовкой, двумя “американками”, одной “бостонкой” и одним печатным станком. Электроэнергия поставлялась станцией Омского военно-промышленного комитета.

Две большие машины во вторую и третью смены печатали “Правительственный вестник”, в первую смену все машины были заняты выполнением различных мелких заказов, а также печатанием “Вестника министерства путей сообщения”. Для дневной смены устанавливался штат: 1 машинист, 1 старший печатник, 4 печатника и 2 наладчика. Для второй и третьей смен – 2 печатника и 6 наладчиков.

Переплетное отделение имело две бумагорезательные машины, одну проволочно-швейную и две профировальные машины. В штат входили: 1 старший переплетчик, 2 переплетчика, 3 фальцовщика и 5 учеников фальцовщиков.

В штемпельном отделении имелся пресс, компостер, набор пунсонов² и другие принадлежности. Отделение могло изготавливать каучуковые штемпеля и медные печати.

Однако помимо оборудования для нормального выпуска “Правительственного вестника” необходимо было большое количество бумаги и расходных материалов. Так, еще 16 января 1919 г. правление Омской железной дороги направило в Бюро печати Российского правительства уведомление, в котором указало, что типолиитография дороги вследствие недостатка рабочей силы не может выпускать “Правительственный вестник” на двух отдельных листах, поскольку это требует увеличить

¹ Метранпаж – руководитель группы наборщиков, верстающий полосы (страницы) набора или контролирующий эту операцию.

² Пунсон – вырезанное из стали выпуклое изображение, которым выдавливают матрицу для отливки шрифта.

штат вдвое. В связи с этим типолитография просила распоряжения о присылке бумаги полного формата для нормальной работы¹.

После организации правительственной типографии для ее нормальной загрузки на шесть месяцев требовалось около 3000 пудов газетной бумаги, 6000 пудов писчей бумаги, по 300 пудов афишной и альбомной бумаги, а также типографская краска, валиковая масса, картон, проволока, каучук и другие материалы на общую сумму 2 247 500 руб.² Также для увеличения тиража “Правительственного вестника” до 15–20 тысяч экземпляров требовалось приобрести ротационную машину, а для ускоренного набора две наборные машины системы “Линотип”. Приобретение этого оборудования позволило бы типографии принимать последние материалы не в 3 часа дня, а в 12 часов ночи.

Однако в Омске купить все необходимое было невозможно либо из-за отсутствия товаров, либо из-за непомерно высоких цен. Так, например, за краску приходилось платить по 800–1000 рублей за пуд, вместо прежней цены в 6–10 рублей. Для обеспечения “Правительственного вестника” было закуплено во Владивостоке два вагона бумаги и еще один в Чунг-Чуне. На Дальнем Востоке также можно было приобрести все необходимые материалы японского и американского производства, однако они отличались от аналогичных отечественных. Поэтому правительственная типография ходатайствовала перед правительством о необходимости отправки на Дальний Восток квалифицированного специалиста для соответствующих закупок³.

Для приобретения всего необходимого в Токио был направлен Бобков. 27 июля 1919 г. он сообщил, что нашел новую ротационную машину с площадью печати 43,5×31,5 дюйма, и производительностью 12 тысяч экземпляров в час, или половинного размера – 24 тысячи. Ее цена вместе с принадлежностями составляла 15,1 тысяч йен. Фальцовочный аппарат для нее должны были сделать отдельно. Еще одну ротационную машину вместе с фальцовочным аппаратом можно было заказать. Ее изготовление заняло бы четыре месяца. Наряду с этим Бобков сообщал, что имеется в наличии подержанная немецкая литографическая машина в хорошем состоянии, с площадью печати 33×45 дюймов, по цене 11,5 тысяч йен. Бумага газетная полной длины также была в наличии, по цене 18 йен за английский фунт⁴.

Наряду с “Правительственным вестником” Отдел печати выпускал и распространял “Сборники узаконений и распоряжений правительст-

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 6. Л. 10, 10 об.

² ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 6. Л. 13 об.

³ Там же. Л. 14.

⁴ Там же. Ф. 4626. Оп. 1. Д. 19. Л. 38.

ва”. К середине декабря 1918 г. их было разослано до 70 тысяч экземпляров по двум тысячам адресов¹. 21 марта 1919 г. Управление делами Верховного правителя и Совета министров представило доклад, где указывалось на необходимость целесообразного использования средств на издание законодательных актов. Для этого предлагалось запросить все министерства и главные управления о тех законах, в которых встречается наибольшая потребность в центральных и местных учреждениях, с указанием приблизительного числа экземпляров.

Необходимое количество законодательных актов предлагалось отпечатать в типографиях Омской железной дороги и Акмолинской областной. Бумагу должен был предоставить Отдел печати, а также взять на себя роль экспедиции (распространения и доставки). Заведование изданием предлагалось поручить одному из юрисконсультов. На данном докладе управляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г.Г. Тельберг написал: “Одобряю и поручаю начать дело. 24. III. 1919 г.”² 3 апреля 1919 г. приказом по Управлению делами ВП и СМ исполнение обязанностей заведующего издательством законодательных актов и их сборников возлагалось на юрисконсульта при Управлении делами ВП и СМ Владимира Викторовича Энгельфельда³.

Наряду с трудностями издания правительственных печатных изданий существовала проблема их своевременной доставки читателям. 16 января 1919 г. А.И. Манкевич сообщил в канцелярию Совета министров о том, что доставка почты во Владивосток и обратно осуществляется крайне медленно – более двух недель, что вызывает много нареканий и тормозит информационную работу. Это заставило Отдел печати искать более быстрый способ для отправки и получения корреспонденции. Предлагалось отправлять специальных курьеров на курьерских поездах, уходящих из Омска во Владивосток два раза в неделю и находящихся в пути 8 дней. Курьеры должны были получать и доставлять почту в крупные города, лежащие на пути следования. Отдел печати просил провести эту меру в законодательном порядке как полезную для всех ведомств⁴.

Для решения вопросов в области печати Совет министров Омского правительства 7 марта 1919 г. принял постановление о создании специального, постоянно действующего органа. В его состав вошли управляющий делами Верховного правителя и Совета министров Г.Г. Тельберг, фактически возглавивший его работу, министр финансов И.А. Михайлов,

¹ Правительственный вестник. 1918. 25 дек.

² ГА РФ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 210. Л. 73. Однако только 23 июня 1919 г. копия доклада была направлена Управлением делами в Отдел печати.

³ Там же. Л. 84.

⁴ Там же. Л. 30, 30 об.

военный министр П.А. Степанов¹, а также управляющие министерствами: внутренних дел – А.Н. Гаттенбергер² и иностранных дел – И.И. Сукин. На следующий день состоялось его первое заседание, а с 7-го заседания (29 апреля) вновь созданный орган стал называться Совещанием по делам печати (СДП). В рамках Урала и Сибири это был, по мнению новосибирского историка А.Л. Посадкова, “координационный центр белой идеологии”. На контролируемых колчаковскими войсками территориях Совещание возглавляло всю издательскую деятельность. Оно определяло общий правительственный курс в области печати, осуществляло финансовую поддержку газет, журналов и издательств официального направления, решало кадровые вопросы, руководило пропагандистской работой за границей³.

В конце апреля 1919 г. на очередном заседании СДП было решено сформировать при Управлении делами Совета министров Особый отдел “по делам дезорганизации советского тыла”⁴. Первоначально этот орган, в составе которого числилось более 60 сотрудников⁵, занимался разведывательно-диверсионной и агитационной деятельностью на территории Советской России. Однако впоследствии отдел включился в организацию пропаганды и на собственной территории.

В тесной связи с правительственными органами действовало Русское общество печатного дела (РОПД). Его устав был утвержден 25 апреля 1919 г. министром торговли и промышленности⁶. АО “РОПД” было создано как частное информационное агентство. Уставной капитал составлял 3 миллиона рублей. Однако большая часть акций РОПД (2/3) находилась в руках правительства, которое таким образом могло его контролировать. Наряду с правительством акционерами стали Союз сибирских маслodelьных артелей и Временный центральный (бывший Омский) военно-промышленный комитет, который на своем заседании 28 апреля 1919 г. принял решение о приобретении акций нового общества на сумму 500 тысяч рублей. Вскоре РОПД выступило перед правительством с инициативой увеличить уставной капитал до 5 миллионов рублей.

2 мая 1919 г. состоялось первое заседание правления АО “Русское общество печатного дела”, на котором присутствовали председатель

¹ Его сменил генерал А.П. Будберг.

² Позднее его сменил В.Н. Пепеляев.

³ Подробнее о создании и деятельности СДП см.: *Посадков А.Л.* Совещание по делам печати как идеологический центр колчаковского правительства (по рассекреченным материалам ГАРФ) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории: Тез. докл. Всерос. науч. конф. Новосибирск, 1998.

⁴ Цит. по кн.: *Посадков А.Л.* Совещание по делам печати... С. 197.

⁵ *Греков Н.В.* Разведывательная служба армии Колчака // История белой Сибири: Тез. Третьей науч. конф. Кемерово, 1999. С. 41.

⁶ Заря (Омск). 1919. 4 июня.

правления Н.С. Лопухин и члены правления: А.А. Балакшин, Н.Д. Буяновский, Т.В. Бутов, Н.М. Горяинов, А.И. Коробов, Н.В. Устрялов. Правление обсудило первоочередные мероприятия. Директором-распорядителем РОПД стал А.К. Клафтон¹, его заместителями – Н.В. Устрялов² и Д.В. Болдырев.

На заседании правления РОПД 30 мая 1919 г. было принято решение объединить все информационные учреждения под названием “Русское бюро печати” (РБП)³. С 1 июня в Русскому обществу печатного дела правительством были переданы Русское телеграфное агентство, Отдел заграничной информации (Бюро иностранной информации) и Пресс-бюро.

1. *Правительственное телеграфное агентство* стало действовать под названием “Русское телеграфное агентство” (РТА). Это название было выбрано после долгих совещаний. В его пользу были высказаны

¹ Клафтон Александр Константинович. (1871–1920) – родился в Вятке в купеческой семье. Окончил Вятскую гимназию (1886 г.) и медицинский факультет Казанского университета (1894 г.). Член конституционно-демократической партии, был председателем ее Самарского комитета. Служил в канцелярии самарского уездного предводителя дворянства, в главном комитете Всероссийского земского союза. Избирался гласным Самарского губернского земского собрания, являлся редактором популярной самарской газеты “Волжский день”. В декабре 1918 и в июне 1919 г. избирался председателем президиума Восточного отдела ЦК партии кадетов. Указом Верховного правителя от 24 июня 1919 года был назначен членом Государственного экономического совещания. Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в Омске 23 июня 1920 г. (Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 467).

² Устрялов Николай Васильевич (1890–1937) – родился в Санкт-Петербурге; из потомственных дворян Калужской губернии. Окончил Калужскую гимназию и юридический факультет Московского университета (1913 г.), был оставлен для приготовления к профессорскому званию. Обучался в Сорбонне и Марбургском университете. Член конституционно-демократической партии с 1916 г. В 1918 г. недолго возглавлял ее Калужский губернский комитет. В 1916–1917 гг. – ассистент Московского коммерческого института, приват-доцент Московского университета, с 19 сентября 1918 г. – приват-доцент, с 22 января 1919 г. – исполняющий должность экстраординарного профессора Пермского университета. В январе 1919 г. переехал из Перми в Омск. С 27 января исполнял обязанности юрисконсульта при управлении делами Верховного правителя и Совета министров, с 21 февраля – директор Пресс-бюро Отдела печати при Управлении делами Верховного правителя и Совета министров. 2 мая 1919 г. вошел в число акционеров-учредителей Русского общества печатного дела (Русского бюро печати), являлся членом его правления и помощником директора-распорядителя. Был редактором газет “Русское дело” и “Наша газета”. С 3 июня 1919 г. – член президиума Восточного отдела ЦК партии кадетов. В середине января 1920 г. эмигрировал в Китай. Жил и работал в Харбине. Инициатор идеологии “сменовеховства” на востоке России. В июле 1935 г. возвратился в СССР. Через год был арестован в Москве, приговорен к высшей мере наказания и 14 сентября 1937 г. расстрелян. Реабилитирован в сентябре 1989 г. (Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 551).

³ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 6. Л. 2.

такие аргументы как не претенциозность, удобство термина и легкость перевода на все языки.

Целью такой реорганизации объявлялась “необходимость отказаться от принципов официозного осведомления”¹, поскольку они не обеспечивали полного общественного доверия к правительственной информационной деятельности. Ряд заграничных информационных агентств и их представители в Сибири также довольно сдержанно относились к деятельности правительственного Российского телеграфного агентства. В частности, стал известен случай, когда Владивостокской газете “Эхо” в английской части было запрещено помещать телеграммы РТА как тенденциозные². Директором РТА остался Сергей Борисович Сверженский³; инспектором РТА – Михаил Иванович Борисов; агентом-инструктором – Юрий Леонидович Салин; заведующим информацией – Георгий Николаевич Шипков.

Для улучшения качества информационного материала из Омска с июня 1919 г. в РТА начал сформироваться особый репортерский отдел, который приступил к регулярной работе с августа месяца. Шесть репортеров (среди них Ф.М. Быстров, М.Д. Зыков и др.) самостоятельно собирали информацию в правительственных учреждениях, органах самоуправления, в общественных организациях и т.д. Это позволило РТА отказаться от перепечаток материалов из местных газет, и даже напротив, газеты охотно стали использовать данные РТА. Качество информации объяснялось установлением тесных контактов с Управлением делами Российского правительства, а также с видными политическими и общественными деятелями⁴.

Для объединения деятельности местных агентов была организована особая инспекция в лице одного инспектора, которым стал бывший агент петроградского информационного агентства Михаил Иванович Борисов. Ему было поручено, выехав 7 июня из Омска, посетить целый ряд горо-

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

² Там же. Л. 3.

³ Сверженский Сергей Борисович. (1886–1938). Родился в Риге. Окончил Рижскую Александровскую гимназию (1913 г.) и физико-математический факультет Петроградского университета (1917 г.). Оставлен на кафедре математики для подготовки к профессорскому званию, приват-доцент. Член конституционно-демократической партии. Приказом от 21 января 1919 г. № 22 был назначен чиновником особых поручений VI класса при Управлении делами Верховного правителя и Совета министров. 21 февраля 1919 г. был назначен директором Российского телеграфного агентства (РТА). С мая 1919 г. состоял членом правления Русского общества печатного дела. В 1925–1930 гг. работал профессором и заместителем ректора Иркутского государственного университета. С 1930 г. жил в Куйбышеве. В 1933–1938 гг. заведовал кафедрой математики Самарского индустриального института. (Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 554).

⁴ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 7. Л. 12, 12 об.

дов Дальнего Востока начиная от Красноярска. В задачу инспектора входило завязать отношения с местными общественными и литературными кругами, привлечь их к участию в работе РТА, инструктировать корреспондентов, научить их краткому телеграфному слогу и т.д.

Положительные результаты эта поездка показала сразу же. Так, М.И. Борисовым была предложена новая схема передачи телеграмм в Красноярск. До этого они шли из Омска через Томск. Однако томский телеграф был перегружен военными телеграммами и имел массу технических недостатков, из-за чего сообщения в Красноярск запаздывали на 10–11 дней. Новая схема Омск – Иркутск – Красноярск позволяла значительно сократить время прохождения телеграмм.

Результатом личных встреч М.И. Борисова с местными общественными деятелями стала публикация наиболее влиятельными газетами, такими как красноярская “Свободная Сибирь”, иркутский “Свободный край” и читинская “Забайкальская новь”, больших информационных статей о деятельности РТА.

Для улучшения качества информации о Западной Сибири РТА командировало в города Томской и Алтайской губерний, а также Акмолинской области агента-инструктора Юрия Леонидовича Салина. Последний сообщил, что почти все агенты РТА, за немногим исключением, ранее не занимались этой работой. Следовательно, большинство из них даже не владели в полном объеме знаниями тех требований, которые предъявляются к их работе Агентством. Салину пришлось провести с агентами-корреспондентами инструктаж, а некоторых из них, например в Ново-Николаевске и Барнауле, уволить и заменить на новых.

В некоторых городах, таких как Томск и Ново-Николаевск, пришлось увеличить штат сотрудников, поскольку местные агенты не справлялись с объемом поступающей информации. В Бийске и Барнауле выяснилось, что работе агентов препятствуют военные власти, создавшие такие условия, что мало кто соглашался заниматься информационной работой¹. Наряду с этим, Ю.Л. Салин сообщил о неудовлетворительной работе телеграфа, когда телеграммы агентства задерживались на передаточных станциях и потому запаздывали.

12 сентября 1919 г. Главное управление почт и телеграфов МВД направило главному управляющему делами ВП и СМ отношение, в котором указало, что “более или менее хорошо информируется лишь население крупных городов, население же отдаленных местностей, в силу того, что там нет органов печати, а следовательно, нет подписчиков телеграмм РТА, узнает о событиях слишком поздно, питаясь, как правило, слухами.

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 7. Л. 13.

В качестве аппарата, который можно было бы привлечь к делу информации населения, Главное управление предлагало сеть почтово-телеграфных учреждений. В силу того, что телеграф перегружен и значительные пункты обслуживаются аппаратами Морзе со слабой пропускной способностью, передавать большие агентские телеграммы было нельзя. Однако специальные краткие телеграммы, содержащие самые важные известия с фронта и о деятельности правительства, не превышающие ста слов, могли бы распространяться через все телеграфные учреждения. Эти сводки вывешивались бы возле телеграфных пунктов, а также рассылались бы по почте в ближайшие почтовые отделения, где нет телеграфа¹.

2. *Отдел заграничной информации* (Бюро иностранной информации). До 1 августа Бюро возглавлял Л.В. Арнольдов², затем Г.В. Гейнц, которые непосредственно подчинялись вице-директору Н.В. Устрялову. Помощником директора стал Э.Ю. Блюменталь³. Бюро состояло из двух отделов: французского, состоящего в свою очередь из двух подразделов – телеграфной информации и бюллетеней на французском языке, и английского, также состоящего из двух подразделов – обзоров американской, английской, японской и китайской прессы и бюллетеней на английском языке. Во главе французского отдела стоял Н.М. Сеницын, а английского – Макферсон и Э.Ю. Блюменталь.

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 6. Л. 30 об.

² Арнольдов Лев Валентинович (литературные псевдонимы – Виктор Сербский и П. Сольский) (1894 – не ранее 1947). Родился в Вологде. Окончил Иркутскую гимназию. В 1912–1913 гг. жил в Берлине, Париже и Тулузе, где слушал лекции в местных университетах. Продолжил образование на медицинском и юридическом факультетах Томского университета. В 1915–1916 гг. работал в газете “Иркутская жизнь”, затем преподавал английский язык в Хабаровском кадетском корпусе. С 27 ноября 1918 г. – начальник отделения Департамента по делам печати Министерства внутренних дел Российского правительства, с 10 февраля до 1 августа 1919 г. – исполняющий обязанности директора информационного бюро при управлении делами Верховного правителя и Совета министров. 31 марта 1919 г. Арнольдов подал прошение об увольнении со службы на имя директора-распорядителя Русского бюро печати: “С 27 ноября 1918 г. я непрерывно исполняю ответственные обязанности по осведомительной работе. Не имея помощника, отдавал делу все свои силы и знания, ныне я чувствую себя совершенно измученным. По мнению врача дальнейшее несение своих служебных обязанностей грозит моему здоровью тяжкими последствиями. ...Прошу меня уволить... дабы я мог отправиться на Дальний Восток и явиться там по месту приписки к воинскому начальнику для исполнения своего долга перед Родиной” (ГА РФ. Ф. 4626. Оп. 1. Д. 19. Л. 42). В начале августа 1919 г. уехал из Омска в Хабаровск, где работал в газетах “Приамурская жизнь” и “Приамурье”, преподавал в Хабаровском кадетском корпусе. Автор книги “Жизнь и революция. Гроза пятого года. Белый Омск” (Шанхай, 1935), в которой много внимания уделено гражданской войне в Сибири. Летом 1920 г. эмигрировал в Китай, где жил в Харбине и Шанхае. Видимо, в конце 1930-х гг. переехал в Бразилию, где и скончался. (Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С. 554).

³ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 6. Л. 99, 101.

Во Владивостоке работал отдел Бюро иностранной информации во главе которого стоял Л.А. Зандор. Владивостокский отдел получал иностранные газеты раньше, и сообщал РТА в Омск все наиболее интересные мировые события по телеграфу. Также отдел переводил наиболее важные статьи из дальневосточной и американской прессы и пересылал их в Омск.

Под руководством Бюро иностранной информации (БИИ) оказались “бывшие правительственные корреспонденты”, которые теперь возглавляли отделения Бюро в крупных мировых центрах. В Париже таким отделением являлось агентство “Унион” – русское информационное бюро, созданное 9 февраля 1919 г. Во главе этой организации находился Распорядительный комитет, в состав которого входили В.Л. Бурцев, А.И. Коновалов, Б.В. Савинков, П.Б. Струве, С.Н. Третьяков, Н.В. Чайковский и А.А. Дикгоф-Деренталь. Структурно агентство “Унион” подразделялась на 4 отдела:

1. Телеграфный отдел (заведующий В.Л. Бурцев) осуществлял передачу французским СМИ официальной информации, полученной из России и от иностранных корреспондентов, а также отправлял в Россию телеграфные сообщения о важнейших европейских событиях.

2. Иностранный отдел (заведующий В.В. Виктор-Топоров). Стремился оказать определенное воздействие на общественное мнение Франции, представить антибольшевистское движение и его лидеров (Колчака, Деникина) в выгодном для Запада свете, для чего помещал во французские газеты соответствующие статьи и заметки, издавал брошюры и бюллетени, предоставлял французским журналистам, политическим и общественным деятелям необходимую информацию, организовывал публичные выступления, лекции, банкеты, концерты.

3. Русский отдел (заведующий С.Н. Моисеенко). Занимался пропагандой среди русских, проживавших во Франции, снабжал правительства Колчака и Деникина иностранной литературой, касавшейся российской проблематики.

4. Финансово-экономический отдел (заведующий П.Н. Апостол). Подталкивал торгово-промышленные круги Франции оказать необходимую финансово-экономическую поддержку российской контрреволюции.

В постоянном контакте с агентством “Унион” находилась издававшаяся в Париже на русском и французском языках газета “Общее дело” (под редакцией В.Л. Бурцева)¹. Ежемесячно Бурцеву ассигновалось по 100 000 франков, однако не всегда эта сумма доходила до адресата.

В Лондоне корреспондентом БИИ состоял Русский комитет освобождения, в котором работали Ростовцев, Шкловский (Дионео), Милло-

¹ Русское дело (Омск). 1919. 26 окт.; *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина // Белое дело. Кубань и Добровольческая армия. М., 1992. С. 141.

ков, Струве, Тыркова, Вильямс. Наряду с распространением бюллетеней Комитет занимался широкой издательской деятельностью, в частности издал несколько брошюр на английском языке. На свою деятельность Русский комитет освобождения получал по 6 000 долларов ежемесячно.

В Нью-Йорке действовало Русское информационное бюро во главе с А. Заком. Оно распространяло получаемые от БИИ телеграммы в 20 крупнейших американских газетах. Кроме этого, А. Зак издавал журнал “Борющаяся Россия”, а также выпустил целый ряд брошюр о положении дел в России. Однако работу Зака по распространению телеграмм признали неудовлетворительной, и было принято решение образовать параллельно действующий орган – Русский осведомительный комитет, по примеру лондонского. Он начал свою работу 4 октября 1919 г. Комитет возглавил А.И. Башкиров, а в состав вошли Корф, Берсенеv, Колесников и Ковальский. Однако телеграммы продолжали направляться Заку, поскольку Комитет освобождения не смог добиться предоставления ему пресстари́фа. Издательская же работа Зака оценивалась БИИ очень высоко¹.

В Токио существовало отделение Бюро иностранной информации под руководством Н.А. Митаревского, которое распространяло телеграммы практически во всех японских газетах. На деятельность в Японии ассигновалось по 3 000 долларов в месяц.

Новые отделения начали формироваться в Шанхае (руководитель Л.Л. Давыдов), Стокгольме (руководитель доктор Шутяков, бывший корреспондент петроградской “Речи”), Праге и Белграде. Однако работа шла медленно из-за финансовых проблем.

Находящийся за границей князь Львов обратился к Российскому правительству А.В. Колчака с инициативой переноса всего дела иностранной информации и пропаганды из Омска в Париж, где при Особом политическом совещании был создан свой отдел печати и пропаганды. Эту работу должен был возглавить Б.В. Савинков. Однако РБП и БИИ сочли такую реформу неприемлемой, поскольку “отделение информационного и агитационного центра от центра национального могло повлечь за собой непоправимые ошибки в определении самого содержания и направления, как информации, так и пропаганды”².

3. **Пресс-бюро.** Еще 7 мая 1919 г. директором Пресс-бюро был назначен профессор Д.В. Болдырев, но в должность еще не вступал, и в момент передачи Пресс-бюро Русскому обществу печатного дела во главе его фактически стоял профессор Н.В. Устрялов. С 4 июня вступил в исполнение обязанностей директора Д.В. Болдырев. Ближайшим его помощником стал В.Н. Иванов, назначенный вице-директором с 1 июня,

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 3 с. Д. 148. Л. 11.

² ГА РФ. Ф. 952. Оп. 3 с. Д. 148. Л. 2 об.

вступивший в должность с 14 июня, а с 23 августа заменивший Д.В. Болдырева на посту директора Пресс-бюро. Специально для редактирования изданий пресс-бюро был приглашен сотрудник газеты “Уральская жизнь” В.П. Чекин, вступивший в исполнение своих обязанностей с 1 августа.

23 июля по постановлению правления из Пресс-бюро были выделены редакционно-издательский и экспедиционный отделы. 29 июля редакционным бюро было принято решение разрешить Пресс-бюро печатать брошюры и листовки во Владивостоке, Харбине и Иркутске. 2 августа был выделен агитационный отдел (с крестьянским и рабочим подотделами), его возглавил А.Г. Соболев. 20 августа был выделен художественный подотдел.

Задачи нового Пресс-бюро оставались теми же, какие решало прежнее правительственное: информирование населения и воздействие в целях укрепления государственности и гражданского самосознания на общественное мнение страны, начиная с интеллигенции и кончая крестьянством, а также агитация и пропаганда на фронте.

Пресс-бюро были учреждены агентурные отделения во Владивостоке, Иркутске, Барнауле, Ново-Николаевске, Семипалатинске, Бийске. Представителям Пресс-бюро в этих городах были поставлены задачи:

1) переиздавать произведения Пресс-бюро с тем, чтобы разгрузить печатные станки в Омске и использовать местную бумагу;

2) изыскать наиболее выгодные пути распространения материалов на местах;

3) завязать связи с людьми, имеющими возможность на местах продолжать организационную работу Пресс-бюро, стоя на платформе Декларации Верховного правителя;

4) подчинить своему влиянию органы как местной прессы, так и общественной жизни. Так, например, представитель в Ново-Николаевске, находясь во главе кооперационного отдела, мог оказывать влияние на 27 газет и имел до 2000 адресов, по которым мог рассылать как литературу, так и агитационные материалы.

На фронте Пресс-бюро имело сеть военных корреспондентов, статьи которых через Пресс-бюро печатались для населения и для сведения правительства¹.

С 16 августа Пресс-бюро начало издавать “Нашу газету”, рассчитанную на малообразованного читателя. Причем ее издание должно было осуществляться одновременно в нескольких городах. 13 сентября 1919 г. в Томск прибыл Вяткин для организации выпуска “Нашей газеты”. В тот же день он познакомился с положением томских типографий. Печатание

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 506. Л. 38, 39.

газеты оказалось возможным в одной из двух: или в типографии Дома трудолюбия, принадлежащей Епархиальному совету, или в типографии Томского губернского земства. Первая была маленькой, но имела новый шрифт, вторая – большая, но шрифты оказались забыты, причем эта типография была намечена к реквизиции управлением Омского военного округа для выпуска военной газеты. Бумаги в Томске не оказалось нигде, что ставило вопрос о ее доставке из Омска или прямо с востока.

Общественные деятели, среди которых Г.Н. Потанин, А.В. Адрианов и др., считали, что подобная газета Томску необходима, тем более что цена единственной частной газеты “Сибирская жизнь” – 1 рубль 70 копеек, и бедное население покупать ее не может. Между тем потребность в информации крайне велика, что должно было обеспечить газете материальный успех. Редактором “Нашей газеты” в Томске был назначен опытный журналист, секретарь “Сибирской жизни”, окончивший историко-филологический факультет Петроградского университета, Иосиф Алексеевич Иванов¹.

С самого своего появления “Наша газета” имела определенный успех, объясняемый не только тщательным подбором материала и хорошей осведомленностью, но и крайне дешевой ценой – сначала 20 коп., а потом 40 коп. Наибольший тираж газеты в течение августа месяца – 50 000 экземпляров. Всего за август 1919 г. было выпущено 543 616 экземпляров газеты. Также Бюро оказывало непосредственную денежную поддержку двум газетам: газете, издававшейся в Енисейской губернии, в размере 20 000 руб., и газете, выходившей в Семипалатинске, – 15 000 руб.

В октябре 1919 г. Русское бюро печати начало выпуск газеты “Русское дело”. Ее редакция размещалась по адресу: Омск, 2-й взвоз, дом Липатникова, там же газета и печаталась в типографии РОПД. Контора же размещалась по адресу: Любинский проспект, дом Цинделя, во дворе, где раньше располагалась контора закрытой газеты “Наша заря”.

Первоначально управляющим конторой и заведующим изданием “Русского дела” был назначен Иван Иванович Кузнецов. Однако при нем работа была поставлена плохо. Экспедиция газеты была практически не организована, за исключением набора мальчиков-распространителей. Перед самым выходом газеты не была проведена рекламная кампания, следовательно, население было не осведомлено о новом издании. Не были заключены договоры об обмене газетами с другими издательствами; иногородним подписчикам газета не была разослана; в издании не указывались цена за объявления и место приема объявлений; киоски Омска не были извещены о выходе первого номера, поэтому не взяли

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 6. Л. 105.

таковой. В результате первый номер газеты разошелся менее чем 1000 экземпляров. Книги в конторе “Русского дела” велись небрежно.

Наряду с этим при выпуске первого номера газеты не были соблюдены некоторые статьи Закона о печати, о чем 6 октября 1919 г. в редакцию “Русского дела” было направлено уведомление от управляющего Акмолинской областью. В нем указывалось, что согласно Закону необходимо предоставить заявление в двух экземплярах о выпуске в свет новой газеты и получить из газетного стола Акмолинского областного управления соответствующую расписку. Кроме этого, предписывалось со ссылкой на тот же закон, указывать в каждом номере адрес редакции, чего в первом номере не было¹.

Для выяснения причин неудачи выхода “Русского дела” в контору издания был направлен уполномоченный Василий Гаврилович Гаркунов, который 6–7 октября 1919 г. провел ревизию конторы, принял дела и вынес заключение, что у И.И. Кузнецова “нет достаточной подготовки и практики для занимаемой должности”².

Новым заведующим изданием стал Владимир Борисович Локшин. Выясняя причины незначительного тиража первых номеров газеты “Русское дело” он лично провел беседу с владельцами киосков. Они заявили, что газета выходит очень поздно из типографии, по сравнению с другими газетами, а это снижает на нее спрос. Также, все владельцы киосков отметили незначительность заработков в размере 25 копеек за номер. Исходя из этого, В.Б. Локшин в докладной записке от 8 октября 1919 г. предлагал правлению РОПД установить более дешевую оптовую цену на газету, хотя бы на первое время, пока издание не получит широкую известность. В частности, для владельцев киосков она должна была составлять 1 рубль 50 копеек, а всем остальным продавцам 1 рубль 60 копеек, при продажной розничной цене в 2 рубля за номер³.

Наряду с этим, уполномоченный В.Г. Гаркунов указал на необходимость более раннего выхода нового номера. Для чего предлагал первую и четвертую страницы печатать с вечера, самое позднее в 19–20 часов, вторую и третью страницы начинать печатать не позднее 23 часов⁴.

Это делалось для своевременного получения газеты на местах, для чего она должна была отправляться из Омска в день выхода. Для этого в отдел местной почтовой конторы “Русское дело” должно было доставляться к 6 часам утра. Только при таком условии она могла быть отправлена поездом № 3, которым посылается вся почта на Сибирь. Что-

¹ ГА РФ. Ф. 4626. Оп. 1. Д. 31. Л. 23.

² Там же. Л. 8 об.

³ Там же. Л. 12, 12 об.

⁴ Там же. Л. 13.

бы успеть к этому времени упаковать 1300 номеров “Русского дела” и 350 номеров “Нашей зари”, необходимо было указанное количество газет получить из переплетной типографии в 5 часов утра, поскольку для наклейки адресов, составления накладной и упаковки требовалось не меньше часа. После этого не позже 6:30 утра необходимо было получить из типографии 1500 номеров газеты для местной продажи газетчикам и киоскам. По мнению управляющего изданием, эти меры должны значительно повысить платный тираж газеты¹.

Вскоре был налажен обмен изданиями между редакцией “Русского дела” с редакцией газеты “Крестьянский вестник”, издаваемой при Отделе печати Совета министров, а потом и с другими изданиями².

Начальнику Омской почтовой конторы 8 октября 1919 г. было направлено прошение о приеме газеты “Русское дело” для пересылки подписчикам³. Экспедиционному отделу Русского бюро печати поручалось рассылать местным отделениям в Иркутске, Томске, Ново-Николаевске и Красноярске по 200 экземпляров, а во Владивосток – 500 экземпляров⁴. Вскоре количество высылаемых экземпляров в Иркутск и Красноярск было увеличено до 300, а в Ново-Николаевск – до 250 штук. Наряду с этим, по просьбе профессора Казанского, в Томск для Комитета помощи армии стали высылать еще по 600 экземпляров газеты. Причем доставка почтой стала ненадежной, поэтому газеты отправлялись багажом поезда № 4, в сопровождении курьеров. Как сообщала контора издания на места: “По нынешним временам вряд ли можно иметь более верную почту”⁵. По рекомендации вскоре обанкротившейся и закрытой газеты “Наша зоря” “Русское дело” стало рассылать свою газету владельцам киосков на линии железной дороги⁶.

В управление делами РОПД 9 октября была направлена просьба о срочном изготовлении в типографии Общества для “Русского дела” объявлений о газете – 1500 штук, о публикациях в ней – 300 штук, плакатов о продаже – 500 штук. Объявления эти должны были рассылаться вместе с номерами газет в крупные города Сибири⁷.

Наконец 22 октября 1919 г. правление РОПД известило управляющего Акмолинской областью, что с 17 октября 1919 г. издается в Омске ежедневная политическая газета под названием “Русское дело”, с отделами, присущими большой политической газете. Редактором ее состоит

¹ ГА РФ. Ф. 4626. Оп. 1. Д. 31. Л. 31, 31 об.

² Там же. Л. 21, 22.

³ Там же. Л. 27.

⁴ Там же. Л. 28.

⁵ Там же. Л. 71.

⁶ Там же. Л. 37.

⁷ Там же. Л. 29, 49.

профессор Дмитрий Васильевич Болдырев. Выходит газета ежедневно, за исключением дней послепраздничных. Подписная цена устанавливалась в 60 рублей в месяц, при розничной цене в 2 рубля¹.

Из Иркутска от Перемиловского в Омск Клафтону была направлена телеграмма, где указывалось, что “Русское дело” имеет успех, однако вредит неаккуратное поступление издания. Он также просил “Нашу газету” высылать меньшим количеством, так как публика на линии железной дороги не покупает ее из-за давности номера, а в самом Иркутске ее продавать неудобно, поскольку путают шестидневную “Нашу газету” из Омска с местной, издаваемой в Иркутске. Поэтому газета распространяется в основном бесплатно среди солдат².

Наряду с центральным формировался и местный аппарат Русского бюро печати. Так, 4 июля на заседании редакционного бюро была утверждена схема Владивостокского отделения Русского бюро печати. Для улучшения работы 31 августа правление утвердило постановление редакционного бюро об открытии отделений Русского бюро печати в Иркутске, Красноярске, Ново-Николаевске и Владивостоке³. Под начало Владивостокского отделения Русского бюро печати переходило местное отделение РТА.

В немалой степени, создание отделений было связано с ненормальной ситуацией, когда дальневосточные и восточносибирские газеты получали всю информацию, в том числе поступающую с Дальнего Востока, через Омск. Такое положение дел вело к перегрузке телеграфа, потере времени и дублированию информации. Дальневосточное отделение РТА получило право выпускать свои информационные бланки для Приморской, Амурской, Камчатской областей, Маньчжурии и Забайкалья до Иркутска включительно. Их копии передавались в Омск для последующего распространения в Западной Сибири. В свою очередь РТА в Омске направляло Дальневосточному отделению бюллетени с информацией о событиях в Сибири и Европейской России.

Владивостокское отделение Русского бюро печати возглавил Солдатов, а местное отделение РТА – оказавшийся на дальнем Востоке инспектор Агентства Михаил Иванович Борисов, поскольку прежний начальник Б.Г. Пермин не захотел продолжать работу под руководством представителя Русского бюро печати. 1 сентября М.И. Борисов был заменен Б.И. Тугариновым, ранее занимавшим должность редактора РТА в Омске⁴.

¹ ГА РФ. Ф. 4626. Оп. 1. Д. 31. Л. 69.

² Там же. Л. 18.

³ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 509. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 7. Л. 12, 12 об.

Постановлением Совета министров от 2 сентября 1919 г. Русскому обществу печатного дела было предоставлено право пользования прямым проводом правительственного телеграфа для связи с Владивостоком с целью передачи срочных информационных телеграмм ежедневно, не более получаса¹.

В Иркутске местное отделение Русского бюро печати возглавлял Перемиловский (редактор газеты “Свободный край”); в Томске – профессор Пермского университета Б.В. Казанский; в Ново-Николаевске – Белоблоцкий и в Красноярске – Басманов².

К осени 1919 г. в центральном аппарате Русского бюро печати работали 52 сотрудника, и оно располагало 80 собственными корреспондентами. Уровень заработной платы у сотрудников РБП был достаточно высок. К примеру, в сентябре 1919 г. жалование заведующего подотделом составляло 3 тысячи рублей в месяц, а разъездной агитатор-пропагандист получал месячный оклад в 2 тысячи рублей и 2 тысячи рублей командировочных.

Создание РОПД вызвало неоднозначную реакцию общественности. “Одному правительственному осведомительному аппарату, коим в настоящий момент является так называемый «Осведверх», – писала новониколаевская “Русская речь”, – эта колоссальная работа, разумеется, не под силу, а потому проявление общественной инициативы РОПД в культурно-просветительной работе по осведомлению населения заслуживает особенного внимания и поддержки”³.

Кроме того, омская “Заря” указывала на то, что РОПД “слагается из двух главных сил – правительственных чинов и деятелей омского “Вопрома” (военно-промышленного комитета. – *Авт.*). Третьей силой в этом новом обществе являются отдельные лица, главным образом из «беженцев», – особенно самарских, – ютящиеся около правительственных учреждений... Четвертой силы, – общественности, – в «Русском обществе» не дано”⁴.

Более взвешенно ситуацию оценила Владивостокская газета “Эхо”, которая писала: “В принципиальной постановке вопроса, против передачи дела информации из правительственных в общественные руки, – возражать не приходится. Однако приемлемость такого акта обуславливается обязательными предпосылками, как например – определенностью политического строя, устойчивостью общественных отношений и т[ому] под[обное], применительно же к данному случаю этих необхо-

¹ Правительственный вестник. 1919. 3 окт.

² ГА РФ. Ф. 4626. Оп. 1. Д. 31. Л. 28, 67.

³ Русская речь (Ново-Николаевск). 1919. 12 авг.

⁴ Заря. 1919. 4 июня.

димых предпосылок налицо не имеется, а отсюда политическая сторона совершившегося акта получает слишком своеобразный оттенок”¹.

Параллельно с правительственным информационным аппаратом продолжал развиваться военно-осведомительный аппарат колчаковских армий. Первоначально продолжали действовать Информационный отдел при штабе главковерха и агитационные (или информационные) отделы при штабах армий. В частности, во главе информационного отдела штаба Сибирской армии стоял штабс-капитан Н.С. Калашников², о деятельности которого на этом посту сохранилось любопытное свидетельство. На допросе в Томской губчека осенью 1920 г. сотрудник того же штаба штабс-капитан Н.Н. Сухоняев показал: “Отмечаю также работу Информационного отдела штаба, возглавляемую штабс-капитаном Калашниковым, иркутянином. Калашников и его [помощник] поручик Галкин старые партийные работники [партии социалистов-революционеров] и конечно вели всю работу инфотдела в определенном направлении. Оба они ставленники Гайды (командующий Сибирской армией. – *Авт.*), сторонника этой политической организации, и работа их протекала всецело под его руководством... Вообще ср. (эсеровские. – *Авт.*) организации времен Колчака в военном мире заняли крупные места в информационном и агитационном отделах штабов армии фронта и Ставки и только уход Гайды нарушил налаженную работу”³.

Штабы армий и штабы некоторых корпусов и дивизий издавали свои газеты. В одном из докладов указывалось, что в Западной, Сибирской и Южной армиях “каждый корпус имеет свою типографию, где печатаются газеты, листовки, воззвания и приказы простым, понятным языком, крупным шрифтом, в размерах большей частью в один лист газетного формата”⁴. Осведомительный отдел (управление) штаба Главковерха издавал газету “Русская армия” и журнал “Солдат и крестьянин”; Осведфронт – газеты “Вперед!” и “Родина”; штаб Западной армии – “Друг армии и народа”, “Сибирский стрелок”, информационный отдел

¹ Эхо (Владивосток). 1919. 12 июня.

² Известный иркутский социалист-революционер, офицер военного времени, он еще в начале 1918 г. будучи соратником военного министра ВПАС подполковника А.А. Краковецкого в создании антисоветского вооруженного подполья, был назначен уполномоченным в Восточной Сибири. Он также являлся активным участником свержения советской власти летом 1918 г. (См.: *Ларьков Н.С.* Начало гражданской войны в Сибири. Армия и борьба за власть. Томск, 1995. С. 112; *Симонов Д.Г.* Из истории вооруженных сил ВСИ (1918 г.) // Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово, 1995. С. 69).

³ ГАТО. Ф. Р-809. Оп. 1. Д. 1. Л. 82, 82 об. Помимо Калашникова эсерами являлись заведующий Информационным отделом МВД, позднее возглавлявший отдел печати Осведарма-3, управляющий правительственным Информационным бюро А.И. Манкевич, редактор “Голоса Сибирской армии” И.И. Кашкадамов и ряд других деятелей военной пропаганды.

⁴ Красный архив. 1928. №3 (28). С. 227.

Сибирской (впоследствии 1-й Сибирской) армии¹ – “Голос сибирской армии”; Осведотдел 2-й Сибирской армии – “Голос армии”; Осведомительный отдел штаба Омского военного округа – газеты “Русский голос” и “Великая Россия”. Имелись газеты корпусные – “Сибирские стрелки” (1-й Средне-Сибирский армейский корпус), “За Родину!” (2-й Отдельный Степной Сибирский армейский корпус), “Иркутский стрелок” (Сводный корпус Сибирской армии); и дивизионные – “Военные ведомости” (6-я Казанская), “На страже свободы” (1-я Сибирская стрелковая), “Голос сибиряка” (7-я Уральская горных стрелков).

Существовала и казачья пресса. Главное управление по делам казачьих войск выпускало газету “Голос казачества”, осведомительный отдел Сибирского казачьего войска – газету “Сибирский казак”. В Омске под редакцией Г.Е. Катанаева издавался еженедельник “Иртыш”.

Некоторые военные газеты первоначально выходили как частные издания. Так, с ноября 1918 г. в Челябинске издавалась газета “Республиканец”, которая являлась преемницей одноименной газеты, издававшейся в Яссах на Румынском фронте, переименованной впоследствии в “Родину”. С 14 января 1919 г. челябинский “Республиканец” также был переименован в “Родину”. Владельцем газеты и ее издателем был известный журналист В.Г. Янчевецкий. Главной задачей своего издания он ставил “проведение идей верности союзникам, возрождения России и борьбы с большевизмом”². Типография газеты находилась в вагонах, для того чтобы следовать за войсками на фронте. Из-за значительных трудностей с изданием Янчевецкий просил оказать изданию помощь в виде подписки на 1000 экземпляров на 3 месяца, с последующим бесплатным распространением газеты среди солдат. Подписная цена определялась в 8 рублей в месяц, всего 24 тысячи рублей. В случае необходимости типография могла печатать еще одну, чисто военную газету.

В то же время отдельные газеты (“Военные ведомости”, “Голос сибиряка”), издателями которых первоначально выступали начальники дивизий, со временем трансформировались в “общественно-политические, беспартийные” издания.

С начала 1919 г. структура военно-осведомительного аппарата была существенно перестроена. 20 января генерал-майор Д.А. Лебедев подписал приказ о создании при штабе Верховного главнокомандующего Особой канцелярии (Осканверха) в составе 4 отделений: общего, цен-

¹ В июле 1919 г. Сибирская армия была разделена на 1-ю (на тюменском направлении) и 2-ю (на курганском направлении) Сибирские армии.

² ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 6. Л. 17 об.

зурного, осведомительного и политических сношений¹. Штат новой организации предусматривал 18 сотрудников, в том числе 13 офицеров. На организационные расходы первоначально было отпущено 5 тысяч рублей, а также пишущие машинки².

Для издания агитационной литературы Особой канцелярии дополнительным приказом на первые три месяца выделялось 120 тысяч рублей³. Осканверх временно, с 1 января 1919 г., возглавил штабс-капитан Зубов. Насколько важен был этот пост, говорит тот факт, что его жалование равнялось окладу командира дивизии. 3 марта было оформлено назначение офицерского состава Особой канцелярии. Начальником общего отделения стал бывший старший делопроизводитель Временного Главного управления Красного Креста, барон Шлиппенбах, цензурного – капитан 319-го Бугульминского пехотного полка Ставрова, осведомительного – бывший чиновник Министерства народного просвещения, коллежский советник Янчевецкий, политических сношений – ранее состоявший в распоряжении коменданта Омска ротмистр Толстой-Милославский.

Примечательно, что из десяти назначенных только трое (коллежский асессор Гурин – делопроизводитель общего отделения, поручик Романов – помощник начальника цензурного отделения и прапорщик Шамурин – обер-офицер для поручений и делопроизводства осведомительного отделения) до этого являлись сотрудниками прежнего Информационного отдела при штабе Верховного главнокомандующего и имели соответствующий опыт работы⁴.

Позднее, 13 апреля 1919 г. приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего ранее утвержденный штат Осканверха был пересмотрен. Количество сотрудников было увеличено до 28 человек (из них 17 – офицеры)⁵.

9 марта 1919 г., агитационные отделы армий были преобразованы в Особые канцелярии армий (Осканармы), на организацию каждой из которых предполагалось выделить 10 тысяч рублей. Они создавались с целью “организованного осведомления действующей армии, для пропаганды в ее рядах здоровых государственных идей, а также для распространения среди красноармейцев нашей (т.е. антибольшевистской. – *Авт.*) литературы”.

Приложенная к приказу инструкция конкретизировала обязанности Осканармов: “а) Распространять в своей армии все то, что посылается

¹ Приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего (далее – ШВГ). № 85 от 20 янв. 1919 г. (Научная библиотека Томского государственного университета (далее – НБ ТГУ).

² См.: Русская армия. 1918. 13 дек.

³ Приказ начальника ШВГ № 293 от 16 апр. 1919 г. (НБ ТГУ).

⁴ Приказ начальника ШВГ № 180 от 3 марта 1919 г. (НБ ТГУ).

⁵ Приказ начальника ШВГ № 326 от 13 апр. 1919 г. (Там же).

Особой канцелярией при штабе Верховного главнокомандующего (Осканверх); б) освещать все вопросы, так или иначе волнующие действующую армию, изданием газет для фронта и ближайшего тыла и выпуском брошюр, листовок и телеграмм; в) в важные политические моменты для борьбы с ложными слухами информировать части действующей армии путем посылки в толщу ее лиц для правильного освещения событий; г) посылки в части армии, до рот включительно, лекторов; д) борьба с большевистскими идеями, распространяемыми на территории действующей армии; е) иллюстрации проводимых Осканармом идей посредством кинематографа; ж) посылки агитаторов в действующую армию Советской России с целью разложения ее; з) распространение прокламаций на территории Советской России”.

Кроме того, еще до “организации гражданскими властями органов осведомления жителей территории, занятой колчаковскими войсками”, в обязанности Осканарма входило “распространение правильной политической ориентировки среди гражданского населения прифронтовой полосы”. Особая канцелярия армии могла иметь собственную типографию и походный кинематограф. Она состояла из пяти человек (три офицера, два вольнонаемных писаря) и подчинялась генерал-квартирмейстеру армии. По отношению к нему канцелярия являлась “органом, собирающим и систематизирующим сведения” о политическом состоянии как своих, так и советских войск. Помимо этого, в задачу Осканарма входило “подготавливать благоприятное политическое настроение своих войск в предвидении боевых операций”.

По линии военной пропаганды (“для урегулирования своей деятельности в освещении политических вопросов”) работу осканармов курировал Осканверх, для связи с которым использовались специальные курьеры¹.

Помимо действующей армии осведомительные и культурно-просветительные органы существовали и при Главном штабе, в ведении которого находились тыловые военные округа.

В структуре Главного штаба существовало два подразделения, деятельность которых в той или иной мере относилась к пропаганде: 1) отдел внешкольного образования, сосредоточивший в своих руках культурно-просветительскую работу в армии; 2) отдел печати, занимавшийся изданием и распространением агитационной литературы (газеты, брошюры, прокламации и т.д.). Под эгидой последнего с 15 марта по 20 мая 1919 г. при Главном штабе было проведено несколько (не менее 10) междуведомственных совещаний по вопросам печати, деятельность которых подробно освещала “Русская Армия”².

¹ Приказ начальника ШВГ №191 от 9 марта 1919 г. (НБ ТГУ).

² Русская армия. 1919. 20, 30 марта; 4, 11 апр.; 1, 16 мая.

Первоначально в совещаниях участвовали “правительственные и военные информационные организации” – отделы печати различных министерств и ведомств. Со временем круг участников расширился. Так, начиная с 6-го по счету совещания (1 апреля 1919 г.) в его работу включились Главное управление по делам вероисповеданий и Книжная палата¹. В центре внимания находились, главным образом, два вопроса: “взаимное ознакомление с ходом работы” – обмен информацией между ведомствами-участниками и организация экспедиции и поиск новых каналов распространения агитационно-пропагандистских материалов среди войск и населения.

Долгое время обсуждался проект организации специальных губернских и уездных комиссий, которые, по мнению участников совещания, служили бы неким “передаточным аппаратом” для распространения агитационных материалов. Для этого планировалось также создание передвижных вагонов-библиотек. С целью взаимной информации обо всех выпускаемых изданиях, по инициативе начальника отдела печати Главного штаба, были введены особые регистрационные карточки и установлен обмен ими между ведомствами. Таким образом, работа совещаний была направлена в основном на решение организационных и чисто технических вопросов.

Отдел внешкольного образования был создан при Главном штабе в конце 1918 г. Его задачи сводились к следующему: 1) заполнить отдых солдат “разумными развлечениями”; 2) “развить в нем (т.е. в солдате. – *Авт.*) понимание прекрасного вообще”, что, по мнению организаторов, “несомненно должно отразиться на его моральном уровне”; 3) “пробудить в русском солдате интерес и любовь к национальному русскому искусству, в котором выявляется богатство души русского народа”.

Цель во многом диктовала формы и методы работы, причем акцент был сделан на развлекательном характере проводимых мероприятий. Устраивались разнообразные концерты, литературные и музыкальные вечера, спектакли. “В методах своей деятельности, – констатировала газета “Русская армия”, – отделение руководствуется старой русской пословицей: “Лучше раз увидеть, чем 100 раз услышать”. И поэтому вся его работа основана на принципах наглядности”². При отделе внешкольного образования Главного штаба действовала художественно-драматическая студия, организовавшая для военнослужащих учебные курсы.

В ряде частей – 1-м Югославском, 40-м Верхне-Услонском, 2-м Сибирском стрелковых полках – офицеры сами организовали для солдат культурно-просветительные кружки. В Ново-Николаевске активно дей-

¹ Русская армия. 1919. 4 апр.

² Там же. 1919. 28 февр.

ствовал культурно-просветительный кружок при управлении санитарной части бывшей Северной группы, имевший целью “устройство разумных развлечений для войск и широких кругов населения”¹. Только с 8 по 26 января 1919 г. силами кружка было поставлено 8 спектаклей и устроено 2 концерта, на которых зрителям бесплатно раздавались “Военные ведомости”. Кроме того, кружок по мере возможности снабжал этой газетой военные части и издавал листовки для солдат².

В середине весны 1919 г. появляются слухи о том, что руководство Военного министерства собирается передать отделение внешкольного образования в ведение Главного управления военно-учебных заведений, ликвидировав его как самостоятельное учреждение. Доказывая нецелесообразность подобного решения, “Наша заря” в частности писала: “Такое подчинение не нормально. Живая работа в солдатской массе будет вестись через учреждение, не имеющее никакой непосредственной связи с армией, через людей, быть может опытных педагогов, но работавших в совсем другой области воспитания, в других условиях и с другими заданиями”³. Высказывалось предположение, что руководители военно-учебных заведений, занятые “хаосом” кадетских корпусов, будут просто не в состоянии уделять должное внимание культурно-просветительной работе среди солдат. Кроме того, считалось, что они недостаточно авторитетны для строевых командиров, и их распоряжения будут попросту игнорироваться. Неизвестно, какими соображениями руководствовало военное министерство и повлияли ли на его решение доводы, приводимые в прессе, но в результате самостоятельность отдела внешкольного образования сохранилась.

Постепенно сеть местных отделений была развернута и в гарнизонах тыловых и внутренних округов. Одним из первых отдел внешкольного образования и воспитания появился в Томске. Его усилиями были открыты гарнизонный театр, аудитория для лекций, устроены чайная и кинематограф⁴. Кроме того, отдел издал однодневную газету “Возрождающаяся Россия”. В апреле 1919 г. по инициативе Главного штаба и Морского министерства местный филиал отделения открылся в Перми, при главной базе речной флотилии⁵.

2 мая 1919 г. отдел внешкольного образования был учрежден в Ново-Николаевске. “Придавая большое значение культурно-просветительной работе, как одному из могучих воспитательных

¹ Военные ведомости. 1918. 27 дек.

² Военные ведомости. 1919. 31 янв.

³ Наша заря (Омск). 1919. 27 апр.

⁴ Русская армия. 1919. 3 июня.

⁵ Сибирские стрелки (Пермь). 1919. 28 апр.

средств в деле разумного заполнения досуга офицеров и солдат и считая, что дело внешкольного образования и воспитания войск должно быть поставлено на надлежащую высоту, – говорилось в приказе начальника новониколаевского гарнизона полковника Федорова, – нахожу необходимым создать гарнизонный отдел по внешкольному образованию и воспитанию войск, который будет вести всю культурно-просветительную работу в гарнизоне”¹. Формирование отдела возлагалось на его начальника – статского советника Кривоносова. Его помощниками были назначены штабс-капитан Петров и коллежский регистратор Климович. К лету 1919 г. подобные отделы (отделения, секции) существовали во всех крупных сибирских гарнизонах.

Таким образом, за период с июня 1918 г. по май 1919 г. аппарат военной пропаганды сибирской контрреволюции организационно претерпел значительную эволюцию, пройдя путь от учреждений, лишь отчасти занимавшихся пропагандистской работой, до специализированных военно-осведомительных органов.

С конца мая 1919 г. в Сибири происходит постепенное усиление деятельности осведомительных органов, сопровождаемое соответствующей кампанией в прессе официального и полуофициального толка. Связано это было, прежде всего, с заметным ухудшением положения на фронте. В ходе Бугурусланской, Белебейской и Уфимской операций (28 апреля – 19 июня 1919 г.) части Красной армии нанесли поражение Западной армии и Волжскому корпусу генерала В.О. Каппеля, Сибирская армия в мае 1919 г. также начала отход ввиду угрозы ее левому флангу.

Таким образом, усиление роли пропаганды и осведомительного аппарата происходило на фоне крупных военных неудач колчаковских армий. Следует отметить, что некоторые тревожные симптомы в массовых настроениях начали проявляться значительно раньше. Еще в марте 1918 г. один из управляющих губернией писал товарищу министра внутренних дел В.Н. Пепеляеву: “За последнее время настроение широких слоев сельского и особенно городского общества повышается, разрыв правительства с народом углубляется все больше и больше... Деревню возмущают налоги и отсутствие товаров. При самодержавии у них были товары, а при большевиках не собирали налогов. Эти воспоминания их настраивают против нынешней власти... Поднимают вражду к власти и все усиливающиеся, часто беспричинные гонения на печать. Наблюдалось, что первоначально народ искренне принимал заявления Совета Министров. Возвания Верховного Правителя у многих поддерживали веру в либеральную политику правительства, но практические мероприятия

¹ Военные ведомости. 1919. 4 мая.

агентов власти так не согласованы со словами деклараций, что скоро от этой веры оставалось одно оппозиционное раздражение”¹.

В сводке сведений контрразведывательного отделения Главного штаба, охватывавшей период с 17 по 23 апреля 1919 г., отмечалось: “Обыватели, как и ранее, в массе проникнуты противобольшевистским духом, сочувственно относятся к существующей власти, однако нередко до тех пор, пока дело не касается их личного материального участия в вопросах борьбы с большевизмом. Характерно отношение обывателя к сбору белья для армии. С одной стороны, восторженные, сочувствующие разговоры об успехах нашей доблестной армии, с другой – критическое отношение к мероприятию правительства о сборе белья для той же армии”².

Что же касается морального состояния войск, то о нем говорилось следующее: “Настроение солдат фронта преисполнено бодрости и уверенности в связи с успехом наших войск... В тылу призванные в войска к создавшемуся для них положению относятся различно: неинтеллигентные выражают различные жалобы на недостаток пищи, плохое обмундирование, антисанитарное состояние помещения, тогда как среди интеллигентных жалоб не слышно, и они полны даже воодушевления и сознания важности исполняемого ими долга перед родиной. Мысль о необходимости уничтожения большевиков постепенно все более и более проникает в сознание чинов армии, чему способствуют своими рассказами сдающиеся в плен красноармейцы. Заметно также влияние патриотических газет, однако необходимо отметить, что в газетах как на фронте, так и в тыловых частях ощущается недостаток”³.

Таким образом, отношение различных слоев общества к колчаковскому режиму было довольно неустойчивым. Правительство белого Востока не имело той степени легитимности, которая гарантировала бы ему поддержку в случае военного разгрома или иного кризиса.

Неудачи на фронте вскрыли просчеты и недостатки идеологической работы Сибирской контрреволюции и ее органов военно-политической пропаганды. В рапорте генерал-лейтенанта А.Н. Пепеляева командующему Сибирской армией Р. Гайде от 21 июня 1919 г. прямо указывалось: “Помимо... материальных недочетов, которые все же исправимы и не одни решают дело, есть более глубокая причина наших неудач... при наличии которой никакой порядок тыла не даст победы, – это апатия общества к делу возрождения России, отражающаяся на духе солдат и офицеров и способная превратить небольшую неудачу в крупную катастрофу”. И далее: “Настала такая минута, когда не знаешь, что будет

¹ ГАРФ. Ф. Р-176. Оп. 7. Д. 29. Л. 9.

² Партизанское движение в Сибири. Т. 1. Приенисейский край. М.; Л., 1925. С. 159.

³ Там же. С. 160.

завтра, не будут ли части сдаваться в плен целиком. Должен быть какой-то перелом, новый взрыв патриотизма, без которого мы все погибнем"¹.

Наиболее слабым звеном в деятельности осведомительных и культурно-просветительных организаций (правительственных, кооперативных, земских), и эту характерную особенность отчетливо можно проследить на протяжении всей Гражданской войны, была работа на периферии. В частности, об этом свидетельствует датированный 1 мая 1919 г. доклад начальника разведки штаба Иркутского военного округа: "В Енисейской губернии и Нижнеудинском уезде отсутствует какая-либо правительственная информация. Не только крестьяне и горожане систематически питаются вздорными, провокационными слухами, но подчас и представители власти, как начгары и земские деятели, ввиду полного отсутствия газет, живут слухами, распространяемыми с провокационными целями главарями большевистского движения"².

В телеграмме полковника Белаша, направленной 1 июня 1919 г. из Орска, указывалось, что главной причиной восстания в Кустанайском уезде и других глухих местностях, удаленных от железных дорог и телеграфа, – является полная неосведомленность населения о событиях и правительственных мероприятиях. Вследствие чего, по его мнению, большевистская агитация имела успех. Создающиеся Осканармы работают в прифронтовой полосе, что не позволяло им, по мнению Белаша, без ущерба для фронта уделять много внимания тылу. Исходя из этого предлагалось для укрепления престижа государственной власти в тылу учредить особые канцелярии при военно-административных управлениях армий, при штабах округов и при органах гражданского управления для широкого осведомления населения и контрагитации. Наряду с этим полковник Белаш указывал на то, что необходимо обязать местные военно-административные и гражданские организации немедленно и широко распространять важнейшие акты правительства вплоть до деревень³.

В начале лета 1919 г. произошла реорганизация центрального военно-осведомительного аппарата. Приказом № 589 начальника штаба Верховного главнокомандующего от 9 июня создавалось Управление 2-го генерал-квартирмейстера при Главковерхе, в ведении которого находились вопросы разведки, контрразведки, печати, информации, агитации, цензуры и почтово-телеграфного контроля. Структура нового управления включала три отдела: разведывательный, контрразведки и военного контроля, осведомительный, а также особое отделение, которое руководило деятельностью офицеров, состоявших при иностранных миссиях.

¹ Военно-исторический журнал. 1996. №6. С. 82.

² Партизанское движение... Т. 1 С. 149.

³ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 6. Л. 25 об.

Вновь сформированный Осведомительный отдел штаба Верховного главнокомандующего (Осведверх) объединил в себе функции Особой канцелярии штаба Главковерха и Отдела печати Главного штаба, упраздненных с его появлением. Осведверх состоял из двух подотделов: 1) печати, включавшего отделения издательское, печати и художественное; 2) технического, с хозяйственным и экспедиционным отделениями. Кроме того, он включал два бюро – осведомительное и главное цензурно-контрольное.

Штат Осведомительного отдела предполагал 90–98 сотрудников, в том числе 27–31 офицер, 20–24 чиновника, 43 солдата. При отделении печати согласно особому штату находилась газета “Русская армия” в составе редакции (35 сотрудников), типографии (51 сотрудник) и переплетной (8 рабочих)¹. Начальником Осведомительного отдела был назначен полковник Г.И. Клерже, занимавший ранее должность помощника начальника Главного штаба. Новая организация центрального аппарата военной пропаганды, по его мнению, имела определенные преимущества. “Созданием Осведверха, – указывал он в беседе с сотрудником “Русской армии”, – устранен некоторый параллелизм в работе различных органов осведомления и печати и, таким образом, достигнут наиболее интенсивный и продуктивный ход работ в данной области”².

Для широкой издательской деятельности были необходимы бумага и специальное печатное оборудование. Еще в марте 1919 г. адмирал Колчак предоставил начальнику штаба Верховного главнокомандующего право на прифронтовой территории реквизировать типографии закрываемых газет и обращать их на нужды армии³.

К середине июля Осведверх получил пять вагонов бумаги, 1000 пудов шрифта, типографской краски и смазочных веществ⁴. В распоряжении экспедиционного отделения Осведверха имелись шесть вагонов, доставлявших агитационную литературу во всех направлениях⁵. При штабах армий, корпусов, дивизий и полков находились сотрудники Осведомительного отдела, в задачу которых входило распространение печатной продукции на местах⁶. Кроме того, в Тюмени, Ишиме и ряде других населенных пунктов “для информации фронта” были привлечены бойскауты⁷.

С учреждением должности Главнокомандующего армиями Восточного фронта – со 2 июля 1919 г. этот пост занял генерал-лейтенант М.К. Дитерихс – был организован Осведомительный отдел штаба Восточного

¹ Приказ начальника ШВГ. № 559 от 9 июня 1919 г. (НБ ТГУ).

² Русская армия. 1919. 9 июля.

³ Приказ начальника ШВГ от 11 марта 1919. №207. (НБ ТГУ).

⁴ Красный архив. 1928. №3. (28). С. 227.

⁵ Там же.

⁶ Русская армия. 1919. 9 июля.

⁷ Там же. 23 авг.

фронта (Осведфронт). В июле того же года была пересмотрена структура периферийных органов военной пропаганды. Высшее военное командование одобрило и утвердило новое штатное расписание осведомительных отделов неотдельных армий (осведармов), внутренних (Омский, Иркутский, Приамурский) и тыловых (Тюменский, Курганский и Троицкий) военных округов (осведокров). Предполагалось, что осведомительные отделы внутренних округов по своему устройству будут аналогичны армейским; поскольку на его территории функционировал центральный военно-пропагандистский аппарат, к Омскому военному округу было решено применить штат тылового осведокра.

По свидетельству Г.К. Гинса, наиболее активно действовала Осведомительная канцелярия 3-й (бывшей Западной) армии. В начале октября 1919 г. Гинс сопровождал адмирала А.В. Колчака в поездке на фронт и смог воочию оценить деятельность осведомительных органов. Критикуя работу центрального аппарата военной пропаганды, он писал: “На всем пути от Омска до Тобольска мы не нашли никаких следов работы центра. Войска обслуживались своими местными изданиями”¹.

29 июля 1919 г. был учрежден Осведомительный отдел при войсковом атамане Сибирского казачьего войска. Его задачей являлось: “1) Установление постоянной, живой связи между войсковым правительством и населением; 2) широкое осведомление населения обо всей военной и политико-экономической жизни государства, всех задачах и мероприятиях правительства, и укрепление государственных и противобольшевистских идей”. Войсковой Осведомительный отдел (Осведказак) создавался по территориальному принципу. Он состоял из трех подотделов: Омского, Кокчетавского и Семипалатинского. Территория Кокчетавского подотдела включала весь 1-й военный отряд Сибирского казачьего войска, Омского – 2-й военный отдел и часть 3-го отдела до станции Черноречкой, Семипалатинского – всю оставшуюся часть 3-го военного отдела. Управления подотделов находились соответственно в Омске, Кокчетаве и Семипалатинске. Подотделы в свою очередь подразделялись на районы, которые в целом и соответствовали районам заведующих станциями.

В состав Омского подотдела входило 8 районов, Кокчетавского – 7, Семипалатинского – 11. Предполагалось, что районные отделения возглавят, где это возможно, заведующие станциями. Всей деятельностью периферийных структур руководил центральный отдел, состоявший из начальника войскового осведотдела, двух его помощников, трех инструкторов, двух корреспондентов, делопроизводителя (казначей) и машинистки. Проводниками “общей программы” Осведказака на местах

¹ Гинс Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 363.

являлись инструкторы, а их помощниками – корреспонденты. “Непосредственными агентами в деле осведомления, пропаганды и распределения среди населения печатных материалов” выступали информаторы. Их количество для Омского подотдела было установлено в 21, Кокчетавского – 16 и Семипалатинского – 28 человек.

Осведомительные органы довольно щедро финансировались. “На отсутствие необходимых для сего кредитов, – отмечалось в интервью полковника Клерже газете “Русская Армия”, – военное ведомство, слава богу, пожаловаться не может”¹. Линия правительства на усиление финансирования антибольшевистской пропаганды подтвердилась в ходе совещания представителей осведомительных и культурно-просветительных учреждений в середине июля 1919 г. “В денежном отношении осведомительные органы не будут стеснены,” – указывалось в докладе подпоручика Чулкова о результатах совещания². Штабы армий получили субсидии в размере 7–8 млн рублей, округам, где работа была “в зачаточном состоянии”, предполагалось выделить по 3–4 млн рублей.

В конце августа 1919 г. осведомительные отделы штаба главнокомандующего Восточного фронта и штаба Верховного главнокомандующего были слиты и преобразованы в Осведомительное управление штаба Главковерха. “Получил первую правдивую сводку Осведомительного отдела, встряхнутого назначением начальником отдела полковника Сальникова; в сводке очень рельефно и правдиво изложено действительное настроение войск и приведено много кричащих фактов, как из жизни армии, так и из жизни населения и тыла. Сведения эти получены путем посылки всюду особо избранных агентов, заглянувших в самую душу войск и населения”, – записал 9 августа (11 сентября) в своем дневнике помощник военного министра генерал А.П. Будберг³. В августе-сентябре начал свою работу осведомительный отдел Военно-административного управления Степной группы войск (Осведстепь).

Таким образом, к началу осени 1919 г. в штабах фронта всех армий, военных округов и войсковых групп функционировали органы военной пропаганды, практически в каждом сибирском городе были организованы осведомительные отделения и пункты. Их деятельность руководилась, направлялась и координировалась Осведомительным управлением штаба Верховного Главнокомандующего (Осведверхом). В начале октября, по свидетельству Будберга, для него были “проведены новые огромные штаты с очень повышенными сравнительно со всеми остальными

¹ Русская армия. 1919. 9 июля.

² Красный архив. 1928. №3 (28). С. 228.

³ Дневник барона А. Будберга... С. 308.

ми окладами военнослужащих”¹. В состав Осведверха входили отдел печати, культурно-просветительный отдел, экспедиция и ряд других структурных подразделений. Одновременно с преобразованием центрального аппарата военной пропаганды был восстановлен, теперь уже на правах управления, Осведфронт.

Таким образом, летом–осенью 1919 г. Омское правительство значительно расширило военно-пропагандистскую деятельность в надежде мобилизовать население на борьбу с большевиками. При этом происходит не только структурная перестройка осведомительных органов, но и определенные изменения в самом отношении к пропаганде. Первоначально интерпретируемая как синоним целенаправленно распространяемой лжи, теперь она используется в значении системы убеждающих мер воздействия. Если ранее внедрение идеологии происходило опосредованно, через организацию развлечений и досуга, то теперь стали прибегать к более радикальным методам убеждения, способным обеспечить необходимый результат в максимально короткий срок.

В ходе гражданской войны на Востоке России сложился свой пропагандистский корпус, ставший частью идеологического аппарата контрреволюции. С одной стороны его составляли высшие чины различных правительственных информационных и пропагандистских учреждений. Это руководители Информационного бюро ЗСК, а затем ВСП Г.Н. Бутаков и А.И. Манкевич, директор-распорядитель Русского общества печатного дела (в дальнейшем Русского бюро печати) А.К. Клафтон, его заместители Н.В. Устрялов и Д.В. Болдырев, руководители отделов РБП С.Б. Сверженский, Л.В. Арнольд, Г.В. Гейнц, В.Н., Иванов, А.Г. Соболев и другие.

С другой стороны, к ней следует отнести руководящий состав подразделений военной пропаганды. На разных этапах Гражданской войны это были генерал-майор Романов (Военно-исторический отдел штаба Сибирской армии), капитан Киселев (Информационный отдел штаба Верховного Главнокомандующего), штабс-капитан Зубов, барон Шлиппенбах, капитан Ставров, коллежский советник Янчевецкий (Осканверх), полковники Г.И. Клерже и Д.Н. Сальников (Осведверх), штабс-капитаны Калашников и Крамаренко (Информационный (Осведомительный) отдел штаба Сибирской армии), полковники Луцков (Осведарм-2), Матик (Осведарм-3) и Новаковский (осведотдел Омского ВО), капитан Сафонов (заведующий курсами военных информаторов).

Помимо них, к идеологическому аппарату восточной контрреволюции относились редакторы тех изданий, которые работали на создание

¹ Там же. С. 342.

положительного имиджа Омского правительства и его вооруженных сил. Это П.Ф. Пономарев, Л.С. Ушаков (“Сибирский вестник”), А.Л. Фовицкий (“Вестник Временного Всероссийского правительства”), В.А. Кудрявцев (“Правительственный вестник”), ротмистр С.А. Скрябин, подполковник Ю.С. Геркен (“Русская Армия”), А.С. Белевский-Белоруссов (“Отечественные ведомости”), Н.С. Григорьев (“Военные ведомости”), Г.Я. Жук (“Русская речь”, “Надежда России”), Д. Болдырев (“Русское дело”), Н.В. Устрялов, В.Н. Иванов (“Наша газета”), Д. Чабан (“Голос сибиряка”), подпоручик И.И. Кашкадамов (“Голос Сибирской армии”), капитан Васильев (“За Родину!”), А.С. Пругавин (“Друг армии и народа”), В.Г. Янчевецкий-Кременец (“Вперед!”), В.И. Зекин (“Великая Россия”), В.П. Микулин, А.В. Подшивалов (“Родина”), В.А. Анзимиров (“Русь”). В.А. Жардецкий, Е.И. Татарова (“Сибирская речь”), подполковник Н.И. Рысин (“Русский голос”) и ряд других.

В пропагандистской деятельности активное участие принимали представители профессуры, как сибирской, так и приезжей (главным образом из Казанского и Пермского университетов). Многие из них выступали на страницах периодической печати, служившей для них своего рода трибуной, с которой можно было заявить о своей гражданской позиции, обсудить самые насущные вопросы современности. Так, профессор юридического факультета Томского университета И.И. Аносов, автор многочисленных публикаций, признавал: “Моей целью было лишь поднятие вопроса”. Эта же мысль находит отражение и в статьях других представителей томской профессуры: филолога Э.В. Диля, юристов С.П. Мокринского, В.А. Рязановского, И.В. Михайловского, медика Л.И. Оморокова и других. В их публицистике всесторонне рассматривались ключевые вопросы того времени: будущая государственность, учредительное собрание, отношение к социализму и большевизму, союзникам, Восточному фронту и т.д.¹ Их яркие, актуальные, написанные с полемическим задором статьи и заметки формировали общественное мнение Сибири в антибольшевистском духе. Довольно часто эти профессора выступали с лекциями и докладами на различных мероприятиях, организованных в пропагандистских целях: Д.В. Болдырев и Н.Н. Фиолетов – на курсах религиозно-нравственной проповеди, устроенных Агитационным отделом РБП; С.И. Гессен, Б.Е. Будде, А.И. Сырцов, Н.Н. Фиолетов – на открытом заседании, посвященном годовщине ноябрьского переворота; П.Г. Любомиров, Л.И. Омороков – на курсах

¹ Подробнее см.: *Фоминых С.Ф., Шевелев Д.Н. и др.* Профессора Томского университета в годы Гражданской войны // Из истории революций в России (первая четверть 20 века): Материалы Всерос. симпозиума, посвящ. памяти профессора И.М. Разгона. Томск, 1996. Вып. 2.

военных информаторов; Б.П. Денике – на курсах для славянских частей и т.д. Они входили в редакционные советы периодических изданий, активно популяризовавших правительственный курс: И.И. Аносов, П.А. Прокошев, И.Я. Галахов – газеты “Надежда России”; И.И. Аносов, Б.Л. Богаевский, Б.Е. Будде, Л.А. Булаховский, Ю.Н. Верховский, Б. Колубакин, А.Н. Круглевский, П.Г. Любомиров, П.А. Микулин, В.В. Сапожников, М.М. Хвостов – “Русского голоса”.

Некоторые из них принимали непосредственное участие в деятельности пропагандистских органов. Так, профессор Томского университета Н.Я. Новомбергский сотрудничал в Осведказеке, профессор-философ из Перми А.И. Сырцов возглавлял курсы военных информаторов при штабе Омского ВО, а Д.В. Болдырев был одним из главных предводителей “крестоносного” движения.

Как одну из основных групп, осуществлявших идеологическое воздействие, следует рассматривать журналистский корпус восточной контрреволюции. Белая Сибирь располагала своими литераторами и публицистами. К их числу принадлежали С. Ауслендер, А. Громов, Лев Арнольдов, Г.А. Вяткин, Аргус, А. Гутман (Анатолий Ган), А.В. Адрианов (редактор “Сибирской жизни”), В.Н. Иванов (редактор “Нашей газеты”), М. Борисов, В. Покровский, Меерович (А. Саянский), М. Стоговский и ряд других. Особую группу составляли военные обозреватели и публицисты. Наиболее известными среди них были начальник Академии Генерального штаба генерал-майор А.И. Андогский (военный обозреватель вначале “Русской Армии”, а затем “Сибирской жизни”), А.И. Волховский, В.В. Мясников, капитан Колесников. Часть сотрудников белой печати (А.В. Адрианов, С. Ауслендер, А. Гутман, В.А. Кудрявцев, В.А. Жардецкий, Вл. Покровский и др.) имела большой журналистский стаж, некоторые из тех, кто приехал на восток страны из Москвы, Петрограда и других городов Центральной России, обладал опытом работы в центральных изданиях. Так, редактор-издатель “Отечественных ведомостей” А.С. Белевский-Белоруссов до революции был ведущим сотрудником “Русских ведомостей”; редактор официальной части “Сибирского вестника” П.Ф. Пономарев – секретарем редакции “Русского слова”; начальник Осведверха полковник Г.И. Клерже – военным обозревателем “Русского инвалида”; а один из первых руководителей правительственного Информационного бюро Г.А. Вяткин некоторое время работал в культурно-просветительных организациях на Северном фронте¹.

¹ Примечательно и то, что после окончания Гражданской войны ряд видных сотрудников идеологического аппарата Колчака, в свое время непримиримых противников работавший воспитателем в детских домах, впоследствии вернулся в Москву и стал детским писателем. Талантливый поэт Г.А. Вяткин в 1920–1930-х гг. являлся одним из ак-

Именно на уровне “идеологического аппарата” происходило преобразование общих политических идей, рационально обоснованных идеологических установок и абстрактных схем в систему мифологизированных наглядно-образных представлений, доступных пониманию “человека с улицы”. При этом периодическая печать являлась одновременно и важнейшей частью идеологического аппарата, воспроизводящей существующие властные отношения и социальные нормы, и техническим каналом трансляции пропагандистских текстов.

тивных участников создания советской литературы в Сибири. А редактор фронтовой газеты “Вперед!” В.Г. Янчевецкий-Кременец больше известен читателям как Василий Ян – автор популярных исторических романов. В 1945 г. возвратился на Родину и бывший редактор “Нашей газеты” В.Н. Иванов.

ГЛАВА 2. ФОРМЫ И МЕТОДЫ ПРОПАГАНДИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНФОРМАЦИОННО-ОСВЕДОМИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ БЕЛОЙ СИБИРИ

2.1. Основные направления работы пропагандистского аппарата сибирской контрреволюции летом 1918 – весной 1919 г.

Летом 1918 г. одной из первоочередных задач, стоявших перед Западно-Сибирским комиссариатом, а затем и Временным Сибирским правительством, было создание боеспособной армии. В условиях антибольшевистского подъема и первых успехов внимание главным образом уделялось устной агитации.

Еще в начале июня начальник Томского гарнизона подполковник А.Н. Пепеляев обратился в городскую управу за содействием в привлечении добровольцев¹. 7 июня в Томске состоялось коалиционное совещание с участием представителей политических партий, губернской земской управы, городского муниципалитета, биржевого общества и кооперативов. Как писала “Сибирская жизнь”: “Все организации заявили о принципиальной готовности принять активное участие в вербовке добровольцев в Сибирскую армию”². На совещании был составлен проект воззвания с призывом “давать добровольцев и жертвовать средства” на создание вооруженных сил.

В агитационно-пропагандистскую деятельность активно включилась Томская губернская земская управа. 6 июня было принято решение о восстановлении инструкторского отдела, функции которого в новых условиях были значительно расширены “включением в его компетенцию деятельности по агитации в пользу Временного Сибирского правительства, Учредительного Собрания, по вербовке добровольцев в армию и т.д.”³ К середине июня в Кузнецкий уезд были командированы 7 инструкторов, в Мариинский – 10, Каинский – 5, Новониколаевский – 5 и Нарымский край – 2⁴.

¹ Сибирская жизнь. 1918. 11 июня.

² Там же. 7 июня.

³ Там же. 19 июля.

⁴ Там же. 20 июня.

17 июня 1918 г. еще одна группа земских инструкторов была отправлена во все уезды Томской губернии. С напутственной речью выступил член Сибирской Областной думы, товарищ председателя Томской губернской земской управы эсер М.П. Рудаков, курировавший инструкторский отдел. Его выступление, опубликованное в “Народной газете”, – характерное свидетельство того, как участники антибольшевистского движения в Сибири представляли себе пропагандистскую деятельность, в частности устную агитацию, на начальном этапе Гражданской войны.

М.П. Рудаков следующим образом определил порядок работы инструкторов: “Впереди должны ехать гражданские инструкторы, осведомляя население о происходящем перевороте, а вслед за ними, уже на подготовленную почву должны следовать военные инструкторы. Между гражданскими и военными инструкторами должны находиться определенные интервалы расстояния. Между обоими отрядами должно существовать соглашение по поводу дальнейшего пути. Отъезжая в данное время, инструкторы обеих партий должны выработать точный и согласный маршрут, который мог бы служить на будущее время общим планом поездки. Приехав в назначенный уезд, гражданские инструкторы, сделав свое дело, должны тотчас же ехать дальше, оставив за собой военных инструкторов”.

Сознавая, что большинство инструкторов едет работать без определенной подготовки и “возможно... в первое время окажутся в тяжелом положении”, товарищ председателя Томской губернской земской управы в самом общем виде обрисовал политическую обстановку и основные направления деятельности Сибирского правительства. Что же касается советов “практического характера”, то в них, по всей вероятности, отразился предыдущий опыт его работы в земских учреждениях. “Каждый инструктор, – указывал М.П. Рудаков, – в значительной степени снабжается листовой литературой. Приехав в село или деревню, инструктор должен собрать крестьян и прочесть им имеющиеся у него воззвания. Естественно, возникает ряд вопросов, удовлетворяя которые, инструктор может выполнить задачу ознакомления населения с совершающимся переворотом и с сущностью настоящего политического момента. В ряду всех недоразумений, всех положений, которые должны живо заинтересовать крестьян и глубоко их затронуть, должен выдвинуться новый вопрос – это вопрос о формировании армии”. Рудаков предупреждал, что в этом вопросе нужно быть готовым ко многим затруднениям, которые, прежде всего, выразятся во всевозможных аргументах крестьян против записи в добровольцы. Тем не менее, указывая на “состояние какой-то пессимистической, безразличной апатии”, глубоко проникшее в общественное сознание, он выразил уверенность, что “здравый смысл должен подсказать крестьянам” необходимость самозащиты. “Инструкторы должны

помнить, – подчеркнул он в заключение, – что каждый день промедления годом отзовется среди темной крестьянской массы, остающейся без необходимого руководства и без необходимого проблеска света”¹.

Для выполнения задач “политического характера” кадры инструкторского отдела были пополнены новыми сотрудниками в количестве до 100 человек. Прежние инструктора-учетчики были также привлечены к агитации и пропаганде. Летом 1918 г. ощущался острый дефицит агитационной литературы. Так, для удовлетворения потребности в листовках Томская уездная земская управа сделала заказ в Омск. Предполагалось выписать листовки из мастерских Вятского и Вологодского земств. В конце июня – начале июля 1918 г. Томской губернской земской управой было принято решение отделить политико-просветительную деятельность от решения непосредственно земских вопросов. С этой целью для земской работы был восстановлен инструкторский отдел по местному самоуправлению, а для вопросов политической агитации и вербовки в армию добровольцев создан отдел по формированию добровольческой армии, подчиненный правительственному уполномоченному и финансируемый из государственного бюджета.

Новый отдел временно возглавил поручик Александровский. В начале июля он докладывал М.П. Рудакову: “К организации добровольческой армии в Томской губернии приступлено в качестве первых шагов – посылкой на места приглашенных инструкторов и рассылкой плакатов и воззваний”². Отдел по формированию добровольческой армии состоял из двух подотделов: военного и гражданского, для работы на местах был создан штат военных и гражданских инструкторов, формировавшийся “преимущественно из записавшихся добровольцев, которые окажутся способными к этой работе, и из инвалидов и других военных, почему-либо освобожденных от военной службы”³.

В своем докладе поручик Александровский указывал, на то, что “с расширением сферы деятельности... на всю Западную Сибирь, мероприятия по формированию армии принимают громадные размеры и должны поэтому быть надлежаще организованы”⁴. К делу организации вооруженных сил Александровский планировал привлечь земские и городские органы самоуправления. Так, в помощь губернским и уездным уполномоченным по формированию армии предполагалось учредить добровольческие бюро, которые должны были создаваться уездными и волостными земскими и городскими управами, а также различ-

¹ Народная газета. 1919. 23 (10) июня.

² Там же. 1918. 11 июля (28 июня).

³ Там же.

⁴ Там же

ными общественными организациями и кооперативами на добровольных началах. Перед добровольческим бюро и инструкторами ставилась задача пропаганды “идеи необходимости защиты страны и записи в добровольческую армию”. Они должны были разъяснять населению условия приема добровольцев и условия службы в армии. До 25 июня отдел по формированию добровольческой армии, переименованный затем в инструкторско-информационный отдел при МВД, командировал на места 84 инструктора, которые к 20 июля объехали 101 волость из 280¹.

Опрос, проведенный инструкторами, и сообщения с мест показали, что идея создания добровольческой армии в сельской местности широкой общественной поддержки не получила и “большого количества добровольцев из среды крестьян в армию ожидать нельзя”². Эффективность политической агитации оказалась минимальной, поскольку в ряде волостей (например, в Турунтаевской) “не оказалось, к сожалению, ни одного добровольца”³. В то же время сигналы с мест и сводки инструкторов-информаторов свидетельствовали о том, что “против всеобщей обязательной мобилизации они [крестьяне] ничего не будут иметь и вполне сочувствуют ей”⁴.

С призывом на военную службу лиц, родившихся в 1898–1899 гг., положившим начало практике принудительной мобилизации, необходимость в пропагандистской деятельности, связанной с вербовкой добровольцев, практически отпала. Работа правительственных и земских инструкторов стала пересекаться и дублироваться. Дело доходило до того, что Томская уездная земская управа поручила своему сотруднику А.Н. Ткаченко составить мотивированное представление в Министерство по поводу упразднения института инструкторов МВД “в виду того, что правительственные инструкторы... постоянно своими разъяснениями и указаниями вмешиваются в компетенцию земства... меж тем, как у земства есть свой штат инструкторов”⁵. Таким образом, задача отдела, переименованного в информационно-агитационный, стала сводиться преимущественно к распространению агитационной литературы среди крестьян и контролю за настроениями в деревне.

Если отдел по формированию добровольческой армии занимался в основном устной агитацией (непосредственная пропагандистская коммуникация), то распространением официальных сообщений ведали правительственное Информационное бюро и Сибирское телеграфное агентство.

¹ Сибирская жизнь. 1918. 26 июля.

² Народная газета. 1918. 7 июля (24 июня).

³ Там же. 25 (12) июля.

⁴ Там же. 7 июля (24 июня).

⁵ Там же. 31 (18) авг.

Сибирское телеграфное агентство рассылало циркулярные телеграммы, а также издавало бюллетени. Последние подразделялись на три разряда: бюллетени первого разряда включали в себя всю сумму сведений агентства, второго – главнейшие известия, третьего – только военную и официальную информацию. Особое внимание уделялось работе отделения во Владивостоке, поскольку там осуществлялась непосредственная связь с дипломатическими представителями и сотрудниками зарубежных СМИ.

Организуя свою деятельность, Сибирское телеграфное агентство столкнулось с рядом трудностей. Нередко в газетах печатались телеграммы его собственных корреспондентов, неверные по существу, тенденциозные или преждевременные. Рядом могли размещаться известия СТА, но без ссылки на источник, или же Сибирскому телеграфному агентству приписывали сведения, ему не принадлежащие. В частности, “Тауч” сообщил о назначении генерала Хорвата на ответственный пост, между тем этого назначения не было. Собственные же корреспонденты СТА пошли еще дальше, и, например, “Иркутское дело” сообщило о назначении Хорвата председателем Совета министров Временного Сибирского правительства. Эта новость вызвала оживленное обсуждение в местной прессе и породила множество слухов.

В связи с этим Сибирское телеграфное агентство направило на места телеграмму, в которой указало, что “в сложных условиях текущей действительности правильная информация, чуждая излишней спешки и погони за сенсацией, чрезвычайно важна. Наоборот, каждое непроверенное, а тем более имеющее характер остроты и сенсации сведение, опубликованное в том или ином органе печати, косвенно содействует общей государственной запутанности и осложняет без того тяжелую политическую обстановку”¹. По мнению СТА, непроверенные факты лишь создавали в умах читателей путаницу, подрывали престиж газет и других информационных органов.

Исходя из этого, Информационное бюро ВСИ и Сибирское телеграфное агентство обращались к своим корреспондентам с просьбой больше считаться с официальной информацией.

Однако вскоре проявилась другая крайность, – в СТА стало поступать мало сведений от корреспондентов, даже из мест с богатой общественно-политической жизнью, или же получаемые сведения касались весьма незначительных фактов и в силу этого не представляли интереса для телеграфного агентства.

3 октября 1918 г. СТА направило всем корреспондентам циркуляр, в котором просило увеличить объем посылаемой информации. Однако

¹ ГА РФ. Ф. 4886. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 2.

при этом обращалось внимание на то, что каждая телеграмма, посылаемая Агентству, помимо достоверности и своевременности сообщения должна расцениваться с точки зрения широкого общественного интереса или необходимости информировать центральную власть о важных явлениях местной жизни¹.

Деятельность СТА не всегда удовлетворяла требованиям сибирских газет. Так, еще 28 июля 1918 г. редактору омской “Зари” Валентину Павловичу Фомину было направлено письмо журналиста Михаила Ивановича Соловьева. В нем автор указывал, что в переживаемое время сибирская пресса должна нести новую ответственность перед историей и перед государством, а потому информация населения и различных кругов общества должна быть не только правильной и точной, но и, по возможности, быстрой и полной. Причем это значение и ответственность учитывать должны не только различные круги и общественные группы, но, в особенности, так называемые правительственные сферы, поскольку им, как никому, нужна информация точная, полная и быстрая.

“Между тем, нам газетным работникам и информаторам прессы, – писал Соловьев, – в получении материалов для газет приходится иногда встречать прям таки непреодолимые препятствия именно со стороны правительственных кругов. В министерствах, за исключением военного, продовольствия, туземных дел, народного просвещения получение каких-либо сведений сопряжено с большими трудностями”.

Особенно неблагоприятно дело обстояло с информацией в Министерстве путей сообщения, где путевые олимпийцы как “во граде-Китеже на дне озера живут”². Свой отказ министерства мотивировали или знаменитым “некогда”, или ссылкой на то, что все сведения для печати они направляют через информационное бюро Временного Сибирского правительства. Далее Соловьев указывал на то, что “никогда информационное бюро не снабжало печать сведениями, кроме коротких телеграфных сообщений. ... Было бы нелепо и даже крайне вредно, что если бы в столичном городе, резиденции правительства, центре чуть не мирового внимания, омские газеты получали бы только телеграммы о местной жизни, а газетные репортеры перешли бы на роли полицейских хроникеров или писали о сломанных тротуарах необрушенных трупах собак, о нахалах, заглядывающих в дамские купальни и проч.”

Для выхода из создавшейся ситуации автор предлагал редактору “Зари” официально обратиться письмом к председателю Совета министров П.В. Вологодскому, чтобы он обратил внимание на затруднительное положение газет и издал через управляющего делами профессора

¹ ГА РФ. Ф. 4886. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

² Там же. Ф. 193. Оп. 1. Д. 5. Л. 61, 61 об.

Гинса циркуляр, предлагающий снабжать местную прессу материалами помимо информационного бюро, причем в циркуляре должно быть указано, что быстрая, правильная и полная информация в интересах самого правительства. С технической точки зрения автор предлагал способ, в соответствии с которым сотрудникам газет предоставлялись бы папки с текущей документацией министерств, за исключением секретной информации, откуда бы они выписывали данные себе в блокнот¹.

Важнейшим инструментом государственного регулирования прессы и воздействия на общественное мнение является цензура. В России контролю печатного слова традиционно придавалось огромное значение. В годы Первой мировой войны роль военной цензуры, со временем отошедшей от первоначальных чисто военно-оперативных целей (то есть обеспечения военной тайны в узком смысле слова) и превратившейся в широкую систему общеполитического надзора, еще больше увеличилась. Военная информация тщательно дозировалась².

Сибирская контрреволюция, особенно в колчаковский период, во многом унаследовала этот опыт. Несмотря на то, что ЗСК специальным постановлением подтвердил правомочность Всероссийского закона о печати от 27 апреля 1917 г.³, указав при этом на необходимость его точного и неуклонного соблюдения⁴, уже 23 сентября 1918 г. была введена военная цензура. Издателей ожидали уведомления, подобные тому, какое получил Д. Розенберг, редактор “Народной газеты”. “Начальник гарнизона, – говорилось в нем, – приказал довести до вашего сведения, что впредь до отмены военной цензуры, все первые оттиски набора редактируемой Вами газеты, а также все оттиски: телеграмм, объявлений, листовок, брошюр и прочие, должны представляться вами в штаб гарнизона для просмотра и разрешительной подписи... Начальник гарнизона

¹ ГА РФ. Ф. 193. Оп. 1. Д. 5. Л. 62, 63.

² Вот как, к примеру, звучали наставления на этот счет одного из сотрудников ответственной военно-цензурной службы в изложении очевидца: “а) Начатая нами и не законченная операция по возможности должна обходиться молчанием, чтобы не обнаружить нашего плана; б) разгаданная нами операция врага не должна быть выяснена ему, чтобы обмануть противника своим неведением о его замысле; в) всякий наш успех должен быть сообщен вполне; г) всякий наш неуспех в отражении удара – только в общих, неясных выражениях; д) наши потери и неудавшиеся операции и маневры обходить полным молчанием; е) когда мы бьем немцев – писать “германцев”, а если австрийцев – “противника”; ж) фамилии нашего командного состава и названий частей не упоминать; з) пленных подсчитывать почаще, на разные даты, дабы создать иллюзию более значительного успеха; и) результаты действий неприятельских аэропланов обходить молчанием” (*Лемке М.К.* 250 дней в царской ставке. Петроград, 1920. С. 43.).

³ Пункт первый этого закона гласил: “Печать и торговля произведениями печати свободны. Применение к ним административных взысканий не допускается”.

⁴ См.: Законодательная деятельность белых правительств Сибири... Вып. 1. С. 30.

приказал поставить вам на вид, что за неисполнение настоящего распоряжения виновные будут подвергнуты военно-полевому суду”¹.

Следует заметить, что попытки со стороны военного командования вмешиваться в деятельность прессы, контролировать ее, объясняя это стремлением соблюдать “военную тайну”, стали проявляться практически сразу после свержения советской власти. Так, начальник штаба Западно-Сибирского военного округа полковник П.А. Белов 12 июня 1918 г. направил управляющему военным отделом ЗСК телеграмму, в которой просил последнего дать редакторам газет соответствующие разъяснения. Поводом послужила заметка, напечатанная в “Сибирской жизни” под названием “Город Камень взят отрядом в 75 человек”. По мнению полковника Белова, это являлось разглашением военной тайны, и он настаивал на “недопустимости подобных явлений в будущем”. Не менее характерна резолюция на эту телеграмму уполномоченного А. Коробкова, адресованная заведующему секретариата ЗСК: “Примите меры, – говорилось в ней, – чтобы впредь оглашению военных сообщений предшествовала тщательная их редакция. Было совершенно правильным печатать эти сведения в редакции и по выбору Штаба. По получению сего без ведома Секретариата сведения не должны попадать в печать”².

Контроль за СМИ и ограничения свободы печати продолжались и в последующее время. 15 июля 1918 г. Временное Сибирское правительство утвердило “Временные правила о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия”, в соответствии с которыми министру внутренних дел, а на территории театра военных действий командующему армии или командирам отдельных корпусов, принадлежало право объявлять ту или иную местность на военном положении сроком до 6 месяцев. В местности, объявленной на военном положении, с санкции министра внутренних дел (либо военного командования) могло быть приостановлено любое периодическое издание с возбуждением уголовного дела³.

10 сентября постановлением Административного совета для контроля периодической печати были учреждены военно-цензурные комиссии, а для проверки всех почтовых отправок – военные почтово-телеграфные контрольные бюро. Военно-исторический отдел штаба Сибирской армии подготовил “Перечень сведений, не подлежащих оглашению в печати и не подлежащих распространению путем почтово-телеграфных сношений”, подписанный генерал-майором Романовым и руководителем военно-цензурного отделения капитаном 2 ранга Дудкиным⁴.

¹ Народная газета. 1918. 28 (13) сент.

² ГА РФ. Ф. 151. Оп. 1. Д. 6. Л. 113–113 об.

³ См.: Законодательная деятельность белых правительств Сибири... С. 65–68.

⁴ В целом этот перечень повторял соответствующую инструкцию от 26 июля 1917 г.

3 ноября 1918 г. начальник Информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего ротмистр Скрыбин направил заведующему Сибирским телеграфным агентством уведомление. “Верховным Главнокомандующим, – говорилось в нем, – обращено внимание, что в периодических изданиях, появляются заметки и телеграммы, заключающие в себе сведения, предусмотренные «Перечнем сведений не подлежащих оглашению в печати путем почтово-телеграфных сношений»... Примером могут служить, напечатанные в газетах: приказ генерала Пуль и телеграмма о формировании русско-чешских частей”¹. Для того чтобы не допустить появления в прессе подобных сведений, начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант С.Н. Розанов приказал “передать телеграфным агентствам для неуклонного исполнения и обязательства представлять в Информационный отдел штаба Верховного Главнокомандующего все сведения, касающиеся военных действий и связанных с ними мероприятий и распоряжений властей, для предварительного просмотра”.

На следующий же день после военного переворота была введена предварительная цензура. Так, например, редактор красноярской газеты “Свободная Сибирь” получил телефонограмму следующего содержания: “По приказанию Верховного Главнокомандующего сего 19 числа вводится предварительная цензура всех газет. Уполномоченный по охране порядка и спокойствия приказал ежедневно представлять в штаб гарнизона первый оттиск газет. Без подписи начальника гарнизона или лиц, на то им уполномоченных, ни один номер газеты выйти не может”².

Введение предварительной, а затем и военной цензуры еще больше усилило государственный контроль за печатью. Теперь газеты зачастую выходили с белыми полосами на страницах, а некоторые периодические издания Сибири были закрыты (“Народная Сибирь” в Новониколаевске, “Алтайский луч” в Барнауле³, “Земское дело” в Красноярске и ряд других). В последнем случае поводом к закрытию газеты и возбуждению против редактора уголовного дела послужила статья “Как мы встречали английских гостей”, в которой начальник красноярского гарнизона усмотрел “тенденциозность сообщения и неправильное освещение событий, имеющее целью возбудить общественное мнение против военных властей вообще, а в частности против гг. офицеров и подорвать к властям доверие”⁴.

¹ ГА РФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 265. Л. 1.

² Свободная Сибирь (Красноярск). 1918. 20 (7) нояб.

³ См.: Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1965. С. 130.

⁴ Свободная Сибирь. 1918. 27 (14) нояб.

“Не желая стеснять печать в своевременном осведомлении населения”, адмирал Колчак приказом № 57 от 30 ноября 1918 г. отменил предварительную цензуру на всей территории, кроме театра военных действий. В то же время запрещалось распространение печатных материалов, “подрывающих авторитет Верховной Власти”, содержащих призывы к стачкам, вооруженным выступлениям, “злонамеренных слухов, касающихся русской армии, союзных и чехословацких войск”, а также сведений военного характера, отмеченных в специальном перечне.

“Перечень сведений, не подлежащих оглашению в печати”, был подписан начальником штаба Верховного главнокомандующего полковником Д.А. Лебедевым и представлял собой обширный список из 30 пунктов, который охватывал весь спектр военной информации, начиная от любых сообщений о составе, вооружении, дислокации, характере боевых действий, состоянии коммуникаций, начале мобилизации русских войск и заканчивая данными о “станциях беспроволочного телеграфа”, “потерпевших крушение в Российских берегах военных и коммерческих судов”, а также об аналогичных “сведениях, касающихся внешней безопасности союзных с Россией государств и их военно-сухопутной и морской обороны”¹.

В случае нарушений военно-цензурные учреждения, а в тех местах, где их не было, – начальники гарнизонов обязаны были привлекать “редакторов повременных изданий и авторов изданий неперiodических” к уголовной ответственности, конфисковывать тираж и через военно-цензурное отделение Информационного отдела “входить с представлением” к начальнику штаба Главковерха о закрытии печатного органа до судебного приговора.

Преследование за публикацию сведений, “дозволенных к печати”, запрещалось. О каждом факте конфискации тиража и судебного разбирательства следовало немедленно докладывать начальнику штаба Верховного главнокомандующего, обладавшего правом “брать под предварительную цензуру органы печати, о которых последует ходатайство местных военных властей”².

Для контроля за соблюдением приказа № 57 и в “целях упорядочения военной цензуры” при штабах фронтов, армий и военных округов учреждались военно-цензурные отделения, которые были обязаны регулярно (1-го и 15-го числа каждого месяца) отчитываться о проделанной работе. В районах, где отсутствовали военно-цензурные отделения, надзор за деятельностью печати возлагался на начальников гарнизонов.

¹ Русская армия. 1918. 7 дек.

² Там же. 6 дек.

Контроль телеграфных сообщений должны были осуществлять коменданты телеграфа и военные контролеры: в Омске при военно-цензурном отделении Информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего, а в пунктах трансляции (Новониколаевск, Ачинск, Иркутск, Чита, Маньчжурия, Харбин, Хабаровск, Благовещенск, Владивосток, Челябинск, Уфа, Екатеринбург, Тюмень) – при начальниках гарнизонов. Деятельность периферийных отделений направлялась военно-цензурным отделением Информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего, которое также являлось высшей инстанцией, разрешавшей жалобы на действия всех военно-цензурных установлений. Созданные постановлением Административного совета от 10 сентября 1918 г. военно-цензурные комиссии были ликвидированы. В задачу учрежденного тогда же военного почтового телеграфного контрольного бюро теперь входил просмотр только международной корреспонденции, о результатах которого следовало ежедневно докладывать в штаб Верховного главнокомандующего¹.

“Возникает вопрос, – язвительно комментировал эти ограничения и запреты редактор “Народной газеты” Д. Розенберг, – не лучше ли для печати оставаться при предварительной цензуре, чем быть под вечной угрозой то судебных преследований, то конфискации отдельных номеров, то закрытий навсегда издания. Это ведь лучше и для власти... чем “гнаться” не то за редактором, не то за подлежащими конфискации номерами, не то, наконец, входить с представлениями?”²

Тогда же создаются периферийные органы военной цензуры. Так, в Ново-Николаевске 6 декабря 1918 г. приказ начальника местного военного района за № 112 вменял прапорщику Пашкевичу организовать “военно-цензурный информационный” отдел в составе начальника отдела (прапорщик Пашкевич) и двух помощников (подполковник Салнис и мичман Луканин). Тот же Пашкевич назначался и комендантом почты и телеграфа, а его помощники – военными цензорами. В своей деятельности они должны были руководствоваться “Общим положением о военной цензуре”³.

На этом примере отчетливо видно, как военные власти пытались внедрять в сознание населения “государственные идеи”. Всем “войсковым частям, штабам, управлениям и заведениям военных ведомств”, расположенных в Новониколаевском военном районе, комендантам и начальникам гарнизонов, правительственным учреждениям, местным органам власти надлежало согласно приказанию № 5 в обязательном порядке выписывать газету “Военные ведомости”. В свою очередь, газета должна

¹ Русская армия. 1918. 6 дек.

² Народная газета. 1918. 11 дек. (28 нояб.).

³ Военные ведомости. 1918. 8 дек.

была обнародовать все официальные сообщения, исходившие от военных властей, которые редакция ежедневно получала из управления района. Другим печатным органам Ново-Николаевска подобная информация не выдавалась, и они были “обязаны перепечатывать все приказы Верховного правителя, а также все обязательные постановления и распоряжения, касающиеся внутреннего порядка и жизни военного района”.

В обязанности “военно-цензурно-информационного” отделения входило наблюдение за исполнением данного приказа и, кроме этого, готовить к печати ежедневные специальные бюллетени, содержавшие данные о лицах: “а) расстрелянных по приговору военно-полевого суда; б) приговоренных к другим наказаниям по суду и в) заключенных под стражу или оштрафованных в административном порядке с кратким указанием совершенного преступления и размера наказания или штрафа”¹.

Мелочному контролю со стороны военных властей иногда подвергалось и Российское телеграфное агентство. Так, 30 декабря 1918 г. начальник военно-цензурного отделения информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего направил управляющему РТА отношение, в котором обращалось внимание на то, что в телеграммах агентства при упоминании Верховного правителя иногда не прибавляется к фамилии чин адмирала. Управляющему предписывалось сделать распоряжение о недопустимости этого пропуска².

Также весьма непросто складывались отношения военных с периодической печатью, даже придерживающейся официального курса. Так, председатель Совета министров П.В. Вологодский приводит в своем дневнике весьма характерный случай. “Комендант города, бывший нотариус из Омска, Катаев, – записал он 4 февраля 1919 г., – арестовал редактора газеты «Заря», в общем доброжелательной Правительству, В.Е. Парунина. На мой запрос по телефону к коменданту, какими законоположениями и постановлениями он руководствовался, арестовывая непосредственно по своей инициативе редактора газеты, Катаев довольно раздраженным тоном мне ответил, что он никакими законоположениями или постановлениями Правительства не руководствовался, а действовал исключительно по побуждениям честного русского офицера, любящего свою родину и в интересах родины, т.к. «Заря» поместила оскорбительную для офицерства заметку об убийствах и расстрелах якобы в восстании 22 дек[абря] невинных людей. Я ему заметил, что ни правила 18 июля 1918 г., ни приказ Верховного Правителя за № 57 не дают ему такого права. Из ответа коменданта я понял, что он ни указанных правил, ни приказа вовсе не знает, но он категорически отказался

¹ Военные ведомости. 1918. 10 дек.

² ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 265. Л. 4.

отменить свое распоряжение, указав, что на такое свое распоряжение он получил санкцию от помощника командарма Матковского. Вечером я доложил об этом Верх[овному] Правителю и он через Министерство юст[иции] распорядился немедленно Парунина освободить”¹.

С приходом к власти адмирала А.В. Колчака активизировалась, прежде всего, военная пропаганда. Возросло число военных периодических изданий. К выходявшей в Челябинске с конца сентября 1918 г. газете “Сибирский стрелок” добавились “Русская армия” (официальный орган Информационного отдела штаба Верховного главнокомандующего) и “Военные ведомости” (издатель – полковник А.П. Степанов, начальник 6-й Казанской дивизии и Новониколаевского военного района).

Правда, военные часто не понимали, да и не хотели понять специфики газетного дела. В своих воспоминаниях В.Н. Иванов приводит интересный эпизод, относящийся к тому времени, когда он работал в редакции армейской газеты “Сибирские стрелки”. “На собрании штаба, – писал Иванов, – генерал Пепеляев взялся за газету – он требовал поднажать на патриотичность, а тут, как-то развернув газету, генерал вдруг увидел торговые и бытовые объявления и закричал:

– Какая же это, к черту, военная фронтовая газета? Смотрите объявление: коза продается! Коза в военной газете... Черт знает что такое! Где Иванов?!

– Ваше превосходительство! – отвечал я. – Коза это не коза, а объявление! Деньги! Это тираж! Это спокойное дело! Нельзя жить одними красивыми словами.

Генерал фыркнул, бросил газету”².

В конце 1918 г. редакция “Русской армии” подготовила доклад, в котором “правильная” постановка информации населения и войск называлась “мощным и необходимым орудием власти”. “Для уяснения массами здоровых государственных идей, – подчеркивалось в докладе, – надо психику и мозг обывателей держать под непрерывным желаемым для нас давлением”³.

В конце 1918 – начале 1919 г. постоянно ощущался недостаток агитационной литературы. Связано это было с недостатками как издания, так и распространения различных пропагандистских материалов (газет, брошюр и листовок), в частности отсутствовала непрерывная связь с войсковыми частями. Об этом свидетельствует объявление, неодно-

¹ Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925 гг.). Рязань, 2006. С. 141.

² Иванов В.Н. Императрица Фике. Дочь маршала: Ист. повести. М., 1992. С. 386–387.

³ Цит. по кн.: Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1965. С. 129.

кратно появлявшееся на первой странице “Русской армии”, которое призывало всех офицеров и чиновников, отправляющихся на фронт, заходить в отдел для получения информации¹.

Одной из важнейших проблем в деле распространения информации стало отсутствие бумаги. Так, 24 декабря 1918 г. в адрес РТА из Барнаула была направлена телеграмма, в которой говорилось о том, что из-за отсутствия бумаги выход газет приостановлен, в связи с чем посылку агентских телеграмм просили приостановить².

Недостаток собственных литераторов заставлял обращаться к “общественности”. Так, в начале декабря Информационный отдел штаба Верховного главнокомандующего объявил конкурс написание брошюр, составленных “по общедоступной, популярной форме, для распространения среди крестьян и солдат”³. Все это ставило работу отдела в определенную зависимость от внешних обстоятельств.

В то же время сотрудники центрального пропагандистского органа колчаковской армии стремились наладить эффективную осведомительную работу среди населения, установить контакты с различными социальными группами и, прежде всего, с крестьянством. Так, 23 ноября 1918 г. офицеры культурно-просветительного отделения присутствовали на заседании съезда крестьян Омского уезда, где “ознакомили крестьян с настоящим военным и политическим положением возрождающейся России, союзников, германской коалиции и России советской”. По сообщению газеты “Русская Армия”, “информация произвела на присутствующих крестьян сильное впечатление; они задавали оживленные вопросы и наградили лекторов аплодисментами”⁴. Начальник Информационного отдела капитан Киселев обратился к съезду с призывом поддерживать “живую связь” с отделом. В условиях, когда подавляющее большинство населения Сибири составляло крестьянство, традиционно выступавшее основным источником формирования рядового и унтер-офицерского состава русской армии, это был верный тактический ход. Однако дальнейшие события показали единичность подобных акций, а “живая связь” так и осталась лишь в воображении колчаковских пропагандистов.

4 декабря 1918 г. в Омске состоялось совещание по вопросам “культурно-просветительной работы в армии, а также широкой информации фронта и тыла”⁵. В его работе приняли участие руководители колчаковского аппарата пропаганды (начальник Информационного от-

¹ Русская армия. 1918. 29 нояб.

² ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 38. Л. 5.

³ Русская армия. 1918. 3 дек.

⁴ Там же. 26 нояб.

⁵ Военные ведомости. 1918. 10 дек.

дела штаба Верховного главнокомандующего, капитан Киселев, заведующий информационным бюро МВД Охотин), редакторы официальных изданий (журнала “Иртыш” – генерал Г.Е. Катанаев, “Русская армия” – ротмистр Скрябин, “Правительственного вестника” – В.А. Кудрявцев, “Военных ведомостей” – Григорьев), начальник Академии Генерального штаба, генерал-майор А.И. Андогский, генерал-квартирмейстер ставки, полковник А.Д. Сыромятников, директор департамента милиции МВД В.Н. Пепеляев, лидер омских кадетов В.А. Жардецкий и другие. Председательствовал на этом совещании министр финансов И.А. Михайлов. По сообщению прессы, были “прочитаны доклады о положении информационного дела в армии и о дальнейшей культурно-просветительской работе”. В частности редактор “Военных ведомостей” Григорьев сообщил собравшимся “о постановке газетного дела в армии, о школах в ротах и о культурных развлечениях”.

На совещании вскрылся ряд слабых моментов в деятельности идеологических органов сибирской контрреволюции. К их числу относились “типографский и бумажный кризис”, на который указал И.А. Михайлов, а также слабая поддержка пропагандистских усилий правительства со стороны общественности. По поводу прошедшего совещания газета “Военные ведомости” писала: “Необходимо мобилизовать все силы, стоящие на государственной точке зрения для оказания помощи армии, которая блуждает в пучине слухов и осаждается агитаторами различных толков и партий”¹.

Распространением в прифронтовой полосе агитационной литературы занимались периферийные органы военной пропаганды. Информационное отделение штаба Сибирской армии, например, рассылало в войска действующей армии газеты и другую имевшуюся в его распоряжении печатную продукцию начиная с 17 января 1919 г. С февраля отделение выпускало собственный краткий информационный бюллетень, листовки, прокламации и воззвания, которые специальными курьерами доставлялись на фронт.

Однако в этой сфере армейские пропагандисты столкнулись с целым рядом трудностей: отсутствие собственной газеты, недостаток информации о ситуации в стране и пропагандистских материалов ориентированных на солдатскую массу. Когда в конце февраля 1919 г. штаб Сибирской армии посетил помощник управляющего Отделом печати Г.А. Вяткин и сообщил, что Управление делами СМ решило обратить особое внимание на правильную и систематическую информацию фронта, генерал-майор Б.П. Богословский² заявил: “Весьма рад слышать об этом. Это крайне важно и крайне нужно. Весь армейский техниче-

¹ Военные ведомости. 1918. 10 дек.

² Б.П. Богословский – начальник штаба Сибирской армии.

ский аппарат, имеющийся в моем распоряжении, готов к Вашим услугам. Армии одинаково желателен и чисто информационный материал, и агитационный (брошюры, листовки), и просто литературный, чтобы занять солдатский досуг. Большевики засыпают свой фронт всевозможной литературой – нам крайне необходимо противопоставить им **наше** печатное слово. В первую очередь я просил бы прислать в штаб армии агентские телеграммы – мы будем тотчас же рассылать их в корпуса и дивизии, до передовых линий включительно”¹.

Он порекомендовал Г.А. Вяткину обратиться к начальнику информационного отдела штаба Сибирской армии капитану Н.С. Калашникову, который передал ему свой доклад об организации агитации на фронте. По мнению Н.С. Калашникова, наиболее необходимыми являлись следующие мероприятия:

“1) урегулирование доставки газет и книг на фронт. В настоящее время приезжающие с фронта постоянно жалуются на весьма неаккуратную доставку газет и писем. Необходимо, чтобы каждая дивизия не менее двух раз в неделю посылала в штаб армии курьера, который бы и доставлял газеты. Каждая часть, в свою очередь, должна посылать два раза в неделю курьеров в штаб дивизии за привезенной литературой. Эти курьеры могли бы взять на себя и доставку пакетов и писем, на получение которых так сетуют на фронте.

2) необходима отправка в части войск не только газет, но и книг, так как газеты одни не могут служить достаточной духовной пищей.

3) помимо издания воззваний необходимо издавать собственную газету, сначала хотя бы 2–3 раза в неделю, так как получаемых информационным отделом (около 1000 экземпляров ежедневно) далеко недостаточно даже для армии, а, между тем, для противодействия большевистской пропаганде необходимо снабжать ими и прифронтовое население. В газете нужно прежде всего поставить информационную часть, потом можно будет прибавить официальную часть, статьи по отдельным вопросам, беллетристику, справочный отдел. Газета эта, как рассчитанная на широкое распространение, должна быть очень популярной по изложению, направление ее должно быть строго государственным”².

С марта 1919 г. отдел начал издавать газету “Голос Сибирской армии”. Помимо обеспечения фронтовых частей собственными пропагандистскими материалами распространялись такие издания, как “Отечественные ведомости”, “Горный край”, “Наш Урал”, “Родина”, “Русский воин”, “Русская армия”, “Заря”, “Наша заря”, “Правительственный вестник”, “Свободный край”, “Енисейский вестник”, “Вперед”, “Отече-

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 502. Л. 2 об.

² Там же. Л. 4–6.

ство”, “Военные ведомости” и “Возрождающаяся армия”. Приведем некоторые цифры, характеризующие деятельность этого органа белой пропаганды. В январе 1919 г. отделение разослало 2 729 номеров газет; в феврале – 90 информационных бюллетеней, 118 воззваний и 24 373 номера газет; в марте – 180 бюллетеней, 85 080 воззваний (из них 68 750 собственного издания) и 58 119 экземпляров газет (17 400 из которых – “Голос Сибирской армии”); в апреле поток печатной продукции на фронт резко возросло – 164 200 воззваний (84 000 – собственных) и 141 665 газет и журналов (94 100 – собственных). Таким образом, за четыре с половиной месяца 1919 г. (с 17 января по 1 мая) на фронт было отправлено 477 696 экземпляров различных агитационных материалов, включая 270 информационных бюллетеней, 250 460 воззваний и 226 966 номеров газет, из которых 264 520 экземпляров (то есть более половины) составили собственные издания¹.

В апреле 1919 г. “в целях упорядочения почтово-экспедиционной части” начальник штаба Сибирской армии генерал Б.П. Богословский распорядился назначить в штабах корпусов, дивизий и полков специальных офицеров – заведующих экспедицией с двумя помощниками из числа солдат. В обязанности заведующего входило своевременно направлять курьеров в вышестоящие штабы, равномерно распределять по воинским частям полученные агитационные материалы и корреспонденцию, а также регулярно, раз в две недели, докладывать о получении газет в соответствующие инстанции².

Как и центральные, периферийные органы военной пропаганды в этот период также находились в стадии формирования и не могли выполнять в полном объеме возложенные на них задачи. В обстановке же временных боевых успехов командный состав колчаковских войск не осознавал значения “психологической войны” и не стремился к усилению военной пропаганды, как это было характерно для Красной армии. Примечательно такое сравнение. Если за январь–февраль 1919 г. пропагандисты Сибирской армии направили в войска всего 208 бюллетеней и воззваний и 27000 экземпляров газет, то политотделы противостоящих ей 2-й и 3-й Красных армий за указанный период распространили 868 202 номера газет (493 902 – во 2-й армии и 374 300 – в 3-й), 64 640 экземпляров брошюр и журналов (по 34 930 и 29 710 соответственно) и 249775 воззваний и листовок (107 975 и 141 800 соответственно)³.

¹ Голос Сибирской армии (Екатеринбург). 1919. 4 мая.

² Голос Сибирской армии. 1919. 11 апр.

³ Партийно-политическая работа в Красной армии (апрель 1918 – февраль 1919 г.): Документы. М., 1961. С. 231.

Таким образом, общий объем информационно-агитационных изданий, распространенный в частях Красной армии, более чем в 43 раза превосходил количество печатной продукции, направленной за тот же период в колчаковские войска. Это сравнение далеко не в пользу белой пропаганды. Даже если ее положение впоследствии и улучшилось, то не столь значительно. Если сопоставить совокупный объем агитационной литературы, распространенной колчаковскими пропагандистами за четыре с половиной месяца 1919 г., то он почти в 2,5 раза уступал аналогичному показателю у красных только за январь-февраль. Даже в конце лета 1919 г., когда военно-пропагандистская машина белых набрала достаточные обороты, сибирские газеты неоднократно констатировали, что “мощному потоку свободных и энергичных слов” большевистской агитации осведомительные органы Колчака могли противопоставить лишь “маленький, еле журчащий ручеек”¹.

Следует подчеркнуть, что военный переворот 18 ноября 1918 г. внес существенные коррективы и в тональность официальной пропаганды. Приоритетной стала тема неизбежности и необходимости сильной власти, а также связываемые с ней надежды на восстановление российской государственности. Так, газета “Русская армия” с удовлетворением констатировала, что “вопрос о возрождении России, можно сказать, перешел из стадии разговоров в стадию реализации”.

В то же время отмечалось, что создание в Омске “крепкой” всероссийской власти и “доблестной” армии – это лишь внешние признаки государственности, и их “недостаточно, чтобы говорить о полном и действительном возрождении нашей истерзанной Родины”. Для этого, по мнению идеологов правого крыла контрреволюции, нужно самое главное – вернуть народу “подлинный его дух, которым он породился и каким живился на протяжении своего исторического существования”². Кризисные явления, обусловленные Первой мировой войной и “двухгодичным пребыванием государства в состоянии перманентной революции”³, считали они, породили в массовом сознании упаднические настроения и апатию. Следствием этого явилось, по словам начальника департамента милиции МВД, известного кадетского деятеля В.Н. Пепеляева, “повальное падение чувства долга”⁴. А некто под псевдонимом Ямбо-Джей, сравнивая государственный механизм с гигантской машиной, с сожалением писал: “Вяло, неуклюже тянется... общественная жизнь и работа. Отрывками, клочками выполняется она при помощи

¹ Сибирская речь (Омск). 1919. 26 (13) авг.

² Русская армия. 1919. 25 февр.

³ Там же. 26 янв.

⁴ Там же.

наскоро приспособленных, ручных, малоподвижных и малопроизводительных двигателей. Нет тока. Нет энергии”¹. Что же касается анализа деморализующих факторов, то большинство публицистов официального направления, подобно Евгению Баранову из “Русской армии”, склонялись к тому, что “главнейшей причиной разложения нашей армии явилось отсутствие в ней национального самосознания и патриотизма”².

Кризис патриотизма идеологи белого движения объясняли, в свою очередь, непросвещенностью и культурной отсталостью русского народа. “Отсутствие правильно поставленной государственной школы, – подчеркивалось в одной из статей, – сыграло главную роль в революционном распаде нашего государства. Хамский анархизм и звериное понимание социализма есть следствие темноты нашего народа”³.

Положение не казалось безнадежным, поскольку, как писала газета “Русская армия”, “у русского солдата любовь к своей родине не атрофировалась окончательно, а только была подавлена, сначала неправильным воспитанием последних лет, а потом пропагандой идей большевизма, которыми одурманили ум простого человека, рисуя ему несбыточную фата моргану социалистического рая”⁴.

Пропаганда могла стать средством, с помощью которого можно было придать видимость легитимности колчаковскому режиму. Однако деятели правого крыла антибольшевистского движения были уверены в том, что русский народ на практике столкнулся с “ужасами большевизма” и уже осознал коммунистическую угрозу. Евгений Баранов по этому поводу писал: “Первейшей задачей воспитания истинно национальной армии будет отрезвление ее от большевистского тумана и возвращение к реальной действительности. Это уже сделано, почти наполовину, когда, возвратившись на родину, солдаты, в родной обстановке, очнулись от гипноза, навеянного демагогами, и увидели весь ужас воцарившегося беспорядка, беззакония и анархии. Крестьянин понял, что без водворения порядка в стране его труд, его хозяйство и весь домашний быт ничем не обеспечены”⁵.

Таким образом, считалось, что разрушительная деятельность большевиков – лучшая наглядная агитация в пользу белого движения и специального пропагандистского воздействия не требуется. Кроме того, значительная часть военных считала пропаганду, с одной стороны, чем-

¹ Русская армия. 1919. 28 янв.

² Там же. 25 февр.

³ Там же. 26 янв.

⁴ Там же. 25 февр.

⁵ Там же.

то непременно связанным с “политикой”¹, а с другой – чем-то присущим исключительно их непримиримым противникам – большевикам и немцам. И в том, и в другом случае пропаганда ассоциировалась с деятельностью, направленной на разрушение российской государственности, поэтому сами понятия “агитация” и “пропаганда” в глазах офицеров приобретали негативное значение.

Однако режиму Колчака необходима была эффективная система мер противодействия большевистской агитации и пропаганде, деморализующая роль которых неоднократно признавалась в белой прессе. Военно-политическое руководство Сибири видело решение данных вопросов, своего рода панацею, в организации “культурно-просветительной работы”. В конце ноября – декабре 1918 г. в газетах “Русская армия” и “Военные ведомости” – официальных военных органах печати появляется серия статей, поднимающих эту проблему².

На основе названных и более поздних (январь–февраль 1919 г.) публикаций, можно попытаться реконструировать общие представления белых о культурно-просветительной работе в вооруженных силах, которыми они и руководствовались в своей практической деятельности.

“В работу по созданию армии, – писала в декабре 1918 г. “Русская армия”, – краеугольным камнем входит вопрос морального воспитания воина, как гражданина, так и солдата. Здоровые начала патриотизма, рыцарского самопожертвования и благородства должны составлять основу всей воинской психологии, которая и явится реальным стимулом в борьбе за воссоздание России”³. Аналогичную мысль высказал А. Саянский на страницах “Военных ведомостей”. “Чтобы спасти страну от этой гнилой, разлагающей язвы большевизма, – отмечал он, – мы в настоящее время, создавая новую, великую русскую армию, должны помнить, что только армия сознательных борцов может быть могуча, сильна и боеспособна”⁴.

В условиях низкого образовательного уровня подавляющей части населения Сибири, особенно крестьян, приоритет был отдан воспитательной работе, а преодоление кризисного состояния российского об-

¹ Так, находясь в эмиграции, А. Ефимов в статье “Памяти Колчака” писал: “Он [Колчак] был человеком исключительно военного склада, честный и не умевший кривить душой. Ему была чужда «политика» с ее обманом, ложными обещаниями, интригами, предательствами”. Тем самым в армейских кругах создавалась своеобразная антитеза: “военный” – “политик”.

² Спасайте родину // Русская армия. 1918. 29 нояб.; Армия и политика // Военные ведомости. 1918. 7 дек.; Культурно-просветительная деятельность в армии // Русская армия. 1918. 13 дек.; К текущей работе // Там же. 1918. 22 дек.; Культурно-просветительная деятельность в армии // Военные ведомости. 1918. 21 дек.

³ Русская армия. 1918. 22 дек.

⁴ Военные ведомости. 1918. 7 дек.

щества виделось, прежде всего, в “правильном пути широкого народного просвещения”. “Сейчас требует просвещения и ищет знания тот, кто призван воссоздать Россию, кто призван делать новую жизнь: сейчас требует просвещения крестьянин-солдат”, – писал К. Маркович на страницах “Русской армии”¹. В то же время, по мнению идеологов сибирской контрреволюции, воспитательные меры были применимы лишь к “темной некультурной народной массе”. Борьба же с “повальным падением чувства долга” у всех остальных классов общества, именуемых “интеллигентными”, – с точки зрения автора заметки “Горькая правда”, скрывавшегося под инициалами “С. Л.”, – не может вестись иначе, как в форме общего принудительного управления”².

Таким образом, вырисовывался контур некоторой программы, сочетавшей “беспощадное подавление злого умысла и преступности” с “просвещением масс”.

Военная периодическая печать того времени постоянно, в том или ином аспекте, возвращалась к теме “возрождения” вооруженных сил, уделяя пристальное внимание моральному состоянию войск. Большинство авторов, неоднократно подчеркивая, “насколько духовная мощь народа и его армии выше механической силы техники”³, сходились во мнении, что для успешной организации “молодой” армии важны не столько вооружение и дисциплина, сколько необходимость “воскресить ее живую душу”. “Вооружение и техника, – подчеркивалось на страницах “Русской армии”, – сыграли видную роль в только что закончившейся борьбе народов, но не они только решали исход боя; самое совершенное оружие и наилучшая техника, в руках более слабых духом войск, не будут использованы в полной мере. Сознание интересов, за которые борется армия, и стоящая на должной высоте дисциплина всегда будут иметь первенствующее значение”⁴.

В военно-политических кругах сибирской контрреволюции шел поиск источника “нравственной силы”, благодаря которому колчаковская армия смогла бы обрести присущую русским войскам силу и непобедимость. Одним, подобно капитану Колесникову, он выделялся в исторической традиции русских воинских частей. По его мнению, это “та боевая спайка, то боевое сродство частей, которое сплетает в одно целое роты полка”⁵. Другие связывали его с возвращением к военной морали, основанной на рыцарских традициях, понятиях чести и долга. “Наши

¹ Русская армия. 1919. 11 февр.

² Там же. 26 янв.

³ Там же. 23 февр.

⁴ Там же. 1918. 18 дек.

⁵ Военные ведомости. 1918. 7 дек.

деды и пращурь, которые неизменно стояли на страже русской государственности, – напоминала “Русская армия”, – были рыцарями. Беззаветно и с радостью шли они умирать за величие и счастье России”¹. Третьи указывали на присутствие особой иррациональной “души армии”. “У всякого народа, – писал военный публицист Е. Баранов, – бывали свои великие полководцы, и народы хранят память о них, наделяя их в своих устных преданиях и легендах, теми качествами, какие присущи в народном представлении героической личности... Все эти легенды, воинские традиции и боевые реликвии воспитывают дух армии; я сказал бы даже ее коллективную душу, без которой армия мертва, ибо в ней нет тех стимулов, которые двигают массами и побуждают отдельных людей, с более экспансивной натурой, на подвиги героизма и самоотвержения”². В то же время неперенным условием победы он считал единство фронта и тыла, вооруженных сил и народа. “Душа армии есть вместе с тем душа ее народа, ибо армия вообще, а русская в особенности, есть плоть от плоти и кость от кости своего народа. Суворовский «христоролюбивый» воин есть вместе с тем идеал народного воина; в этом секрет непобедимости суворовской армии”³.

В тех условиях было крайне важно, чтобы офицерский корпус мог не только командовать своими подчиненными, но и формировать их мировоззренческие установки, вести, выражаясь словами большевиков, политико-воспитательную работу. Однако в реальности создавалась удивительно двусмысленная ситуация. С одной стороны, в прессе, обслуживающей армию, признавалось, что революция “застала офицерство в полной политической отсталости, и последнее обстоятельство было на руку измене и демагогии”. Поэтому многие из авторов публикаций настаивали на повышении уровня осведомленности командного состава в данных вопросах, умении самим разбираться в политической ситуации и разъяснять ее солдатам. “Учитывая период революционных движений, которые, бесспорно могут еще долго волновать весь мир, – убеждала “Русская армия”, – необходимо развить в будущем офицерстве здоровые и прикладные идеи государственности, дав его пониманию весь возможный материал как социального реализма, так и его утопий”⁴. В то же время незыблемым принципом по-прежнему оставался – “армия вне политики”, поэтому политико-просветительская работа в прямом смысле этого слова была невозможна. Повышение “культурного уровня” офицеров отдавалось на откуп старшим начальникам и не могло

¹ Русская армия. 1918. 26 нояб.

² Там же. 1919. 23 февр.

³ Там же.

⁴ Там же.. 1918. 22 дек.

быть эффективным. Преднамеренно исключив из сферы политической пропаганды офицерский корпус, военные лидеры контрреволюции объективно сыграли на руку своему противнику. Политизация армии в условиях гражданской войны была неизбежна, и искусственно затормозить этот процесс колчаковским пропагандистам не удалось. Демобилизуя военную сферу, они создали дефицит информации, восполнить который в итоге не смогли. В ситуации, когда офицерство, в силу своей “аполитичности”, и осведомительных аппарат, по причине неэффективности, не смогли удовлетворить потребность армии и населения в политической информации, эту лакуну заполнили большевистские агитаторы.

Другим направлением “духовного возрождения” колчаковской армии, которое пользовалось наибольшим вниманием прессы, являлась культурно-воспитательная работа среди рядового состава вооруженных сил. “Если солдат «Красной армии» сознательно понимает большевистские идеи классовой борьбы, если он сознательно за них умирает, – патетически восклицал А. Саянский, – то разве солдат нашей новой русской армии не может сознательно понять идеи борьбы за возрождение родины, за освобождение ее от ига большевизма, от ига иноземного завоевателя, за свободу, величие и независимость России; разве он не может сознательно умереть за эти идеи?” И сам же себе отвечал: “Конечно, может”¹.

Другие авторы были настроены более прагматично. “Воспитание солдатской массы при наших российских специфических условиях безграмотности и невежества, – говорилось в одной из статей на страницах “Русской армии”, – дело более трудное. Армия по-прежнему является пока единственной народной школой. С наивысшей интенсивностью необходимо обратить внимание офицерскому корпусу на развитие среди солдат грамотности и чтения”². Приблизительно в таком направлении развивалась мысль и большинства других публикаций.

Предполагалось, что образовательный и воспитательный процесс будет охватывать как крестьян, одетых в военную форму, так и деревенских жителей. “Вопрос скорейшего просвещения армии – вопрос не только сохранения армии, но и вопрос воссоздания и сохранения страны”, – подчеркивал К. Маркович. “Грамотный солдат, вернувшись домой, может быть проводником и распространителем просвещения в деревне, которая по-прежнему окутана тьмою невежества. Только грамотный солдат будет защищать настоящую свободу, так как *только в пламени просвещения выковывается истинная свобода* (выделено в тексте – Авт.)”³.

¹ Военные ведомости. 1918. 7 дек.

² Русская армия. 1918. 22 дек.

³ Там же. 1919. 11 февр.

С другой стороны, периодические издания настаивали на необходимости целенаправленной культурно-просветительской работы в деревне. “Я полагаю, – писал автор статьи под выразительным заголовком “Спасайте родину”, – что не только надо вести по пути просвещения наших бойцов за край родной, но все крестьянство, откуда пополняется, главным образом, наша Армия. Мне думается, что для этой цели необходимо покрыть города, села, деревни, станицы культурно-просветительными обществами”¹.

Главные задачи правительственных гражданских и военных учреждений в культурно-просветительской области выразил тот же А. Саянский: “Нужно влить новую силу в солдатские ряды нашей армии, как вливают ее большевики в свою «красную армию». Имея это в виду, мы должны стремиться в настоящее время к тому, чтобы наш солдат не только сознательно был воспитан, но и твердо верил в то, что победа над большевизмом принесет народу больше материальных благ и культурных ценностей, чем классовая борьба большевиков, ведущая страну к нищете, развалу, духовному и умственному разложению”².

Акцент в культурно-просветительной деятельности был сделан на ее дидактической направленности. В основу концепции антибольшевистской военной пропаганды изначально закладывалась идея: не противодействовать большевикам адекватными, тождественными их агитации мерами, и, тем самым, не уподобляться им, не стать их аналогом, а просвещать население до уровня неприятия им коммунистической идеологии.

В первую очередь неоднократно подчеркивался ее “вне”- и ”аполитичный” характер. “Когда говорится о культурно-просветительской работе в армии, – писала газета “Русская армия”, – то воображению нашего рядового обывателя, взволнованного всеми политическими землетрясениями, эта работа рисуется протекающей в области политической. А, между тем, эта деятельность, глубоко затрагивающая духовные запросы народные, совершенно аполитична”³. Та же мысль прослеживается в подавляющем большинстве материалов прессы официального направления. Особняком в этом ряду стоит опубликованная в “Военных ведомостях” статья А. Саянского “Армия и политика”. Признавая, что “политика для армии, ее единства и силы опасна”, и события русской революции тому свидетельство, автор тем не менее пишет: “Армия только тогда может быть вне политики, когда последняя ведется гражданским населением. И в тех странах, где это явление приобрело право господства, – там армия выполняет только выпавшие на ее долю почетные и ответственные задачи страны. Но наша отсталость гражданского насе-

¹ Русская армия. 1918. 29 нояб.

² Военные ведомости. 1918. 7 дек.

³ Русская армия. 1918. 13 дек.

ления в политической жизни не только открыла эру господства отдельных групп, но и дала возможность большевизму окрепнуть временно настолько, что он пустил... глубокие корни в народную душу”¹.

Из вышеприведенного высказывания сам собой напрашивается вывод о том, что в условиях гражданской войны вооруженные силы не могут находиться вне политического контекста. Идея эта, однако, в тексте не обозначена, она имплицитна. Тем не менее в ее пользу свидетельствует и то, в каких тонах автор описывает политическую пропаганду своего “противника”: “Несмотря на внутреннее недовольство большевистскими порядками, развал и множество недочетов в деятельности советской власти, все же не помешало большевикам одержать ряд побед. Причина этих побед заключалась не в превосходстве вооружения и обмундирования большевистских солдат, как многие об этом думали, а исключительно в том, что в каждом большевистском полку и дивизии имеются специальные политические агитаторы, которые, обещая солдатам золотые горы, все время бьют их по нервам своей политикой, настойчиво внушая идеи беспощадной классовой борьбы. Создавая новую русскую армию, мы эту большевистскую политику должны иметь в виду”².

В другой статье тот же А. Саянский еще раз заострил внимание на необходимости “прекрасно поставить агитационный аппарат, которому большевики уделяют столько внимания, сколько не уделяла еще ни одна армия в мире”. “Имея кадры агитаторов и выпуская прокламации к населению, – писал он, – мы не только должны разбить по всем швам большевистскую агитацию, но и вырвать из народной души все ее «социалистические корни»”³.

Целесообразность культурно-воспитательных мер, видимо, ощущали и сами военные. Так, начальник красноярского гарнизона полковник М.И. Федорович в день ноябрьского переворота издал специальный приказ. В нем говорилось: “В момент создания новой Армии, опираясь на вековой опыт всех стран, необходимо в основу этого созидания заложить твердый фундамент железной дисциплины. Но средств и способов прежних сейчас недостаточно. Помимо полевых судов и страха наказания, необходим во всем личный пример руководителей, а, затем, в

¹ Военные ведомости. 1918. 7 дек.

² Там же. 7 дек.

³ Там же. 26 нояб. Характерно, что А. Саянский одним из первых представителей белого движения, открыто признал наличие в коммунистической пропаганде позитивного опыта. Однако к выводам автора “творцы” антибольшевистской пропаганды в Сибири не прислушались. Да и сам автор предлагал довольно тривиальные пути их реализации: “Если для деревни требуется мобилизация всей нашей интеллигенции, – утверждал А. Саянский, – то для русской армии требуется тем более мобилизация всего офицерского состава” (См.: Там же. 7 дек.).

первую голову нужно поставить меры культурного воздействия – духовное развитие солдата... Для того, чтобы оживить душу солдата и заставить его полюбить родину, нужно познакомить его с ней. Как это сделать? Нужно познакомить его путем кратких, самых популярных, вполне доступных его пониманию бесед с историей России, географией, этнографией и родной литературой; необходимо передать ему элементарно – научные познания, столь нужные ему в его хозяйственной обиходной жизни. Я убежден, что среди офицеров гарнизона найдутся люди с высшим и достаточным средним образованием, способные в краткой, но яркой и образной речи передать ему все эти несложные знания и таким путем пробудить его ум, оживить душу и заронить искру любви к своей родине. Мы видели, к чему привела темнота народа, нельзя терять ни минуты; офицеры должны вести к свету своего младшего брата – солдата возрождающейся русской армии и вновь ее сделать по старому могучей и непобедимой, угрозой врагов и оплотом союзников”¹. Этот полковник, решивший в принудительном порядке повысить образовательный уровень своих подчиненных, обязал офицеров гарнизона проводить не менее 1–2 раз в месяц беседы с солдатами, сопровождая их “туманными картинками”. Он также пытался привлечь к этой работе культурно-просветительные организации Красноярска (географическое общество, народный университет и т.д.).

Каким же образом виделась идеологам восточной контрреволюции организация “культурно-просветительная работа” в армии в тот период, что вкладывалось в данное понятие? Уровень общих представлений о ней, на наш взгляд, можно получить, анализируя сообщения периодической печати. “Излишне говорить, – указывала, к примеру, “Русская армия”, – какое значение в условиях переживаемого нами момента приобретает культурно-просветительная работа в армии. С одной стороны – враг засыпает фронт всевозможными красными газетами, листовками и брошюрами, имея целью внести разложение в наши ряды. С другой – солдату необходимы разумные развлечения, так как его жизнь не может ограничиваться одной казармой. Поднять умственный и культурный облик солдата и в то же время разумно заполнить его досуг – вот цель, которая должна быть поставлена в основание культурно-просветительной работы в армии”².

Таким образом, культурно-просветительная работа представлялась как проведение мероприятий образовательного и воспитательного, а также контрпропагандистского характера. Несколько иной смысл в понятия вкладывали новониколаевские “Военные ведомости”: “Насажде-

¹ Свободная Сибирь. 1918. 21 (8) нояб.

² Русская армия. 1919. 3 июня.

ние в войсках очагов культурных знаний, школ грамотности, учреждение курсов по прикладным знаниям, учреждение опытных полей и показательных станций по всем отраслям домашнего и сельского хозяйства, снабжение отдельных культурных ячеек всеми материалами и наглядными пособиями для усвоения начальных знаний, – подчеркивалось в этой газете, – вот частности программы культурно-просветительской работы, намеченной в армии. Досуг казармы, условия жизни собранных в ней молодых народных сил – являют широкие перспективы для систематического и планомерного осуществления такой программы и лучшей аудитории из молодых народных сил не заставляют и желать”¹. Это определение по тому значению, которое ему придавалось в контексте идеологической доктрины восточной контрреволюции, аналогично понятию “политико-просветительная работа” коммунистического лексикона, естественно, с поправкой на разницу в понимании “просвещения” красными и белыми. Обобщая же оба приведенных выше определения, укажем, что под “культурно-просветительской работой в армии” подразумевался широкий спектр образовательных, культурно-воспитательных, пропагандистских мер, нацеленных на фиксацию и идеологическое воспроизводство существовавших на тот период властных отношений. Однако следует учесть и то обстоятельство, что на практике данное понятие наделялось иным, нежели это декларировалось, смыслом.

Гарнизонные отделения внешкольного образования были заняты “заполнением досуга” солдат, под которыми понималась, главным образом, организация различных развлекательных мероприятий – всевозможных представлений, просмотров игровых кинокартин, концертов и спектаклей. Зачастую при этом содержательная сторона в расчет не принималась. Сотрудники этих учреждений были почему-то уверены, что любое из проводимых ими мероприятий производило на “неграмотную и малокультурную солдатскую массу” благотворное влияние, хотя многие из поставленных пьес были пусты и бессодержательны и поэтому не могли оказать положительного воспитательного воздействия.

В то же время отсутствие четкого плана работы и чрезвычайное увлечение развлекательной стороной в ущерб дидактичности не оставались незамеченными прессой, вызывая подчас нелестные отзывы. Так, Н. Киселев резко критикуя в корне порочную, на его взгляд, организацию культурно-просветительной работы, писал в “Сибирской речи”: “Внутренние причины неуспеха культурно-просветительной деятельности кроются в психологии самих работников просвещения и культуры. Не будет преувеличением сказать, что эти деятели не отдают никакого

¹ Военные ведомости. 1918. 21 дек.

внимания ни цели своей работы, ни пределам ее, ни средствам ее осуществления, что работа эта не имеет определенного направления плана и носит характер случайный и беспорядочный”. Резкую неприязнь у него вызвали методы и приемы “воспитательного воздействия”, повсеместно проводимые культурно-просветительными учреждениями в войсках и не отвечавшие, по мнению автора, насущным потребностям момента. “И если вы хотите просветить армию, – указывал он, – то вы просветите ее не ротными школами, не «туманными чтениями», как с бессознательной иронией называют солдаты чтения с волшебным фонарем, а выработкой военного миропонимания, внедрением в сознание воина общих идей дисциплины и суворовской науки побеждать. Просвещенный воин – это воин дисциплинированный, чтобы не говорили всякие несмышлениши об отупляющем влиянии дисциплины”. С “культурой” же, как считал Н. Киселев, дело обстояло еще хуже. “В чем выражается культурная работа у нас и, в частности, в армии, – задавался он вопросом. – Мы занимаем солдат спектаклями, и, право, они очень веселятся, мы устраиваем для них клубы, где они могут почитать газетку, поиграть в шахматы”...Так описывают свою деятельность наши культуртрегеры. Какая пошлость! Строгая дева в кожаном переднике, с набором стальных инструментов в руках, является в образе глупой старой няньки, тетюшкающей до одурения пускающего пузыри младенца”. Отвечая сторонникам этого весьма распространенного понимания культурно-просветительной работы, Н. Киселев, возможно, по-военному чересчур прямолинейно, но достаточно верно подметил: “Нет, господа! Культура – это труд... Ее путь залит потом, а часто и кровью... Подождите строить клубы, прежде чем не очистите смрадных и загаженных общественных уборных... Начните с начала, а не с конца культуру воина и гражданина и действуйте теми же средствами, какими действует сама культура, – властным велением, беспощадным, не знающим жалости принуждением и постоянной тренировкой. Эти ближайшие задачи будут потруднее устройства и аплодисментов вам не принесут, но воина сделают культурным человеком, хотя бы в необходимой мере. Нельзя разбивать дорожки и сеять газоны, пока не выкорчеваны пни и не выполоты сорные травы”¹. Однако этот и подобные призывы остались без внимания; “культуртрегерство” такого рода еще больше набирало обороты.

В целом необходимо отметить, что “культурно-просветительная работа” в том виде, в котором она практиковалась в колчаковской армии, носила отпечаток чего-то несерьезного и второстепенного, хотя декларировалось как раз обратное. Считалось, к примеру, что одним из

¹ Сибирская речь. 1918. 28 дек.

основных критериев, которым следует руководствоваться при организации культурно-просветительной работы, является максимальная экономия казенных средств, а еще лучше, чтобы она вообще стала необременительной для бюджета. В “Русской армии” прямо заявлялось: “Нет сомнения в том, что в будущем все расходы на нужды просвещения армии будут относиться за счет государственной казны, но сейчас, когда наш военный бюджет отягощен исключительно материальными нуждами армии, когда армия нуждается во всем – желательно не обременять его ассигнованиями на культурно-просветительное дело, близкое всему народу, и, надо думать, этот призыв к общественной поддержке этого дела вызовет полное сочувствие здоровых элементов населения”¹. Культурно-просветительные кружки, солдатские клубы, театры и библиотеки организовывались на общественных началах. Необходимые ассигнования поступали в частности от ряда крупных коммерческих объединений и кооперативов, отчислявших часть своих прибылей на “культурно-просветительные нужды армии”. Для этой же цели устраивались сборы пожертвований, благотворительные спектакли, концерты и лекции. Тем не менее полученных средств для ведения культурно-просветительной работы в намеченном объеме было недостаточно.

Переложить часть обязанностей на офицерский корпус, как это планировалось, также практически не удалось. Строевые офицеры с большой неохотой восприняли такое нововведение, как регулярное чтение в частях “государственно настроенных газет” и нередко манкировали возложенными на них обязанностями. Одновременно пресса неоднократно отмечала острый дефицит в войсках патриотической литературы и газет. Об этом свидетельствовал целый ряд телеграмм в адрес культурно-просветительного кружка при управлении санитарной части бывшей Северной группы, полученных из действующей армии с просьбой прислать 20, 100, 500 или 1000 экземпляров “Военных ведомостей”². Один из публицистов, ознакомившись с состоянием пропагандистской работы, с горечью писал: “К сожалению, полное отсутствие разумной, национальной литературы на фронте, разъясняющей наши стремления и действия, дает возможность предателям говорить и писать по этому поводу что угодно, не только по ту сторону фронта, но и на территории, очищенной от большевистского засилья... Спрошенные мною по этим вопросам фронтовые начальники (разных фронтов) говорили следующее: “Потребность в литературе колоссальная, которая и удовлетворяется в солидных размерах, но антигосударственными элементами”³.

¹ Русская армия. 1918. 13 дек.

² Военные ведомости. 1919. 1 февр.

³ Там же. 17 янв.

Таким образом, начальный период показал, что для выполнения намеченного объема работ не хватало ни стремления самих сотрудников культурно-просветительных учреждений, ограничивавшихся паллиативными мерами, ни технических навыков, ни достаточных на это финансовых средств. К этому же прибавилось пассивно-выжидательное отношение со стороны части офицерского корпуса и общественных кругов.

Подводя итоги деятельности информационно-осведомительных органов восточной контрреволюции со времени их зарождения летом 1918 г. и до конца весны 1919 г., следует признать, что в большей степени она проявила себя в декларативных заявлениях, нежели дала какие-либо ощутимые результаты. В силу целого ряда обстоятельств пропаганда белого движения не играла той консолидирующей роли в мобилизации массового сознания, которая была свойственна коммунистической пропаганде. Во многом это происходило потому, что у белых отсутствовала сама концепция государственной пропаганды. В результате деятельности их идеологического аппарата носила сумбурный и бессистемный характер, ограничиваясь общими фразами, полутонами и мерами, лишь создававшими видимость напряженной работы. Очень живучи оказались представления о том, что зло большевизма само по себе очевидно и уже поэтому не нуждается в дополнительном обосновании. Однако главная причина провала пропагандистских усилий белого движения, на наш взгляд, заключалась в непонимании того, что Гражданская война являлась, прежде всего, столкновением идеологий, противостоянием диаметрально противоположных мировоззренческих концепций, конфликтом двух абсолютно разных систем видения мира. Среди офицерского корпуса довлело стереотипное пренебрежительно-негативное отношение к “политике” и “пропаганде”, а эйфория первоначальных побед отодвинула психологические методы ведения войны на второй план.

2.2. Деятельность осведомительных и культурно-просветительных органов белой Сибири во второй половине 1919 – начале 1920 г.

В период лета – осени 1919 г. информационно-пропагандистские органы белой Сибири действовали в русле общих установок, изложенных в декларациях, заявлениях, воззваниях Верховного правителя и Совета министров колчаковского правительства, таких как “К офицерам и солдатам красной армии”, “Солдаты и крестьяне”, “К населению” и др.

“Я, – говорилось в декларации адмирала А.В. Колчака “К населению России ” (конец июля 1919 г.), – обращаюсь к населению свободной от

гнета комиссаров России: мы ведем с большевизмом смертельную борьбу, которая не может кончиться договором или соглашением, ибо в этой борьбе мы защищаем родину против интернационала, свободу против тирании и культуру против одичания. В этой борьбе у нас нет честных противников, есть шайки грабителей, руководимые международными отбросами. Против нас нет честных способов ведения борьбы: есть путь мучения безвинных, насилия над беззащитными и всеобщее разграбление. И укрыться от борьбы и ее последствий нет возможности, пока враг не уничтожен. Сбросьте же с себя позорные цепи безразличия к судьбе Родины, вы, забывшие все, кроме собственного благополучия и честлوبيя. Очнитесь же от смятения и паники и вы, трусливо пытающиеся укрыться бегством от большевиков. Поймите, что уже не о лишении вас и вашего достояния поставлена ставка. В этой последней и страшной борьбе, которая сейчас развертывается, для вас выход только победа или смерть. В дружной, спокойной и планомерной работе сплотитесь все вокруг армии, пополните ее ряды, окружите ее заботами и облегчите ее труды, и бдительно, и зорко охраняйте ее от внутренней вражеской разрушительной работы. Пусть каждый боец, офицер и солдат на фронте почувствует силу любви народной, которая их окружает в героической борьбе. В армии одетой, обутой, сытой, снабженной и довольной залог вашего спокойствия, больше – вашего спасения. И пусть страшатся те, кто в несчастьях Родины строит свое благополучие, кто сеет панику и смуту, и кто в жажде власти ведет в тайне или открыто разлагающую государство работу”¹.

Активную работу по информационно-осведомительную работу проводил правительственный Отдел печати. Его информационного бюро вело сбор информации о повседневной работе центральных правительственных органов, обрабатывало ее и выделяло наиболее важные, представляющие общественный интерес факты. Полученные от ведомств сведения передавались для опубликования “Правительственному вестнику” и “Русскому телеграфному агентству”.

Таким образом, от сотрудников Инфбюро требовался фактически обыкновенный газетный репортаж. Соответственно этому была поставлена и сама организация: сотрудники Инфбюро ежедневно обходили порученные им министерства и ведомства, собирали от должностных лиц необходимые справки. Нередко сами ведомства, заинтересованные в опубликовании какого-либо материала, сами присылали его в Инфбюро. Также по специальному заданию управляющего Отделом печати или по собственной инициативе сотрудники Инфбюро брали интервью у членов правительства или представителей иностранных миссий. Полу-

¹ Правительственный вестник. 1919. 26 июля.

ченный таким образом материал подвергался редакционной обработке и поступал в “Правительственный вестник” или РТА.

В репортажном обслуживании Инфбюро находились: Управление делами Верховного Правительства и Совета министров; Совет министров; министерства; Высшее церковное управление; земство; городское омское самоуправление; управление Сибирского казачьего войска; Совет съездов торговли и промышленности; кооперация; военно-промышленный комитет; партия кадетов; Всероссийский национальный союз и т.д.

Вся работа распределялась между заведующим, который одновременно был редактором, и четырьмя сотрудниками-информаторами. Однако в связи с мобилизацией в армию штат сотрудников сократился. Из-за этого Инфбюро пришлось в основном использовать материал, присылаемый самими ведомствами. Изредка использовались сведения, предоставляемые бывшими сотрудниками Отдела печати, добросовестность которых не внушала опасений заведующему бюро.

Но даже и такое количество информации не всегда являлось востребованным. “Правительственный вестник”, для которого практически весь материал и предназначался, по причинам технического свойства вынужден был выходить в размере двух полос. При этом ежедневно одна полоса, а иногда и более, была занята распоряжениями и узаконениями правительства. Значительная часть остающегося места занималась телеграммами, а все, что оставалось, шло под статьи осведомительного характера, информацию и объявления.

“В силу этого, – писал заведующий Инфбюро А.Н. Потоскуев, – даже срочный материал важного политического значения «маринуется» иногда по неделям и за утратой интереса выбрасывается в корзину”. Такое отношение к сведениям, иногда добываемым с большим трудом, негативным образом сказывалось на деле. Задания сотрудникам сокращались до минимума, падал интерес к работе, портились отношения с ведомствами, которые для опубликования необходимой им информации прибегали к посредничеству частных газет.

Исходя из того, что правительство тратит огромные средства на издание официальной прессы для информирования населения о проводимых властью мероприятиях, заведующий Инфбюро предлагал улучшить постановку дела. Он предложил использовать неофициальную часть органов печати, состоящих при губернских и уездных комиссарах, поскольку она, как правило, “заполняется малоценными литературными произведениями”. Следовательно, Отдел печати мог бы передавать циркулярно информацию в местные органы печати, чем парализовал бы “злостную по характеру и вредную по последствиям работу по информированию населения со стороны враждебных правительству кругов”.

В свою очередь, Отдел печати мог бы получать информацию от местных осведомительных органов, при условии проведения соответствующего инструктажа. Полученная с мест оригинальная информация представляла бы не меньшую ценность для правительства, чем материалы, предоставляемые бюро обзоров печати. Кроме того, невостребованный информационный материал мог бы рассылаться на места частным печатным органам, что сделало бы осведомление населения более полным¹.

Другое структурное подразделение Отдела печати – Бюро обзоров получало более сотни газет и журналов с территории Сибири и Европейской России, освобожденной от большевиков. Обзоры периодической печати были трех видов:

1. Политические, фиксирующие отношение общественных кругов к правительственному курсу и важнейшим событиям внутренней и внешней политики. Такие обзоры составлялись ежедневно и рассылались Верховному правителю, председателю Совета министров и всем министрам, а также главноуправляющему делами Совета министров и его товарищу.

2. Ведомственные (или деловые) обзоры, по каждому из министерств в отдельности, составлялись 1–2 раза в неделю. Они рассылались Верховному правителю, председателю Совета министров, главноуправляющему делами Совета министров, а также тому или иному министру по принадлежности.

3. Специальные обзоры по отдельным вопросам составлялись по особому требованию.

Подготовка всех обзоров печати велась с отражением взглядов всех партийных и общественных кругов, чтобы правительство всегда было в курсе всех течений общественной мысли. С конца ноября 1918 г. по конец октября 1919 г. Бюро выпустило: политических обзоров – 224; обзоров печати для Министерства земледелия – 58; для Министерства финансов – 48, для Министерства торговли и промышленности – 34; для Министерства продовольствия и снабжения – 33; для Министерства иностранных дел – 35 и т.д. Всего было выпущено 680 обзоров.

С июля 1919 г. по желанию министерств им высылались непосредственно вырезки из газет и журналов, касающиеся правительства, отдельных министерств или их местных органов. Таких вырезок было отправлено с 1 июля по 20 октября 1919 г. свыше 7 тысяч.

С самого начала своей деятельности Бюро обзоров стало собирать наиболее интересный газетный материал, для чего были заведены информационно-исторические альбомы. Таких альбомов было создано более 150 штук с общим количеством вырезок до 15 тысяч. Эти альбомы разде-

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 3. Д. 213. Л. 3–7.

лялись по отдельным темам. Например, был исторический отдел, куда вносились материалы о Временном Сибирском правительстве, Сибирской областной думе, Уфимском государственном совещании и др. Также были альбомы, содержащие материалы о народном образовании, рабочем вопросе, общественных группах, органах самоуправления, кооперации и т.д.¹

Для регулярного оповещения о текущем состоянии дел на фронте сотрудники Осведверха ежедневно составляли осведомительные сводки, которые по радио передавались всем начальникам гарнизонов, управляющим губерниями, начальникам уездов, станций, во все почтово-телеграфные конторы вплоть до Владивостока.

Помимо сводок, Осведомительный отдел ежедневно выпускал специальный бюллетень тиражом до 150 тысяч экземпляров². Издание кратких официальных сообщений преследовало цель “дать войскам сжатые сведения о важнейших моментах политической жизни освобожденной России”. Вместе с оперативными сводками ежедневные бюллетени, по замыслу их составителей, должны были обеспечить достаточным количеством информации “бедные литературными силами” фронтовые газеты³.

Наряду с правительственным Отделом печати и Осведверхом важную роль в осведомлении населения играло Русское бюро печати. Основные задачи входившего в его состав Русского телеграфного агентства нашли отражение в специальной декларации, выпущенной руководством Русского бюро печати. В ней говорилось о том, что по общему примеру культурных стран свободная частная инициатива журналистов получила возможность проявляться и в области телеграфной информации, как она проявляется в свободной повременной печати.

Вместе с тем в декларации указывалось, что разрушение Русского государства возлагает на сотрудников Бюро задачу объединить нацию в труде. Бюро печати призвало всех помочь ему в этом трудном деле, а русскую печать и журналистов, без различия партийных оттенков, содействовать пером и советом по созданию в России таких же мощных осведомительных организаций, как Гавас во Франции, Рейтер в Англии, Вольф в Германии и др.

Однако “газетный мир встретил вновь организуемое агентство несколько холодно, предвидя возможность продолжения прежней системы деятельности и при новой фирме”⁴. Оппозиционная печать высказалась в том духе, что “участь разных правительственных телеграфных агентств вообще довольно плачевна; они по долгу службы обязаны об-

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 3 с. Д. 131. Л. 2, 4.

² Русская армия. 1919. 9 июля.

³ Там же. 4 июля.

⁴ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

рабатывать общественное мнение в желательном направлении и возражать против этого трудно. В такое положение попало покойное РТА. Что нам даст «новое частное агентство» ... в смысле своевременности, всесторонности и беспристрастности осведомления мы пока не знаем. ... На сомнения наводит то обстоятельство, что во главе «частного и беспартийного агентства» стали очень партийные кадетские деятели, а, получив и получая субсидию от правительства, «частное» агентство едва ли сможет остаться на высоте беспристрастия»¹.

В этих условиях Русское телеграфное агентство 24 июня 1919 г. обратилось к редакциям газет с запросом о том, что бы они сами хотели получать от агентства и в каком направлении необходимо реформировать работу². На что были получены следующие отзывы:

“Каменская мысль” указала на неудовлетворительную технику передачи телеграмм, при которой больше пропусков и вопросительных знаков, чем слов. Относительно содержания было высказано пожелание представлять меньше тенденциозных комментариев, а больше голых фактов. Обращалось внимание на недостаточное освещение вопросов местной жизни, таких как транспорт, посевы, рабочий вопрос, земства, финансовое положение городов и т.д. Предлагалось посылать специальные бланки о правительственных назначениях в каждую губернию, а также специальные экономические сведения для каждого района. Рекомендовалось больше места уделять ежедневным оперативным сводкам штаба Верховного главнокомандующего. Наиболее интересными назывались вопросы о мирной конференции, о Советской России и борьбе с большевиками³.

Благовещенская “Амурская жизнь” предлагала меньше посылать обзоров печати и совсем отказаться от будничной хроники. В качестве пожелания была высказана идея о группировке материала и установлении номерных адресов по примеру железной дороги⁴.

“Отечественные ведомости” указали на запоздалые телеграммы и слабую информацию о деятельности министерств по подготовке законопроектов. В то же время высказывался интерес к деятельности комиссии по созыву Национального собрания⁵.

Красноярская “Свободная Сибирь” предлагала увеличить количество информационного материала в сторону неофициальных сообщений, как-то: эпизоды боев, красочные картинки жизни фронта и населе-

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 7. Л. 3, 3 об.

² Там же. Д. 7. Л. 3 об.

³ Там же. Д. 37. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 3, 3 об.

ния прифронтовой полосы и т.д. Рекомендовалось также оживить информацию из Советской России с соответствующими комментариями¹.

В то же время некоторые газеты ограничились публикацией в том духе, что улучшить работу РТА невозможно, не изменяя всей системы деятельности агентства. Это объяснялось тем, что Русское телеграфное агентство “болеет теми же недугами, какими болело в свое время телеграфное агентство при самодержавии и советской власти: информация его одностороннего характера; многие факты замалчиваются, другие освещаются тенденциозно”².

Всего же в РТА поступило 8 ответов, то есть 15 % общего числа подписчиков Агентства, что свидетельствовало о незаинтересованности газет в улучшении работы РТА. Несмотря на это, Агентство приняло ряд мер, направленных на улучшение его работы³. Освещаться стали лишь наиболее значимые события белой столицы. Увеличился объем информации о деятельности правительства в целом и отдельных министерств в частности.

По требованию газет РТА вынуждено было сократить обзоры печати, поскольку сибирская пресса испытывала хронический недостаток бумаги, и не все газеты могли оплатить информационные бюллетени. Однако агентство намеревалось вернуться к этому виду информации в будущем, поскольку считало обзоры крайне необходимыми в период воссоздания государства, так как отклики печати на те или иные действия власти являлись выражением мнения общественных групп. РТА рассылало лишь отклики печати на наиболее важные события.

Чтоб газеты могли выбрать наиболее интересный для них материал, а также иметь возможность его оплатить, Русское телеграфное агентство с 1 сентября 1919 г. разделило бюллетени на шесть бланков:

1. “Общий”. В нем содержалась сводка всего наиболее существенного материала. Количество слов в этом бланке колебалось от 1000 до 2000 в день. По своему содержанию он был рассчитан на небольшие газеты, не имеющие возможность помещать весь материал и проводить его редакторскую обработку.

2. “Официальный”. В этом бланке содержались постановления правительства, указы Верховного правителя, приказы Верховного главнокомандующего, постановления о наиболее важных назначениях и увольнениях.

3. “Дополнительный” бланк был рассчитан на большие газеты, которые стремились наиболее полно осветить внутреннюю жизнь и положение за рубежом. Количество слов в нем колебалось от 500 до 1500 в день.

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 37. Л. 10–12.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Д. 7. Л. 12, 12 об.

4. “Военный” бланк содержал подробности военных известий, которые в общих чертах сообщались в “Общем” бланке. Некоторое время в этом бланке распространялись военные обзоры, составляемые компетентными в военном деле лицами.

5. “Обзор печати”. Этот бланк не был регулярным. В нем отмечались материалы сибирской, советской и зарубежной прессы по мере их накопления.

6. “Экономический” бланк составлялся на основе корреспондентских телеграмм, но являлся еще не достаточно разработанным и авторитетным. Он подразделялся на несколько разделов – общий политико-экономический, транспортный, сельскохозяйственный, торгово-промышленный, кооперативный и ряд других. Для повышения компетентности этого бланка РТА обратилось к секретарям биржевых комитетов с просьбой сообщать наиболее важную и интересную информацию, касающуюся экономических вопросов.

Существовал еще один особый бланк – “Для сведения правительства”. В нем содержались материалы, не подлежащие разглашению. Они направлялись только членам правительства и высшего военного командования.

Несмотря на незаинтересованность газет в получении больших обзоров, сама работа по сбору информации была усилена. Для этого использовались почтовые материалы от сотрудников на местах, сведения Владивостокского отделения, французского радио. Огромное значение имели данные, получаемые от Бюро иностранной информации. Через Омскую радиостанцию и через особых корреспондентов на других радиостанциях РТА получало достаточно полную информацию о положении дел в Советской России. В то же время ему не удалось расширить материал о событиях на фронте, причиной чего стала позиция военного командования, не допускавшего никакой другой информации, кроме официальных сводок, составляемых и рассылаемых исключительно Осведверхом.

РТА действовало не только в интересах Сибири и Дальнего Востока. По поручению главноуправляющего делами Российского правительства агентство с 23 июня 1919 г. начало составлять специальные бюллетени для Архангельского правительства и отправлять их через французскую радиостанцию. Эта работа была поручена специальному редактору, ответственному за отбор информации и ее регулярную доставку.

В целом РТА удалось улучшить постановку информации населения. За июнь было отправлено 290 агентских телеграмм, за июль – 236, за август – 314. Количество подписчиков бюллетеней Агентства составило на июнь – 74, июль – 65, август – 50¹.

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 7. Л. 14, 19.

В то же время Русское телеграфное агентство продолжало находиться под контролем цензуры, которая просматривала все материалы, касающиеся положения дел на фронте. Так, 14 сентября 1919 г. начальник Главного военно-цензурного контрольного бюро разрешил директору РТА опубликовать беседу Ауслендера с генералом Сахаровым “за исключением вычеркнутых красным карандашом слов”¹.

Для улучшения качества материалов, поступающих с мест от своих агентов, РТА подготовило для них особую общую инструкцию, в основу которой была положена инструкция бывшего Петроградского информационного агентства. Однако проблемы были не только в организации работы отделений на местах, но и в самом Омске.

Так, директор Бюро иностранной информации Л.В. Арнольдов вынужден был обратиться ко всем сотрудникам с просьбой: “В виду все увеличивающейся работы и, принимая во внимание огромную ответственность перед возрождающейся Россией... необходимо чтобы все... являлись на службу не позже 9 ½ часов утра, так чтобы регулярная работа могла начаться ровно с 10 часов, вплоть до 3 часов дня. ...Всякий раз, когда кто-либо из ...сотрудников не является на службу подряд два дня – покорнейшая просьба извещать о причинах неявки”².

Вероятно, непосещение службы принимало систематический характер, поскольку уже Устрялов вынужден был 10 октября 1919 г. издать специальный приказ. В нем говорилось: “За последнее время стало замечаться недостаточно строгое отношение некоторых служащих к исполнению своего служебного долга: непосещение службы, опоздания, отлучки и уход раньше времени. Считаю необходимым обратить внимание служащих на недопустимость подобных явлений, могущих при их продолжении принудить к принятию мер, которых из уважения к служащим желательно было бы избежать”³.

Наиболее характерной чертой деятельности еще одного структурного подразделения РБП Пресс-бюро в июне – августе 1919 г. стало постепенное расширение круга его задач и создание новых отделов⁴. Для улучшения своей работы Пресс-бюро запросило с мест следующие данные: 1) приближительная численность населения; 2) его состав в процентах (городское население, рабочие, крестьяне); 3) политические настроения; 4) в освещении какого вопроса нуждается население; 5) какой способ выполнения указанной цели по Вашему мнению более приемлем (печать, школа, лекции и т.п.)⁵.

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 472. Л. 4.

² Там же. Оп. 3 с. Д. 150. Л. 1.

³ Там же. Д. 215. Л. 80.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 509. Л. 2.

⁵ Там же. Д. 506. Л. 52.

Исходя из того, что, во-первых, народные массы были недостаточно образованы и практически не читали газет, особенно в сельской местности, и, во-вторых, недостаток бумаги, шрифтов и красок не позволял увеличивать тираж газет, Пресс-бюро главной задачей поставило выпуск листовок и небольших брошюр.

В течение трех месяцев бюро напечатало 8 755 820 листовок, в том числе по поручению Главного штаба, штаба Сибирской армии и Министерства финансов. В том числе “Декларация Российского правительства” была выпущена в 500 000 экземпляров; “От Верховного правителя и Верховного главнокомандующего к офицерам и солдатам красной армии” – 600 000 экземпляров; “Граждане (От штаба Верховного правителя и Верховного Главнокомандующего)” – 600 000 экземпляров и “Хлеб идет” – 500 000 экземпляров.

Количество издаваемых листовок в августе 1919 г. предполагалось довести до трех миллионов неделю. Для этого Русское бюро печати планировало использовать все типографии Омска, а также других крупных городов Сибири¹.

За листовками по количеству экземпляров следовали брошюры. За то же время было выпущено 13 наименований брошюр общим числом 1 056 717 экземпляров. Из них в наибольшем количестве: Новосельский “Как разрешить земельный вопрос в России” – 100 000 экземпляров; С. Ауслендер “Биография Колчака” – 99 875 экземпляров; Огоньков “В красной России” – 84 320 экземпляров; Б. Зорин “Сборник рассказов” – 89 685 экземпляров. По поручению штаба Сибирской армии Бюро издало брошюру “Народная ли власть Совет Народных Комиссаров” в количестве 204 000 экземпляров.

Широкое распространение получили издававшиеся массовыми тиражами брошюры объемом до одного печатного листа (35 тысяч букв). К ним следует отнести: “Что сделали большевики с нашей Родиной” протоиерея Рождественского, “Жизнь России под большевиками” М.М. Ардашевой, “Что дали большевики крестьянству” М.И. Князева, “За что борется наша армия” И.А. Лабенского, “Только победа над большевиками принесет землю и хлеб крестьянству” С.И. Акерблома и ряд других.

Большое внимание уделялось плакатам, поскольку опыт показал, что “крупная и краткая надпись, особенно в соединении с рисунком, сильнее действует на соображения солдата и крестьянина, чем листовки”². С июня по август 1919 г. Пресс-бюро выпустило 39 разновидностей плакатов общим количеством 353 500 экземпляров. Из них наибольшим тиражом были отпечатаны: “Приказ Деникина № 150” –

¹ Русская речь. 1919. 12 авг.

² ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 509. Л. 2 об.

57 000, “От Сибирского Военно-благотворительного комитета” – 50 000, “К населению России” – 35 000 экземпляров.

Издавались также плакаты и лубки (“Ленин и Троцкий”, “Мужику – фунт, комиссару – пуд”, “Что большевики обещали и что дали” и другие). В больших количествах распространялись портреты А.В. Колчака, А.И. Деникина, Л.Г. Корнилова и М.В. Алексева. В частности Бюро выпустило 15 000 портретов генерала Корнилова с текстом на обороте.

В июне 1919 г. Пресс-бюро объявило конкурс листовок и брошюр. На конкурс поступила 201 статья, из них была премирована лишь листовка Вяткина “Что большевики обещали и что дали”, и была принята для напечатания 21 статья.

Срочные воззвания передавались по телеграфу и печатались на местах. Таким образом, издания Пресс-бюро выпущены в городах: Томске, Ново-николаевске, Иркутске, Никольске-Уссурийске, Тобольске, Павлодаре, Таре, Семипалатинске, Каркалинске, Петропавловске, Усть-Каменогорске и Николаевске-на-Амуре общим количеством 6 640 экземпляров.

Для вовлечения в сферу своего влияния возможно большего количества газет Пресс-бюро непосредственно субсидировало газеты “Канский вестник” и “Свободную речь”. Также Пресс-бюро установило связь с информационными отделами 1-, 2- и 3-й армий. Оттуда оно получало задания и, в соответствии с ними, посылало туда отпечатанную литературу. Пресс-бюро поддерживало фронтovou газету “На страже свободы”¹.

Пресс-бюро проводило работу по информированию местных газет путем рассылки статей. Всего была разослана 51 статья, из них наибольшим успехом пользовались: “На Дону”, напечатанная в 13 газетах, “На Юге России” – в 13, “Танки в гостях у генерала Деникина” – в 12, “Международные перспективы” – в 11 газетах. Таким образом, наибольший интерес в провинции вызвали статьи осведомительного характера о положении на юге России и отчасти вопросы внешней политики.

За июнь – август 1919 г. было выпущено²:

Листовок –	8 755 820
Брошюр –	1 056 717
Плакатов –	353 500
Портретов –	15 200
Номеров газет –	543 616
Всего –	10 724 853

¹ Там же. Д. 506. Л. 38, 39.

² Там же. Д. 509. Л. 2, 3.

Само Пресс-бюро считало общее количество выпускаемых материалов весьма незначительным¹, но все попытки расширить деятельность наталкивались на трудно преодолимые препятствия: недостаточное содействие и даже помеха со стороны местных властей, а также трудности технического свойства – недостаток бумаги, краски и ротационных машин.

Анализируя результаты своей деятельности, Пресс-бюро отмечало, что, несмотря на некоторые результаты, агитационному издательству еще очень далеко до совершенства. В то же время у большевиков были более производительные типографии, что позволяло им буквально засыпать фронт прокламациями, плакатами и брошюрами. Однако дело было не только в техническом превосходстве большевиков. По оценке Пресс-бюро красные обладали превосходным агитационным аппаратом, который они, используя дореволюционный опыт агитации, смогли приспособить к вкусам и настроениям масс.

Следовательно, повысить качество пропагандистского материала, по мнению Пресс-бюро, можно было, “лишь установив тесную связь между издательским центром и солдатской и крестьянской массой”. С этой целью создавался агитационный отдел. Агитаторы, непосредственно работавшие в народных массах, должны были рекомендовать издательскому центру, какой материал издавать, или присылать готовые произведения.

Пресс-бюро также отмечало, что белая агитация по сравнению с красной серьезно запаздывала. Большевики же в качестве тем для агитации пользовались любым подходящим случаем – занятием ими города или каким-либо событием в международной политике. Относительно внешнего вида большевистских изданий Пресс-бюро признавало, что “в этом отношении у нас даже нет надежды с ними сравниться. Особенно это относится к плакатам”².

Наиболее удачным примером своей деятельности Пресс-бюро считало издание “Нашей газеты”, завоевавшей себе широкую популярность. Влияние же на самостоятельные провинциальные газеты оставалось незначительным. Рассылаемые на места статьи и другой материал практически не использовались. Причинами такого положения дел стали: 1) слишком большой объем статей для небольших по размеру газет; 2) запаздывание рассылаемого материала, что делало его неактуальным.

Относительно выработки новой идеологии и соответствующих ей направлений политики, по оценке самого Пресс-бюро, его деятельность

¹ Согласно календарю Министерства народного просвещения на 1919 г. население Сибири и Степного края, освобожденных от большевиков, составляло 14 080 600 человек. Следовательно, на каждого жителя приходилось по 0,76 издания.

² ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 509. Л. 3 об.

была равна нулю¹. Определенную роль в этом плане пытались играть газеты “Русское дело” и, отчасти, “Сибирская речь”². Однако они вынуждены были из-за недостатка бумаги выходить в сокращенном формате. Публикуемые в них статьи носили конспективный характер. Следовательно, их авторы не могли детально развивать свои идеи.

Кроме того, сам характер газет, вынужденных приспособливаться к сложностям внутренней и международной политической жизни и увеличивать, главным образом, отделы информационного характера, не позволял ежедневной печати с должной полнотой освещать вопросы общей идеологии.

“Между тем в настоящее время, когда на очередь поставлен коренной пересмотр именно общих вопросов и руководящих идей русской культуры, политики и общечеловечности, – полагало Пресс-бюро, – для разработки и уяснения основных начал идеологии Новой России нужна особенно углубленная и вдумчивая работа”³.

С этой целью Редакционное бюро РБП поддержало инициативу профессоров Пермского университета и местных журналистов об издании в Перми специального двухнедельного журнала. 4 июня 1919 г. было принято постановление принять издание такого журнала на счет Русского бюро печати. Однако осуществить задуманное не удалось из-за эвакуации Перми в конце июня.

Вскоре вопрос об издании политического журнала или периодического сборника статей по вопросам общей идеологии, политики и общечеловечности был поднят группой находящихся в Томске профессоров Пермского и Казанского университетов. Пресс-бюро выразило принципиальное согласие на организацию солидного политического еженедельника типа “Полярной звезды” или “Русской свободы” (издававшейся в 1917–1918 гг. при “Русской мысли”). К этому делу предполагалось привлечь профессоров Пермского, Казанского, Томского и Иркутского университетов. Однако само издание должно было осуществляться в Омске.

Приехавшему в Томск для организации “Нашей газеты” в середине октября 1919 г. В.Н. Иванову группа профессоров во главе с М.М. Хвостовым предложила открыть двухмесячные курсы общественных деятелей и организовать новое периодическое издание идеологического характера. В связи с этим Иванов запросил у Клафтона разрешение начать переговоры о создании журнала с рабочим названием “Новые вехи”, чтоб сделать Томск “центром идеологического похода”⁴.

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 509. Л. 4.

² Там же. Д. 507 Л. 4 об.

³ Там же. Д. 509. Л. 4.

⁴ Там же. Ф. 4626. Оп. 1. Д. 37. Л. 31.

В ответной телеграмме Клафтон приветствовал создание курсов при “условии широкой доступности и предельной краткосрочности”. Также он одобрил идею нового журнала, выходящего время от времени отдельными сборниками, при условии его окончательной редакции в Омске¹.

Начиная с лета 1919 г. увеличивается количество направляемых на места пропагандистских изданий. Так, только за август месяц РБП отравило на фронт: плакатов “Федеративная советская монархия” – 2 180 штук; агитационной литературы и материалов: “К населению России” – 8 570 штук, “Запрещает ли Христос Спаситель” – 4 500 штук, “Крестьяне и война с большевиками” – 25 400 штук, “Печальные воспоминания” – 5 570 штук. За тот же период для Омска и его пригородов: “14 месяцев во власти большевиков” – 6 040 штук, “Поездка полковника Воорда” – 5 770 штук, “Земство или советы” – 3 440 штук, “Сборник рассказов” – 3 540 штук и т.д. Всего за август месяц количество распространенных материалов составило 1 688 060 штук².

По данным, приведенным новосибирским исследователем В.Л. Сошкиным, за три летних месяца 1919 г. через сеть местных организаций РБП распространило среди войск и населения до 11 миллионов различных пропагандистских изданий, а к концу октября общий объем печатной продукции данного ведомства превысил 17 миллионов экземпляров³. Для распространения литературы в сельской местности привлекались священники, учителя и сельские старосты⁴.

Ежедневно в частях действующей армии на пятерых солдат выдавалась одна газета. Тем не менее недостаток печатной продукции ощущался на протяжении всего периода гражданской войны. Для того чтобы в какой-то мере компенсировать острую потребность в специальных военных изданиях, в тылу регулярно проводился сбор литературы (газет, журналов, книг) с последующей отправкой ее на фронт. На это были направлены и устроенные Осведверхом в июле 1919 г. “Дни книги”⁵. Нередко для достижения нужного результата правительственные органы пускались на всевозможные уловки. Так, Особый отдел Управления делами правительства Колчака через периодическую печать распространил объявление, в котором призывал население “немедленно по прочтении собирать газеты и отправлять на фронт”. Для этого в магазинах, конторах, по месту службы, в различных учреждениях предлага-

¹ ГА РФ. Ф. 4626. Оп. 1. Д. 37. Л. 32.

² ГА РФ. Ф. 4226. Оп. 2. Д. 35. Л. 1–3, 22.

³ Сошкин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны (конец 1917 – начало 1921 г.). Новосибирск, 1965. С. 132–133.

⁴ Русское дело. 1919. 29 окт.

⁵ Русская Армия. 1919. 24 июля.

лось накапливать старые номера газет с тем, чтобы сотрудники Особого отдела регулярно 3–4 раза в неделю их оттуда забирали и направляли во фронтовые части. Особый отдел даже организовал цирковое гала-представление, билеты на которое выдавались не за деньги, а за книги, также предназначавшиеся для войск. Существовала даже своеобразная такса: место в ложе – 25 книг, перед ложей – 10 книг, на галерке – 2, причем две брошюры шли за одну книгу.

Культурно-просветительное отделение Осведфронта планировало организовать три походные библиотеки-чайные, для чего предполагалось оборудовать несколько железнодорожных вагонов. Омские общественные организации оказали в этом деле помощь (деньгами, продуктами) на сумму 45 тысяч рублей. По инициативе Особого отдела Управления делами правительства к началу сентября для фронтовых вагонов-читален было собрано около 30 тысяч книг и журналов¹.

Распространение агитационной литературы среди войск противника и населения прифронтной полосы велось с применением военной авиации. Так, осенью 1919 г. в районе боевых действий с аэропланов разбрасывались плакаты “Ленин и Троцкий”, изображения которых были увенчаны пентаграммой, стилизованной под звезду Давида².

В начале июля 1919 г. газета “Друг армии и народа” анонсировала создавшееся при штабе Западной армии военное издательство, которое, наряду с выпуском упомянутой газеты, предполагало издавать и другую печатную продукцию (летучки, прокламации, брошюры, воззвания и плакаты). В газете приводился внушительный список тем, на которые Осведомительный отдел Западной армии “желал бы возможно скорее” получить листовки и брошюры. Этот перечень включал такие темы, как “Всероссийское Временное правительство, его задачи, цели и первые шаги”, “Как задушили большевики свободное слово и свободную печать”, “Опричники Ивана Грозного и красногвардейцы Ленина и Троцкого”, “Суд и расправа при коммунистическом строе”, “Народная армия спасает Россию”, “Роль офицерства в русском освободительном движении”, “Почему большевизм обречен на неизбежную гибель” и ряд других. Предлагались также и темы для составления прокламаций и воззваний (к крестьянам, солдатам русской армии, рабочим, казакам, красноармейцам, духовенству, старообрядцам и т.д.), объем которых не должен был превышать 200 газетных строк. Авторский гонорар за один печатный лист составлял 1000 рублей, за каждое воззвание, принятое к печати, не менее 200 рублей³.

¹ Русская армия. 1919. 24 авг.; Сибирская речь. 1919. 4 сент., 16 окт.

² Сибирская речь. 1919. 16 окт.

³ Друг армии и народа (Б.м.). 1919. 1 июля (18 июня).

Организация широкой издательской деятельности предполагала наличие бумаги и специального печатного оборудования. Еще в марте 1919 г. адмирал Колчак предоставил начальнику штаба Верховного главнокомандующего право реквизировать на прифронтовой территории типографии закрываемых газет и обращать их на нужды армии¹. К середине июля Осведверх получил пять вагонов бумаги, 1000 пудов шрифта, типографской краски и смазочных веществ². РБП располагало крупными типографиями в Перми, Екатеринбурге и Омске.

Для распространения агитационной литературы среди населения “на всей территории Российского правительства, не исключая прифронтовой и освобожденной от большевиков полосы” создавались специальные комиссии. В Омске такая комиссия была образована при областном правлении. В ее состав вошли представители земского и городского самоуправления, епархиального и объединенных церковно-приходских советов, ряда министерств (военного, финансов и народного просвещения). Возглавлял комиссию управляющий Акмолинской областью. Помимо распространения “осведомительной” литературы, полученной от Пресс-бюро, Осведверха и Высшего церковного управления, деятельность комиссии заключалась в размножении и перепечатке брошюр, воззваний, прокламаций, а также в самостоятельном издании печатной продукции. В начале июля в распоряжении комиссии имелось до 14 тысяч экземпляров различных пропагандистских материалов. В Ново-Николаевске подобная комиссия была учреждена при начальнике уезда В.М. Сызрде. Его товарищем (помощником) являлся редактор газет “Русская речь”, “Надежда России” и журнала “Русский богатырь” Г.Я. Жук.

Для распределения агитационной литературы среди населения уезда была создана сеть районных отделений³. В распоряжении экспедиционного отделения Осведверха имелись шесть вагонов, доставлявших агитационную литературу во всех направлениях⁴. При штабах армий, корпусов, дивизий и полков находились сотрудники Осведомительного отдела, в задачу которых входило распространение печатной продукции на местах⁵. На железнодорожных станциях (в том числе в Омске) по распоряжению штаба Верховного Главнокомандующего были построены специальные киоски, в которых всем военнослужащим бесплатно раздавались газеты, брошюры и листовки. Кроме того, в Тюмени, Иши-

¹ Приказ начальника штаба Верховного главнокомандующего № 207 от 11 марта 1919 г. (НБ ТГУ).

² Красный архив. 1928. №3 (28). С. 227.

³ Правительственный вестник. 1919. 3 июля; Русская речь. 1919. 1 авг.

⁴ Красный архив. 1928. № 3 (28). С. 227.

⁵ Русская Армия. 1919. 9 июля.

ме и ряде других населенных пунктов “для информации фронта” были привлечены бойскауты¹.

Работа осведомительных органов зачастую была сопряжена с целым рядом трудностей. Прежде всего, это касалось деятельности агентов Русского бюро печати на местах. Так, заведующий Новониколаевским отделением Я.Л. Белоблоцкий указывал в телеграмме², что без разрешения управляющего уездом Плахинского местная милиция запрещает созывать в деревнях сходы и собрания. Более того, Плахинский не разрешал провести собрание агентов новониколаевского отделения РБП, список которых был ему представлен за месяц до этого. Далее Белоблоцкий привел резолюцию, наложенную на его доклад начальником уезда: “Белоблоцкий враждебно настроен к агентам власти, отрицательно относится к существующему правительству”. После подобного нелепого заявления заведующий Новониколаевским отделением РБП полагал, что обращаться к местным властям бессмысленно, и просил формального разрешения от центральных органов на проведение деревенских сходов³.

Еще один случай противодействия местных властей Русскому бюро печати приводит В.Н. Иванов. Вот как описывает он начало своей работы в пресс-бюро: “Кое-как приткнувшись в каком-то военном общежитии и утром явившись на работу, я увидел, как во двор въезжала большая телега, наполненная пакетами: это почтамт не принял и вернул обратно множество пакетов с правительственными заявлениями, воззваниями, материалами, направленными по адресам в уезды и сельские местности губернии Омской и других. Возле отвергнутого воза стоял хромой, но энергичный экспедитор, студент-казанец Гаркунов, и, размахивая палкой, возмущался тем, что почтовый чиновник заявил ему, что никто не может самовольно рассылать такие документы, возмущающие население. С экспедитором дело было улажено, но такие почтовые отправления то и дело потом возвращались с мест. Провинциальные сельские и казачьи власти не принимали из осторожности этих нововведений”⁴.

Бывали случаи, когда агенты РБП на местах были лишены возможности посылать информационные телеграммы в центр из-за отсутствия поблизости правительственного телеграфа. Железнодорожный же телеграф отказывал в приеме таких телеграмм. Совещание по делам печати 30 августа приняло решение ходатайствовать перед МПС и Военным мини-

¹ Русская армия. 1919. 23 авг.

² Телеграмма была направлена управляющему Томской губернией, министру внутренних дел В.Н. Пепеляеву, в управление делами Совета министров Т.В. Бутову, начальнику новониколаевского гарнизона.

³ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 6. Л. 73.

⁴ *Иванов В.Н. Урал – Харбин – Владивосток (1919–1922): Главы из воспоминаний // Иванов В.Н. Императрица Фике. Дочь маршала: Ист. повести. М., 1992. С. 395.*

стерством о предоставлении агентам РБП права посылать телеграммы железнодорожным телеграфом, если нет поблизости правительственного¹.

В организации осведомления войск и населения важная роль отводилась наглядной агитации. В Омске, на Любинском проспекте сотрудники Осведверха оформили специальную витрину, в которой вывешивались различного рода пропагандистские материалы. В начале июля там была выставлена карта боевых действий с точным обозначением линии фронта, “на котором возрожденная Россия ведет борьбу с Совдепией” (на востоке, западе, юге и севере). Национальными флагами отмечались населенные пункты, занятые русскими антибольшевистскими силами и войсками союзников. На карте были также указаны районы Советской России, с точки зрения колчаковских пропагандистов являвшиеся неблагонадежными (те местности, из которых, по сведениям белой разведки, ввиду возможного отступления вывозились все ценности; территории, объявленные красными на военном положении, и т.д.)². Чуть позднее в витрине демонстрировались фотографии с “оскверненных большевиками икон”. “Здесь же, – как сообщали новониколаевские “Военные ведомости”, – на особом плакате описываются документально установленные кощунства и издевательства большевиков над религией и ее служителями – православным духовенством”³.

Организацией наглядной агитации занималось также Русское бюро печати, действуя через свои периферийные структуры. В одном из докладов осенью 1919 г. начальник новониколаевского отделения Я.Л. Белоблоцкий сообщал А.К. Клафтону: “В городе в 89 местах не менее трех раз в неделю расклеиваются воззвания и плакаты, арендовано (бесплатно) около 60 окон в магазинах, имеется 3 витрины «Зверства большевиков» (и в 4 селах), имеется киоск с картой фронта, которая ежедневно исправляется. Днями 10 карт будет разослано по району”⁴.

Наряду с применением наглядных средств, периодических и непериодических изданий широко использовались устные пропагандистские выступления. С лекциями, докладами, торжественными речами, беседами активно выступали деятели кадетской партии, представители профессуры, сотрудники прессы и органов пропаганды – В.Н. Пепеляев, А.К. Клафтон, В.А. Жардецкий, А.С. Белевский (Белоруссов), В.Н. Иванов, Д.В. Болдырев, Г.И. Клерже, Н.Н. Фиолетов, А.И. Сырцов, В. Покровский, Б. Колубакин, П.А. Микулин, И.И. Аносов, Н.Я. Новомбергский, С.И. Гессен и другие. Летом 1919 г. с циклом лекций (“Христианство и социализм”,

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 6. Л. 80.

² Русская армия. 1919. 6 июля.

³ Военные ведомости. 1919. 25 июля.

⁴ ГА РФ. Ф. 4626. Оп. 1. Д. 34. Л. 343.

“Религия социализма”, “Вера и наука”) по городам Сибири выступил писатель-старообрядец Ф.Г. Мельников, а 11 октября в Омске доклад на тему “Великие возможности” прочитал литератор А.Л. Фовицкий.

В устной агитации, ориентированной на армию, помимо политических вопросов затрагивалась военная тематика. В частности 25 октября 1919 г. культурно-просветительный отдел Осведфронта организовал лекцию подполковника Загребина “Тактические приемы борьбы обеих сторон в нашей гражданской войне”. Лекционная пропаганда использовалась также и при работе с рядовым составом воинских частей. Секцией по внешкольному образованию при осведомительном отделении Новониколаевского района, например, в период с 18 по 22 ноября 1919 г. для солдат гарнизона был проведен ряд устных выступлений на темы: “Заветы великих полководцев”, “Назначение и долг солдата”, “Дух армии и победа”. Примерные тексты бесед с солдатами (о дисциплине, о патриотизме и т.д.) систематически публиковались в периодической печати¹.

В годы Первой мировой войны появляются новые технические средства пропаганды (агитпоезда, агитпароходы, кинематограф), которые затем успешно применяются на фронтах Гражданской войны как красными, так и белыми. На территории Сибири использование кинематографа с агитационными целями было характерно в особенности для деятельности Осведомительного отдела (управления) Восточного фронта. Первоначально демонстрировались короткометражные документальные фильмы, посвященные преимущественно различным эпизодам Первой мировой войны.

Один из таких показов состоялся 27 июля 1919 г. в Омском театре “Гигант” и сопровождался устными пояснениями редактора фронтовой газеты “Вперед” В.Г. Янчевецкого и профессора Лондонского университета Б. Перса². В дальнейшем планировалось снимать агитационные фильмы, которые отражали бы важные моменты боевых действий, помощь союзников, массовые ритуальные церемонии (военные парады, чествования) и т.д. Для этого в октябре 1919 г. культурно-просветительный отдел Осведфронта объявил конкурс на составление сценариев для кинематографических картин, причем по установленным условиям содержание должно было отвечать “агитационно-пропагандистским целям”. Допускались как “оригинальные” сценарии, так и “инсценировки литературных произведений”. Для авторов были установлены три премии: в 1000, 1500 и 2000 рублей³. Осведфронт также пригласил к сотрудничеству соответствующих специалистов для постановки игровых кинокартин (сценаристов, режиссеров, операторов и артистов)⁴.

¹ Русская армия. 1919. 10, 28 окт. Последние дни колчаковщины. М.; Л., 1926. С. 65.

² Там же. 29 июля.

³ Сибирская речь. 1919. 1 нояб.

⁴ Там же. 30 октяб.

Неудачи на фронте вынуждали колчаковское правительство, военное командование к поиску некой силы, способной остановить продвижение Красной армии. Ставка поочередно делалась на мобилизацию сибирского казачества, расширение добровольческого движения, привлечение в армию карпаторуссов. Деятельность правительства в данном направлении сопровождалась шумными пропагандистскими кампаниями. В зависимости от момента то казаки, то добровольцы, а то и вовсе немногочисленные карпаторуссы объявлялись единственными “спасителями Отечества”, преподносились как своего рода панацея, способная воскресить утраченную военную мощь сибирской контрреволюции.

Для того чтобы привлечь внимание населения, прежде всего городского, а также с целью изыскания дополнительных средств, органы пропаганды периодически устраивали специальные акции. 4 августа был проведен День солдата, 17 августа Осведверх организовал День Ижевско-Воткинской годовщины, 18 августа группа общественных деятелей войсковой управы Сибирского казачьего войска устроила День казака, 7–8 сентября прошел День карпаторусского воина, 12 октября – День генерала Каппеля.

Сценарий проведения такого рода мероприятий был приблизительно одинаков: в этот день устраивались разнообразные представления, спектакли, концерты, лекции, доход от которых поступал на заранее оговоренные организаторами акции цели; чаще всего выпускалась однодневная газета (“День солдата”, “День казака”, “Ижевско-Воткинская годовщина”); кроме того, в ресторанах, городских садах, на ипподромах и в иных увеселительных местах, а также в храмах был организован сбор пожертвований. К примеру, пожертвования на День казака в Казачьем Никольском соборе (Омск) составили свыше двух тысяч рублей¹. Вырученные средства предназначались на благотворительные цели: в первом случае в пользу раненых и больных воинов, во втором – семьям рабочих Ижевского и Воткинского заводов, в третьем – в фонд генерала Каппеля, на пособия офицерам, солдатам и их семьям.

Идеологический аппарат белой Сибири постарался максимально использовать день второй годовщины Октябрьской революции (7 ноября 1919 г.) для ведения контрпропаганды, направленной на “развенчание большевизма”. Еще в середине октября под эгидой Осведверха для выработки плана пропагандистских мероприятий было проведено рабочее совещание культурно-просветительных организаций Новониколаевска с участием представителей городского и земского самоуправлений, прессы, Русского бюро печати и “Братства святителя Гермогена”. В го-

¹ Иргыш (Омск). 1919. 2 сент. № 35, с. 12.

роде и уезде предусматривалось проведение лекций и бесед. Во все деревни и на железнодорожные станции были разосланы плакаты на тему: “Что большевики обещали и что дали?”¹ Размещенный в Томске штаб Омского военного округа также планировал провести “Противобольшевистский день”, сопровождаемый собраниями, лекциями и распространением агитационной литературы².

В целях пропаганды использовались постулавшие из Советской России, определенным образом отобранные и интерпретированные материалы (перехваченные радиogramмы, газеты, письма, документы, плакаты). С одной стороны, они служили для придания достоверности, были своего рода “документальным” подтверждением тем сообщениям, в которых говорилось, что большевики внутренне слабы, их власть неустойчива и они серьезно опасаются Колчака и Деникина. С другой – используя их, солчаковские пропагандисты стремились морально дискредитировать советскую власть, для чего старались выставить ее представителям в нелепом, комичном, подчас курьезном виде.

Большое значение придавалось пропаганде за рубежом. Отдел печати правительства Колчака регулярно направлял в столицы европейских государств телеграфные сообщения о важнейших событиях. Их перевод на английский и французский языки осуществляло Бюро иностранной информации. Российское телеграфное агентство (РТА) ежедневно рассылало всем консулам союзных держав краткие официальные обзоры внутриполитической обстановки. Созданное еще в конце 1918 г. отделение РТА во Владивостоке находилось в непосредственном контакте с представителями зарубежной прессы, различных правительственных и общественных организаций, в частности с Американским бюро печати.

После передачи Бюро иностранной информации РОПД его работа, по мнению вице-директора РБП Н.В. Устрялова, улучшилась. В первую очередь, он это связывал с увеличением ассигнований, а также с потерей официального статуса, что “благополучно отозвалось на отношении к нему [БИИ] иностранной прессы в смысле роста доверия к передаваемым им сведениям”³.

В задачу Бюро входило осведомление иностранной прессы и представителей иностранных держав в Сибири о деятельности Российского правительства и о политической и экономической жизни России, главным образом Сибири, путем телеграмм, особых бюллетеней, а также личных бесед с иностранными деятелями и корреспондентами. Также в задачу БИИ входило осведомление Российского правительства и сибирской прессы о событи-

¹ Русская речь. 1919. 22 окт.

² Родина (Томск). 1919. 27 окт.

³ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 3 с. Д. 148. Л. 6.

ях во всем мире путем получения Бюро телеграмм от своих корреспондентов за границей и путем составления обзоров иностранной прессы.

С июня по сентябрь 1919 г. Бюро отправило агентам 1455 телеграмм в Париж, 1460 – в Лондон, 1450 – в Нью-Йорк и 1150 – в Токио. В среднем ежедневно отправлялось 60 телеграмм объемом до 2400 слов. Это была самая дорогая часть работы, поскольку за каждое слово приходилось платить в Париже – 10 рублей 75 копеек, в Лондоне – 31 рубль 72 копейки, в Нью-Йорке – 15 рублей 48 копеек, в Токио – 2 рубля 86 копеек¹.

За это же время бюро выпустило 24 бюллетеня на французском и английском языках по следующим темам: деятельность правительства, политическое и экономическое положение России, богатства России, вести из Советской России, большевистский террор и т.д. Расширить распространение бюллетеней удалось за счет их размножения на ротаторе. Наряду с этим было выпущено 35 обзоров иностранной прессы. Материал для них преимущественно брался из китайских, японских и американских газет. От своих зарубежных корреспондентов за три месяца Бюро получило более 450 информационных телеграмм.

По поводу содержания посылаемых БИИ за границу телеграмм от корреспондентов поступило несколько замечаний. К главным недостаткам было отнесено: излишняя официальность, односторонность, замалчивание важных политических событий². Однако в целом оценка деятельности БИИ была положительной. Заведующий отделом печати при британской миссии капитан Мак-Кул писал в своем письме Н. Устрялову: “Я должен поздравить Вас с большим успехом Ваших телеграмм новостей за границей. Я вижу, что Ваши телеграммы полностью воспроизводятся в иностранных газетах, и верю, что они оказывают услугу конституционному правительству в России. Мне редко приходилось читать в печати что-либо лучшее, чем Ваши прекрасные телеграммы”³.

Для сотрудников иностранных миссий в Сибири Осведомительный отдел штаба Верховного главнокомандующего издавал специальные бюллетени на английском и французском языках, содержавшие основные данные о положении на фронте и мероприятиях правительства. Ежедневные сводки Осведверха по радио передавались за границу. Кроме того, агенты Осведверха целенаправленно собирали разного рода документальные подтверждения “антигосударственной политики Советской власти”. Копии подобных материалов направлялись британским представителям, в частности профессору Б. Персу.

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 3 с. Д. 148. Л. 3.

² Там же. Л. 28, 29.

³ Там же.

Между восточным и южным центрами антибольшевистского движения поддерживалась связь. Радиотелеграфные сообщения, передававшиеся через Париж, являлись наиболее оперативным, устойчивым и надежным видом коммуникации. Наряду с этим осуществлялся по мере необходимости обмен курьерами. Представители Деникина информировали правительственные и общественные круги Сибири о текущих военно-политических событиях на юге России, привозили в качестве наглядно-иллюстративного материала различные документы, фотографии, газеты, брошюры, плакаты. Так, в начале марта 1919 г. прибывший из Добровольческой армии курьер, имени которого, к сожалению, установить не удалось, доставил в Омск несколько номеров екатеринодарских газет (“Единая Русь”, “Россия”, “Утро Юга”), новочеркасский “Приазовский край”, а также передал колчаковским осведомительным органам ряд статей и очерков, посвященных генералу М.В. Алексееву, собранных издательством “Россия”. Еще одну партию юнорусской прессы, включавшую газеты, издававшиеся как в Екатеринодаре – “Свободная речь” (орган кадетской партии), “Великая Россия” (под редакцией В.В. Шульгина), “Вольная Кубань” (официальный орган Кубанского краевого правительства), “Единая Русь” (редактор – Б.А. Будилович), так и Ростове – “Вечернее время” (редактор – Б.А. Суворин), “Родной край” (под редакцией М.В. Черкасова), привез в мае 1919 г. некий штабс-капитан К.¹

В начале июня 1919 г. в Омске находился представитель правительства Всевеликого Войска Донского и атамана Донского казачьего войска генерал-майор Сычев, основной задачей которого являлось “установление взаимной информации и реальной постоянной связи между Сибирью и Доном”. В том же месяце из Добровольческой армии прибыл специальный курьер – поручик Новицкий. В июле уехавшего на Дон генерала Сычева сменил известный публицист того времени М.С. Лембич (до революции – корреспондент “Русского слова”). Тогда же Омск с особым поручением от генерала Деникина посетил генерал-лейтенант Карцев. В августе в ставку адмирала Колчака из Екатеринодара прибыли представители “Национального центра” А.А. Червен-Водали и А.А. Волков, в сентябре – помощник заведующего политическим отделом Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) есаул В.В. Перфильев.

Такой вид связи для курьеров был сопряжен с большим риском. Так, 22 апреля (5 мая) 1919 г. недалеко от форта Александровского, чтобы избежать плена, застрелился бывший командующий Сибирской армии и военный губернатор Одессы А.Н. Гришин-Алмазов, который вез от А.И. Деникина специальное послание адмиралу Колчаку. К тому

¹ Русская армия. 1919. 7 марта, 21 мая.

же, обмен курьерами был гораздо менее оперативен. Выехавший из Новочеркасска 7 февраля 1919 г. генерал Сычев добрался до Омска только 28 мая, а штабс-капитан К. доставил в середине мая мартовские номера южнорусских газет.

Помимо Юга, связь осуществлялась и с другими центрами белого движения. С Временным правительством Северной области, возглавлявшемся генералом Е.К. Миллером, контакты поддерживались через Северный отряд полковника Бордзиловского, входившего в состав Сибирской армии. Впоследствии между Архангельском и Омском существовал обмен телеграфными сообщениями. Осенью 1919 г. из Архангельска в Печору был даже командирован особый отряд связи штаб-ротмистра Червинского для установления телефонной и телеграфной связи с Сибирской армией, но выполнить свою задачу не успел в связи с общим отступлением колчаковских войск.

Изредка, с заметным опозданием, в Омск поступали отдельные номера периодических изданий белого Севера. В сентябре 1919 г., например, в редакцию “Русской армии” был доставлен ряд архангельских газет (“Вестник Временного правительства Северной области”, “Русский Север”, “Северное утро”, “Возрождение Севера”, “Отечество”) за конец июня.

Полученную по разным каналам информацию идеологический аппарат Колчака использовал в пропагандистских целях. 30 июня 1919 г. в Омском Городском театре Осведверх устроил лекцию поручика Новицкого на тему: “Национальное движение на Юге России”. 25–27 октября в Омске была организована демонстрация привезенных есаулом В.В. Перфильевым материалов (документов, газет, брошюр, журналов, плакатов, фотографий, образцов денег), которая сопровождалась соответствующими пояснениями; в ноябре Перфильев выступил в Томске¹.

По материалам периодической печати белых Юга и Севера “Русская армия” и другие сибирские газеты составляли и публиковали обзорные статьи, в которых стремились показать благоприятное отношение других лидеров российской контрреволюции (Деникина, Миллера) к режиму Колчака, признание его главенства. “Русская армия” с удовлетворением констатировала, что вся архангельская пресса, включая даже “общесоциалистическую газету” “Возрождение Севера”, настроена “благожелательно к Сибирскому правительству и против Советской власти”, а “Русский голос” на своих страницах привел весьма лестную оценку, данную одной из северных газет, адмиралу Колчаку: “Этот центр, вокруг которого сосредоточиваются здоровые элементы нации, это сама Великая Единая Россия”. В интервью с генералом Карцевым

¹ Русская армия. 1919. 29 июня, 26 окт.; Русский голос. 1919. 19 (6) нояб.

особо подчеркивалось, что, “действуя в полном согласии и контакте с адмиралом Колчаком, генерал Деникин правительственные функции предоставляет Омскому правительству, все же отдельные гражданские задания согласует с распоряжениями Омска”.

Кроме того, сибирская пресса всячески старалась подчеркнуть благожелательное отношение к колчаковскому правительству союзных держав. Например, в одном из обзоров “Русская армия”, ссылаясь в качестве источника на екатеринодарскую “Единую Русь”, писала, что, “по сведениям Добровольческой армии”, среди союзников имя адмирала Колчака пользуется “колоссальной популярностью” и он признается ими “наиболее желательным исполнителем воли Всероссийского правительства, которому они оказывают всестороннюю поддержку”¹.

Другим приоритетным направлением в деятельности информационно-осведомительных органов по-прежнему считалась культурно-просветительная работа. В масштабах всей армии ее курировало действовавшее в составе Осведомительного управления штаба Верховного главнокомандующего культурно-просветительное отделение, преобразованное впоследствии в отдел. При отделении имелась своя драматическая труппа. Только за период с 25 августа по 1 октября 1919 г. силами этой труппы культурно-просветительное отделение организовало в Городском театре и “Кристалл-Паласе” 14 спектаклей для офицеров и солдат Омского гарнизона. Столько же было проведено киносеансов в электро-театре “Гигант”. В общей сложности их посетило свыше 19 тысяч человек. На всех спектаклях солдатам бесплатно раздавалась агитационная литература. Осведверх устроил также серию кинопоказов для раненых в местных госпиталях и лазаретах.

Кроме того, было проведено 4 благотворительных спектакля и 7 киносеансов, доход от которых в размере 74 тысяч рублей предназначался “на культурно-просветительную работу в войсках”. В частности 4,5 тысячи рублей передано 4-й Уфимской дивизии им. генерала Корнилова. За этот же период культурно-просветительное отделение организовало 5 публичных лекций, в том числе 2 – для войск гарнизона². В Ново-Николаевске районная труппа Осведверха под руководством Ф.Ф. Орбелиани устраивала спектакли для населения и войск местного гарнизона в театрах “Альгамбра”, “Мозаика-Гигант” и театре-саду “Сосновка”. В Томске под патронажем районного отделения Осведверха в театре “Новый” были поставлены пьеса К. Гамсуна “У врат царства”, а также оперный спектакль, включавший сцены из “Бориса Годунова” Мусоргского и “Русалки” Даргомыжского.

¹ Русская армия. 1919. 7 марта, 13 июня, 21 сент.

² Сибирская речь. 1919. 16 окт.

В конце лета – осенью 1919 г. в Томске активную работу развернул Осведомительный отдел штаба Омского военного округа. Было сформировано две труппы: оперная и драматическая. В качестве руководителя оперной труппы был приглашен директор музыкального училища К.А. Ардатов. У труппы был свой балет (под управлением В.С. Докучаева¹), хор (под руководством Коломийцева) и оркестр (дирижер Виссонов)². Выступала труппа сначала на сцене “Нового”, а затем и “Интимного театра”, который после проживания в нем беженцев был продезинфицирован и отремонтирован и перешел в ведение Осведомительного отдела³. Для драматической труппы Отдел привлек лучшие творческие силы города: хорошо известного томичам режиссера Драматической студии И.Г. Калабухова, а также артистов, с которыми он работал ранее (Э.Л. Шиловская, Н.Е. Щепановский и др.). Труппа работала в театре “Новый”, ее спектакли получили высокую оценку в прессе. В электро-театре (кинотеатре) “Золотой рог” и театре “Новый” был организован показ фильмов для солдат.

Осведомительный отдел организовал серию поездок на фронт театральных трупп и передвижных кинематографов. Большим успехом пользовались “летучие концерты” известной в те годы исполнительницы русских народных песен М.А. Каринской. В Первую мировую войну Каринская в течении года работала в прифронтовой полосе (Галиция, Молодечно, Рига, Либава), а оказавшись на территории, занятой войсками контрреволюции, ходатайствовала перед А.В. Колчаком о разрешении дать ряд выступлений для солдат действующей армии. “Обычно я устраивала концерты таким образом: на какой-нибудь станции прифронтовой полосы мы останавливались... – делилась она своими впечатлениями с корреспондентом газеты “Сибирская речь”. – Раздвигались двери теплушки, и я, находясь на пороге ее, начинала петь. Всегдашними слушателями моими были, конечно, солдаты и железнодорожные рабочие”⁴.

Свои концерты М.А. Каринская сопровождала лекциями о русской народной песне и раздачей агитационной литературы. Ее деятельность была благожелательно встречена военным командованием. В телеграмме на имя полковника Г.И. Клерже, подписанной командирами 45, 46 и 48-го Сибирских стрелковых полков подполковниками Кондратьевым, Бухвостовым и Чернецким, отмечалось: “Сибирские стрелки сердечно благодарят за высокохудожественное бодрое настроение, навеянное прекрасными песнями Марии Александровны Каринской, воскресившей

¹ В.С. Докучаев – бывший балетмейстер Большого театра.

² Русский голос. 1919. 26 нояб; 29 нояб.

³ Там же. 27 нояб.

⁴ Сибирская речь. 1919. 5 авг. (23 июля).

их для новых жертв ради дорогой родины”¹. Сам Клерже в своих воспоминаниях писал: “Немалую пропагандную энергию проявила... популярная исполнительница народных патриотических песен артистка М.А. Каринская. Своими сольными выступлениями с импровизированных подмостков, созданных из полуоткрытого товарного вагона, М.А. Каринская, можно сказать, «с ума сводила» своих слушателей и разжигала в их сердцах большой патриотический подъем. Район деятельности ее был преимущественно фронт действующей армии, где она стремилась проникнуть возможно ближе к передовым линиям войск и там своей песней, шутками, прибаутками, а то и прямой горячей патриотической агитацией поддержать бодрость духа и силы офицеров и солдат”².

Помимо культурно-просветительного отделения Осведверха аналогичную работу проводили соответствующие подразделения Осведфронта, Осведстепи, осведомительных отделов армий и военных округов. При штабах гарнизонов существовали отделения (секции) по внешкольному образованию и воспитанию. Основная ставка также делалась на зрелищные, развлекательные мероприятия: литературные вечера, кинематограф, театральные и музыкальные постановки, цирковые представления, различные концерты. В отчете местной контрразведки так описывалась деятельность Новониколаевского осведомительного отделения за последнюю неделю ноября 1919 г.: “В понедельник 24 ноября был для 1-го Новониколаевского полка дан бесплатный спектакль – «Каширская старина» (пьеса историческая); 25-го – для населения – «Профессор Сторицын» и патриотический вечер музыки; 26-го – для населения – «Оболтусы и ветрогонь»; 27-го – для населения – «Старый закал» Сумбатова (историческая); 28-го – парадный спектакль в честь первого гражданина возрождающейся России адмирала Колчака; 29-го – духовный концерт (литургия Иоанна Златоуста, музыка Чайковского) для войск гарнизона и населения; 30-го – для населения – повторение парадного спектакля в честь верховного правителя”³.

В начале октября 1919 г. усилиями журналиста-организатора А.К. Соколова был создан культурно-просветительный отдел Мариинского гарнизона, с 25 октября переименованный в осведомительный. В его составе имелись информационная, лекционная, музыкально-драматическая и спортивная секции, а также школа грамоты и библиотека-читальня. За первый месяц работы было устроено 9 спектаклей, доход от которых составил 20 тысяч рублей⁴.

¹ Сибирская речь. 1919. 22 авг. (9 авг.).

² Клерже Г. Гражданская война в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004. С. 318–319.

³ Последние дни колчаковщины. М.; Л., 1926. С. 64–65.

⁴ Русская речь. 1919. 28 окт.

Следует отметить, что театральные коллективы того времени наряду с классической драматургией А.Н. Островского, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова осуществляли постановку пьес посредственных авторов, имевших относительно невысокое культурно-воспитательное значение и низкий литературный уровень.

Весьма разнообразен был музыкальный репертуар. В Омске под эгидой Осведверха неоднократно выступала уже упоминавшаяся исполнительница русских народных песен М.А. Каринская. Концерты-спектакли, устраиваемые для войск гарнизона, включали отрывки из опер Леонкавалло “Паяцы” и Глинки “Руслан и Людмила”. В октябре 1919 г. Осведстепь организовал ряд вечеров камерной музыки с исполнением произведений русских композиторов П.И. Чайковского, С.В. Рахманинова, А.К. Глазунова, А.Г. Гречанинова, А.П. Бородина, А.К. Лядова и Н.А. Римского-Корсакова. Регулярно проходили концерты симфонического оркестра Образцовой егерской бригады под управлением А.А. Берлина.

На фронте, в частях действующей армии, культурно-просветительная работа также велась, хотя и в меньшем объеме. В 3-й армии, например, в период с 15 по 27 ноября 1919 г. сотрудниками-корреспондентами Осведарма были “обследованы” 13-я Казанская, 7-я и 11-я Уральские, 13-я Сибирская стрелковые дивизии; а с 17 по 30 сентября – 3-я кадровая бригада, 4-я Уфимская дивизия, Тюменский и Троицкий полки 2-й Уфимской кадровой бригады, отдельные Егерский и Саткинский полки и “повсюду проявлена энергичная деятельность по насаждению в частях дивизий культурно-просветительных ячеек”¹. В целом ряде частей были организованы школы грамоты с месячным курсом, открыты солдатские клубы, библиотеки, чайные-читальни, в которых имелись газеты, воззвания и другая агитационная литература. Для солдат устраивались спектакли, концерты, проводились лекции и беседы.

Военное командование и идеологический аппарат уделяли пристальное внимание привлечению “к моральному и духовному воспитанию в огромной своей части невежественной солдатской массы”, “оздоровлению и освежению казарменной атмосферы” офицерского состава армии. В приказах Верховного главнокомандующего, его начальника штаба неоднократно указывалось “на необходимость более живого и тесного общения офицера с солдатом, на широкую и серьезную постановку бесед и чтений в казармах, в среде солдат”.

В августе 1919 г. командирам армейских частей, начальникам гарнизонов была направлена специальная телеграмма, “напоминающая вновь о необходимости внушить офицерам немедленно приступить к

¹ Последние дни колчаковщины. С. 46–51.

просветительной работе в войсках”. В телеграмме указывались даже примерные темы бесед, “ведение которых признается наиболее желательным в ближайшее время”; в том числе аграрный вопрос, улучшение условий труда рабочих, деятельность правительства по созыву Национального Учредительного собрания, военные успехи генералов Деникина, Юденича, Маннергейма, Миллера, “сплошным кольцом окруживших совдепию”. При ведении бесед, указывалось в телеграмме, следовало особо подчеркнуть: “Российское правительство объявило, что вся земля будет передана трудящимся, что оно обеспечивает поддержку крестьянского хозяйства, кредиты на доставку кооперативами орудий из Америки, что оно принимает все меры к устройству инородцев и новоселов”¹. Однако в большинстве случаев все эти распоряжения офицерами попросту игнорировались.

Непрерывным условием эффективности средств агитации и пропаганды (брошюр, листовок, плакатов) являются их высокие литературно-художественные качества: красочность, образность, эмоциональная насыщенность. Идеологический аппарат Колчака же испытывал постоянный, весьма острый дефицит творческих сил. В периодической печати регулярно публиковались объявления, приглашавшие на службу в различные пропагандистские учреждения (газетное отделение отдела печати Осведфронта, Осведарм-3, культурно-просветительный отдел Осведверха, Осведстепь, РБП и РОПД) литераторов, журналистов, художников, сценаристов, рассказчиков, куплетистов, музыкантов, капельмейстеров, оперных солистов и церковных певчих.

Для того чтобы в какой-то мере компенсировать недостаток собственных литераторов и художников, привлечь к осведомительной и культурно-просветительной работе творческий потенциал сибирской и приезжей интеллигенции, проводились всевозможные конкурсы. В середине июня 1919 г. Русское бюро печати организовало конкурс на составление брошюр, листовок и прокламаций, в конце того же месяца подобный конкурс устроил Осведверх. В первом случае предлагаемая тематика для изложения включала следующие проблемы: “За что борется наша армия”, “Что я сделал для возрождения Родины”, “Как создавалась здесь Всероссийская государственная власть”, “Что дали большевики крестьянину”, “Что дали большевики рабочему”, “Что сделали большевики с русской интеллигенцией”, “Что сделали большевики с великой русской армией”, “Русское офицерство”, “Русская торговля и промышленность под большевиками”, “Православная церковь и большевики”, “Большевицкий суд”, “Чрезвычайка”, “Жизнь России под

¹ Военные ведомости. 1919. 20 авг.

большевиками” и др.¹ Во втором случае: “Земельный вопрос по законам Российского правительства освобожденной России”, “Возникновение, деятельность и политика Российского правительства, возглавляемого Верховным правителем”, “Война против большевиков и ее цель”, “К чему стремится Российское правительство и его армия”, “Свобода совести и религии и насилия над верой в Советской России”².

Условия обоих конкурсов были сходны: 1) объем брошюр не более одного печатного листа (1000–1500 газетных строк или 30–35 тысяч знаков), прокламаций – 150 газетных строк; 2) они должны быть написаны “простым, живым, лишенным иностранных слов языком, но без подделывания под простонародный язык”; 3) за лучшие брошюры полагались три премии: 3000, 2000 и 1000 рублей.

В июле 1919 г. Русское бюро печати объявило конкурс лубков, плакатов, карикатур на тему “Борьба с большевизмом и возрождение Великой России”; а в ноябре Осведфронт провел конкурс на составление сценариев агитационных фильмов.

Для обсуждения и оценки заявленных сочинений создавались специальные комиссии с участием представителей правительственных ведомств, прессы и кооперации. Примечательно, что при подведении итогов первых двух конкурсов жюри “не нашло возможным премировать ни одну из представленных брошюр”, хотя только в Русское бюро печати было подано 202 работы. Третью премию заслужила листовка Г. Вяткина “Что большевики обещали и что дали”.

Идеологический аппарат Колчака проводил подготовку собственных специалистов в области агитации и пропаганды, для чего были организованы специальные курсы.

Приказом начальника штаба Верховного главнокомандующего № 646 от 15 июня и распоряжением 2-го генерал-квартирмейстера ставки, курировавшего вопросы военной информации и пропаганды, учреждались 3-недельные культурно-просветительные курсы Осведверха. Курсы были двухуровневыми: высшие (старшие) и низшие (младшие); каждые в составе 40–50 слушателей. На высшие курсы из действующей армии и внутренних округов командировались офицеры и солдаты с высшим образованием, “преимущественно из педагогов”. Предполагалось, что слушатели, успешно завершившие обучение, в свою очередь выступят в роли организаторов аналогичных курсов “противобольшевистской пропаганды” на местах – при штабах корпусов, дивизий, военных округов и гарнизонов.

¹ Русская армия. 1919. 17 июня.

² Там же. 26 июня.

Низшие курсы формировались из представителей “солдатской массы”. Причем особо оговаривалось, чтобы отобранные солдаты были “непреренно желающие, надежные, грамотные, смышленные, находчивые, стойко убежденные противники большевизма, по возможности оказывающие влияние на окружающих, дисциплинированные”.

Согласно “Временному положению” во главе курсов на правах командира полка находился заведующий, у которого имелись два помощника – по административно-строевой и инспекторской части; оба на правах командира батальона. На учебные пособия и канцелярские принадлежности было отпущено 8 тысяч рублей, а также 3 тысячи рублей – “на непредвиденные расходы”¹. Для проведения занятий были приглашены преподаватели из числа профессоров, учителей, военных и общественных деятелей, “хорошо умеющих вести классную работу с простонародной аудиторией”. Конспекты их лучших лекций – переработанные слушателями высших курсов с целью придания им “допустимой формы изложения” – планировалось отпечатать для распространения среди войск и населения.

26 октября 1919 г. в Томске были открыты курсы военных информаторов, организованные осведомительным отделом Омского военного округа. Первоначально эти курсы, инициатива создания которых исходила от группы профессоров Казанского, Пермского и Томского университетов и Томского технологического института, предполагалось учредить при Комитете помощи армии, но после переезда в сентябре в Томск штаба Омского военного округа их было решено открыть при штабе округа.

Цель их создания ясно обозначил один из организаторов курсов, профессор Пермского университета А.И. Сырцов: “Выявить смысл борьбы с большевиками, вдохнуть в сердца слушателей курсов идейную основу этой борьбы”. “Слушателям курсов, – отметил он в своей вступительной речи на их открытии, – предполагается подробно разъяснить 4 основных положения: что такое большевизм, что такое русская государственность и национальное самосознание, что такое армия и как бороться с большевиками (техника борьбы)”. Что же касается тех служебных задач, которые в будущем предстоит решать военным информаторам, то они были достаточно подробно изложены заведующим курсами, капитаном Сафоновым. “Курсисты, – указал он, – помня, что армия должна быть вне политики, обязаны будут разъяснять солдатам, что они борются не за какую-либо отдельную политическую партию, а за единую возрождающуюся Великую Россию, удерживая малосознательных солдат от увлечений пропагандой, как слева, так и справа. Вместе с тем

¹ Приказ начальника ШВГ № 646 от 15 июня 1919. Приложения: Временный штат культурно-просветительных курсов; Временное положение о культурно-просветительных курсах (НБ ТГУ); Красный архив. 1928. №3 (28) С. 227.

курсисты должны будут, зависящими от них мерами, бороться и с нежелательными явлениями: мародерство и т.п.»¹

С лекциями на курсах военных информаторов выступали профессора П.Г. Любомиров, А.И. Сырцов, Б.Е. Будде, Н.Н. Фиолетов, С.И. Гессен и др. Предполагалось, что первый выпуск инструкторского отделения этих курсов произойдет приблизительно 3–5 декабря 1919 г. Однако к тому времени пал Омск и колчаковцам было уже не до пропаганды.

Собственную подготовку пропагандистских кадров вело и Русское бюро печати. С этой целью при агитационном отделе РБП были созданы 3 инструкторские школы: в Омске, Томске и Иркутске. В начале осени 1919 г. при Томской инструкторской школе были открыты агитационные курсы по изучению большевизма и прямой борьбы с ним. Кроме того, Агитационный отдел РБП организовал вечерние курсы религиозно-нравственной проповеди, продолжительностью 7 дней, занятия на которых вели бывший ректор Пермской духовной семинарии Н.И. Знамировский, профессора Д.В. Болдырев, Н.В. Устрялов, Н.Н. Фиолетов, священники Овчинников и Садовский.

В области пропаганды с колчаковским осведомительным аппаратом активно сотрудничала православная церковь. Как известно, до революции верхушка Русской православной церкви (РПЦ) относилась к привилегированной части общества. Она обладала определенной властью и влиянием, традиционно поддерживала царский режим и консервативные силы. В то время как революционеры, бросавшие вызов существующему строю, были преимущественно атеистами и, следовательно, являлись врагами не только государства, но и церкви. Поэтому закономерно, что РПЦ оказалась в стане контрреволюции, многие религиозные положения вошли составляющим компонентом в идеологию белого движения, а гонения на церковь служили центральной темой антибольшевистской пропаганды.

“Большевики, – писал Р. Пайпс, – обрушились на религиозную веру и практику с яростью, невиданной со времен Римской империи. Их агрессивный атеизм ранил народную душу гораздо болезненней, чем подавление политического несогласия или введение цензуры. Если забыть об экономических трудностях, ни одно деяние Ленина не принесло больших страданий населению в целом, так называемым «массам», чем профанация их религиозных убеждений, закрытие церквей, синагог, мечетей и преследование священнослужителей”². Используя религиозные настроения, православная церковь могла выступить эффективным фактором мобилизации общественного сознания на борьбу с “воинст-

¹ Русский голос. 1919. 28 (15) окт.

² *Пайпс Р.* Указ. соч. С. 405.

вующими безбожниками”. Тем более что РПЦ располагала необходимыми кадрами, значительными материальными и финансовыми ресурсами, информационными средствами, а также имела богатый опыт идеологического влияния на значительное число верующих.

На деле все оказалось значительно сложнее. Начавшееся с конца XIX в. крушение христианской мировоззренческой парадигмы втянуло в свою орбиту и российскую периферию, вызвав падение значения веры и авторитета церкви. Это позволило выдающемуся русскому мыслителю И.А. Ильину говорить о том, что у современного ему человечества “остались конфессиональные организации, догматы, учения и обряды, но религиозный опыт его утрачивает свою жизнь, подлинность и искренность, силу своего огня и света; а эта немощь лишает его идейной и жизненно-творческой силы и делает его растерянным в борьбе с восставшим и воинствующим безбожием”¹. Это обстоятельство следует учитывать, но и не преувеличивать, рассматривая роль и значение православного духовенства в годы Гражданской войны.

Летом 1918 г. в одном из первых распоряжений управляющий министерством внутренних дел С.С. Старынкевич указывал: “Прошу пастырей всех вероисповеданий употребить свое нравственное влияние на верующих для укрепления в них сознания долга перед Отчизной”². На состоявшемся в ноябре 1918 г. в Томске Всероссийском церковном соборном совещании было образовано Высшее церковное управление (ВЦУ) Сибири во главе с архиепископом Омским и Павлодарским Сильвестром (Иустином Львовичем Ольшевским). “Пастыри церкви, – говорилось в одном из заявлений ВЦУ, – имеют нравственное право на борьбу с большевизмом и никто не должен рассматривать эту борьбу как неподобающую церкви, как вмешательство церкви в политические и общественные дела государства”³.

В борьбе с распространением коммунистической идеологии православное духовенство Сибири задействовало свое влияние на население, использовало религиозные обряды и ритуалы (молитвы, проповеди, крестные ходы, освящение знамен). Высшее церковное управление обязало священников “вести с большевизмом упорную и самоотверженную борьбу, какую ведет с ним наша армия на поле брани”. Одним из основных направлений деятельности ВЦУ являлось издание и распространение религиозно-национальной литературы (брошюры, листовки, прокламации), имевшие четко выраженное пропагандистское значение.

¹ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993. С. 34.

² Сибирский вестник. 1918. 25 авг.

³ Цит. по кн.: Эйнгорн И.Д. Очерки истории религии и атеизма в Сибири (1917–1937). Томск., 1982. С. 58–59.

Так, в конце июня 1919 г. ВЦУ обратилось с двумя воззваниями: “Запрещает ли Христос Спаситель христианам участие в войне? Можно ли воевать с большевизмом?”, “Как должно разуметь пришествие Антихриста? Как придет он?”, которые были разосланы во все епархии и опубликованы в периодической печати. “Ныне не редко встречаются люди, – говорилось в первом воззвании, – которые говорят, что Христос запретил своим последователям всякое сопротивление врагам вооруженной силой и что поэтому нельзя христианам вступать в ряды войск, ведущих борьбу с большевиками, тем более, что среди большевиков много русских братьев по крови и языку”. Разъясняя данный вопрос, иерархи православного клира опирались, прежде всего, на основные постулаты христианского вероучения, авторитет Евангелия. “Идя на брань с врагами мира и порядка, мучителями и убийцами невинных и беззащитных людей, – объясняли они необходимость борьбы с большевизмом, – воин Христов исполняет именно то, что заповедал нам Христос, то есть величайший подвиг самоотверженной христианской любви, где человек жертвует своей жизнью за спасение своего ближнего. На поле брани павший с верой во Христа воин есть христианский мученик... Церковь, пользуясь данной ей духовной властью, повелевает каждому встать на защиту Веры и Родины... Великий грех – непослушание церкви!”¹

27 декабря 1918 года было учреждено Главное управление по делам вероисповеданий, через которое планировалось осуществлять “мероприятия правительства в области отношений Российского государства к вероисповеданиям, в его пределах существующих”². Возглавил новое учреждение, созданное на правах министерства, ординарный профессор Томского университета Павел Александрович Прокошев, входивший также в ВЦУ. Главное управление по делам вероисповеданий совместно с Высшим церковным управлением развернуло активную пропагандистскую деятельность, применяя различные формы агитации. Важная роль при этом отводилась организации передвижных проповедческих отрядов.

26 февраля 1919 г. в Омске под эгидой архиепископа Сильвестра состоялось собрание городского духовенства, представителей церковно-приходских советов, военного министерства и ряда общественных организаций, на котором был заслушан отчет о деятельности первого Омского проповедческого отряда. Проповедческий отряд был создан по инициативе архиепископа Сильвестра и располагал отдельным вагоном-церковью. 28 января он выехал из Омска и в течение месяца находился на передовых позициях Пермско-Уфимского фронта. По пути следования участники отряда вели беседы в воинских частях и с местным насе-

¹ Русская армия. 1919. 17 июля.

² Правительственный вестник. 1919. 14 янв.

лением, начинавшиеся и заканчивавшиеся пением молитв. Тематика этих бесед включала: “Совершенное разорение нашей родины, ее небывалое унижение, поругание храмов, святынь народных, расхищение церковного достояния, оскорбление и истязание епископов и священников, страдание наших отцов, жен и детей под игом советской власти, призывы постоять за родину и веру, защитить угнетенных, разъяснение, что такое национальное учредительное собрание” и т.д.

На обратном пути агитаторы Омского проповедческого отряда побывали в Челябинске, где выступили с 7 проповедями, в которых “обрисовывалось истинное положение дела на фронте”. По сообщению “Правительственного вестника”, “во время своих посещений войсковых частей на фронте отряду неоднократно приходилось убеждаться в бодрой настроенности солдат, в их уверенности в конечной победе над большевиками и большевизмом”. В то же время проповедники отмечали серьезные упущения и недостатки в работе правительственного пропагандистского аппарата, указав на “почти полное отсутствие литературы, газет, а особенно табаку”. “Большевики к стыду нашему, – говорилось в отчете, – наводняют свой фронт газетами, прокламациями, брошюрами, у нас же ничего не делается, а если и делается, то очень мало”¹.

18 апреля 1919 г. в Уфу прибыл второй проповедческий отряд, состоявший из протоиерея М. Орлова, священников Н. Кощеева, И. Попова, диакона В. Епимахова и отставного полковника В.П. Мельникова. Помимо религиозных целей отряд должен был отвезти на фронт пасхальные подарки. Проповеди и беседы “о значении и силе веры православной в истории нашей государственности, о кознях большевиков как германских наемников” сопровождались распространением среди солдат послания Высшего церковного управления, листовок и омских газет. Деятельность проповедческого отряда вызвала одобрение военного командования. “Ваши теплые, сердечные и душевные слова, – указывал в отношении на имя протоиерея М. Орлова начальник 8-й Камской дивизии, – подкрепили и влили в чинов дивизии силу, мужество, крепость, веру и стремление к освобождению сердца России и надежду на светлое воскрешение нашей Великой Родины”.

В отчете о деятельности отряда отмечалось, что большевики крайне враждебно относятся к религиозным настроениям противника, стремятся морально дискредитировать, унижить “христолюбивое воинство”, навешивая оскорбительные для чувств верующих ярлыки. Так, например, 30-й Аскинский полк большевики называли “Иисус-Христовой бандой”, а 31-й Стерлитамакский полк – “бандой Николая Чудотворца”.

¹ Правительственный вестник. 1919. 2 марта.

Исходя из опыта своей работы, участниками отряда был сделан однозначный вывод о том, что “посылка проповедческих отрядов на фронт весьма желательна и полезна в том отношении, что проповедческая деятельность отрядов служит живой связью тыла с фронтом”¹. Поэтому 24 июля 1919 г. ВЦУ приняло решение об организации передвижных проповедческих отрядов для всех фронтов, после чего группы агитаторов-проповедников стали постоянно направляться в действующую армию. К примеру, в середине сентября Высшее церковное управление командировало на фронт протоиерея Н.И. Знамировского и известного миссионера Д.А. Несмеянова².

Непосредственно в войсках религиозно-национальной пропагандой занималось Управление Главного священника армии и флота. “Нам нужно твердо верить, что все успехи наших врагов ничтожны и временны, что эти успехи явились следствием оскудения духа нашей армии, неверия ее в помощь Божию, – писал в Пастырском обращении военному духовенству Сибирской армии Главный священник армии и флота А. Русецкий в декабре 1918 г. – Поэтому нам, пастырям, нужно приложить все усилия к укреплению духа нашей молодой армии, укрепления ее веры в помощь Божию, в правоту своего дела, в свои собственные силы, для чего необходимо нам самим укреплять эти чувства и передать их в молодые, восприимчивые сердца молодых воинов”³.

Для того чтобы успешно влиять на воинские части, считал Русецкий, необходимо стать к ним возможно ближе. Поэтому он обязал армейских священников восстановить утренние и вечерние молитвы, постоянно посещать места расположения воинских частей (окопы и казармы) “со словом утешения, мира и любви”, возможно чаще вести беседы с офицерами и солдатами, а также совершать богослужения (всенощные, литургии, молебны, акафисты), “не стесняясь ни местом, ни временем, ни количеством молящихся”. Кроме того, он призывал военный клир “самим быть примером мужества, стойкости и воинской дисциплины”⁴.

В подчинении Главного священника армии и флота состояло, по данным отечественного историка Н.Ф. Каткова, свыше двух тысяч штатных военных священников, находившихся при армиях, корпусах, дивизиях и полках⁵. Тем не менее с церковных кафедр и со страниц периодической печати постоянно раздавались призывы о широком привлечении

¹ Русская Армия. 1919. 28 мая.

² Там же. 19 сент.

³ Там же. 1918. 14 дек.

⁴ Там же. 14 дек.

⁵ См.: Катков Н.Ф. Агитационно-пропагандистская работа большевиков в войсках и тылу белогвардейцев в период 1918–1920 гг. Л., 1977. С. 22.

православных священнослужителей в ряды действующей армии. “Во имя защиты святой веры, во имя спасения Отечества, во имя поднятия престижа духовенства, – писал благочинный XI армейского корпуса, – необходимо немедленно приступить к мобилизации духовенства – монашеского, эвакуированного, студентов академий, духовенства церковей, где два и более причта и, наконец, если будет недостаток, брать духовенство с приходов, временно приписывая их паству к соседнему приходу”¹.

Деятельность армейских священников освещалась и всячески популяризировалась правительственной и проправительственной периодической печатью². Протоиерей Алексей Русецкий после посещения расположенных на фронте частей Сибирской армии с удовлетворением констатировал: “Авторитет полковых священников стоит очень высоко. Полковые священники переносят все тяжести походной жизни наравне с солдатами. Нередко полковые священники совершали переход с котомкой на плечах... Офицеры и солдаты прекрасно понимают, как истинно православные русские люди, какое громадное значение имеет пастырь Православной Русской церкви для скорбного русского сердца... Все это вызывает у офицеров и солдат любовное и доверчивое отношение к своим пастырям, которые всегда своим примером и живым вдохновенным словом, подобно замученному поляками святителю Гермогену, Патриарху Московскому, зовут и ведут христоролюбивое русское воинство к спасению Москвы и Родины от кощунственного засилья интернационалистов – большевиков”³.

Сменивший А. Русецкого на посту Главного священника армии и флота, протоиерей А. Касаткин также настаивал на том, чтобы военные священники исправно выполняли свой “пастырский долг”. “Неотлучно находясь при своих частях, пастыри должны подавать им не только словом, но и своим поведением, пример полного хладнокровия, мужества и доблести, – указывал он в послании духовенству действующей армии летом 1919 г. – Пастырь должен быть впереди своей паствы, с крестом в руках вести ее вперед за святую Русь и Веру Православную, чтобы своим примером укреплять слабых и поддерживать храбрых”⁴. В том же послании он грозил изгнать из армии нерадивых благочинных, отсиживающихся в обозах.

В октябре 1919 г. должность Главного священника была упразднена. Вместо нее вводилась должность епископа армии и флота. Как писал томский исследователь И.Д. Эйнгорн: “Это был беспрецедентный случай в истории православной церкви, когда епископ получал армейский

¹ Русская армия. 1919. 11 июля.

² См.: например: Из жизни военного духовенства на фронте // Там же. 26 окт.

³ Там же. 11 апр.

⁴ Там же. 15 авг.

титул, а не географический”¹. Верховное церковное управление рассчитывало этой мерой поднять авторитет военного духовенства и тем самым повысить боеспособность армии. Место епископа армии и флота занял епископ Пермский Борис (Владимир Шипулин)². Однако запланированного успеха это нововведение режиму Колчака не принесло.

В апреле 1919 г. в Омске был созван церковный собор Сибири, который принял ряд воззваний к армии и народу. В мае того же года прошел II Томский епархиальный съезд, постановивший активизировать проповедческую деятельность, организовать курсы религиозной пропаганды (в Барнауле и Кузнецке), а также усилить распространение антибольшевистской литературы в сельской местности. Аналогичные съезды прошли весной–летом 1919 г. и в других городах Сибири.

Наряду с организацией устной агитации, главным направлением в деятельности органов православной церкви на территории Урала и Западной Сибири являлось распространение религиозно-просветительской литературы. Ведущую роль в этом играла церковная печать. В Омске издавались журналы “Омские епархиальные ведомости”, “Официальные известия по Омской епархии” (издание Омского церковно-приходского совета) и “Вестник Омской церкви”; в Уфе – журнал “Уфимский церковно-народный голос”; в Тобольске – “Тобольские епархиальные ведомости”; в Томске – журнал “Томские епархиальные ведомости” и газета “Томский церковно-общественный вестник” (издание духовенства и мирян Томской епархии); в Барнауле – журнал “К свету”; в Красноярске – “Енисейские епархиальные ведомости” и газета “Общее дело”. Кроме того, Высшее Церковное Управление с 1 марта 1919 г. издавало журнал “Сибирский благовестник”, а Управление Главного священника армии и флота с сентября того же года – журнал “За Святую Русь”.

Однако, несмотря на значительное количество уже имеющихся изданий, важнейшей задачей церковно-общественных организаций, помимо содействия и поддержки добровольческого движения, являлось создание печатного органа, способного сплотить население на государственной почве, на что справедливо указывала “Русская армия” в конце октября 1919 г. “Эта газета, – отмечалось в статье, – отнюдь не должна быть наполнена одними проповедями и состоять из цитат Священного Писания. Она должна быть такой, которая нужна *русскому* (выделено в тексте. – *Авт.*) человеку”³. В какой-то мере это заявление служит индикатором уровня церковной печати тех лет.

¹ Эйнгорн И.Д. Указ. соч. С. 75.

² Русский голос. 1919. 12 нояб. (30 окт.).

³ Русская армия. 1919. 31 окт.

В начале апреля 1919 г. при Главном Управлении по делам вероисповеданий начала работать издательская комиссия, в задачу которой входила подготовка к изданию брошюр, статей, листовок и другой печатной продукции по вопросам религии, истории и права¹. Еще один издательский центр существовал при Высшем церковном управлении Сибири. Кроме того, изданием литературы религиозного характера занимались “Восточно-Русское культурно-просветительное общество” и Томская епархиальная синодальная типография. Первое было основано еще в мае 1916 г. в Уфе епископом Андреем, входившим в состав ВЦУ. Первоначально общество занималось благотворительной деятельностью и издавало два журнала для сельского населения. С 1 мая 1919 г. в собственность “Восточно-Русского культурно-просветительного общества” перешла газета “Великая Россия”, до этого являвшаяся печатным органом вначале 41-го Уральского стрелкового полка, а затем – штаба Западной Армии².

Православное духовенство Сибири, Урала и Поволжья развернуло широкую печатную агитацию. С одобрения ВЦУ издавались листовки (“Господи, спаси нас, мы погибаем”, “Христианство и социализм”, “Церковь и государство”), прокламации, образцовые проповеди и лекции, другая агитационная литература, в том числе брошюры В.П. Садовского “Большевики и церковь. Доклад высшему церковному управлению” (Омск, 1919), П. Ильинского “Всемирные заговорщики” (Ново-Николаевск, 1919), Е. Аносовой “Братство социалистическое и братство во Христе” (Томск, 1919), Б.П. Иванова “Церковь и революция” (Томск, 1919). Издания церковной печати направлялись в епархии, где они использовались для проповедей, распространялись среди гражданского населения и в воинских частях. Так, в начале 1919 г. в колчаковские войска поступило воззвание Высшего церковного управления “К воинству, подвизающемуся на всех фронтах”, отпечатанное тиражом в 60 тысяч экземпляров.

В соответствии с особым циркуляром штаба Верховного главнокомандующего (июль 1919 г.), духовенство было обязано вести осведомительную работу. В епархиях Сибири при благочиниях учреждались осведомительные отделы³. В типографии Епархиального братства (Томск) печатались издания осведомительного отдела Омского военного округа – газеты “Русский голос” и “Великая Россия”.

Большевики учитывали возросшую пропагандистскую активность православной церкви, и, исходя из этого, строили свою контрпропаганду. “Даже духовенство, – говорилось в листовке Омского комитета РКП(б) (август 1919 г.), – которое читает священные слова Евангелия о

¹ Русская армия. 1919. 3 апр.

² Там же. 16 мая.

³ См.: *Эйнгорн И.Д.* Указ. соч. С. 77.

кротости, смирения, о помиловании врага своего, о любви и лучшие слова Христа: «Взявший меч от меча и погибнет» – и оно превратило амвоны храмов в митинговые трибуны и ведет политическую пропаганду о посылке на фронт агитаторов»¹.

Нравственный упадок и разложение тыла, и, как следствие, нежелание и неспособность сопротивляться, антитеза «фронт – тыл», все это явилось для колчаковского режима важной (и, заметим, неразрешимой) проблемой, неоднократно обсуждавшейся в периодической печати. Подчеркивая в конце мая 1919 г. высокий патриотический подъем в частях действующей армии, агитаторы второго пропагандистского отряда были серьезно обеспокоены моральным состоянием тыла. «Если там, близко к фронту, в местностях, недавно освобожденных от гнета красных, среди солдат и населения царит единодушное негодование против насильников, – говорилось в отчете о деятельности отряда, – то в тылу это мало заметно. Здесь встречается много сочувствующих большевизму... Ему [тылу], одурманенному различного толка «товарищами» – агитаторами, пришлось по сердцу и стала понятной только одна из свобод – свобода от всяких обязанностей к государству и обществу». «Вот почему, – подчеркивалось далее в отчете, – мы находим крайне необходимым и спешным организовать широкую проповедческую деятельность для оздоровления тыла»².

В плане понимания того, как идеологический аппарат белой Сибири воспринимал и интерпретировал данную проблему, особый интерес представляет передовая статья «Военных ведомостей» от 15 августа 1919 г. Вслед за профессором Оксфордского университета Барроу, на мнение которого он неоднократно ссылается, автор статьи приходит к убеждению, что с большевизмом нельзя бороться только физической силой. «Большевизм, – считал он, – есть зло, главным образом, моральное, и уничтожение его внешних проявлений, его армии, его бесчисленных совдепов и комитетов еще не будет значить победу над ним». В то же время общественные круги, по мнению автора, не осознали всей опасности, поэтому усилия осведомительных органов, направленные на разоблачение и искоренение коммунистической пропаганды, разбиваются о «внутренний», «обывательский» большевизм. К последнему относятся: «открытая спекуляция, ничем не прикрытая жажда наживы», «одурманивание вином, опиумом, чувственными удовольствиями», «стремление к легкому существованию», «признание мерилom всех ценностей свои личные узко-эгоистичные выгоды», «стремление получить

¹ Цит. по кн.: В борьбе с контрреволюцией: Сб. документальных материалов. Омск, 1959. С. 150.

² Русская армия. 1919. 28 мая.

хоть какую-нибудь власть во имя личных, классовых, партийных или профессиональных выгод”, а также “забвение всех высших ценностей духа, всех идеалов тысячелетней культуры”. Эти проявления “внутреннего” большевизма, присущие в значительной степени городскому населению, пагубно действовали и на деревню. “Моральное разложение, атрофия высших и крепчайших устоев религии, морали и права приняла слишком большие размеры, заразила слишком большой круг лиц”. Единственное средство спасения, и в этом автор вполне солидарен с профессором Барроу, виделось в религиозном перевоспитании русского народа. “Давно пора перестать снисходительно и презрительно относиться к религиозным вопросам, — делает вывод автор статьи, — ибо все культурное человечество считает религию основой всякого подлинно культурного существования и самым могучим фактором развития государств и народов”¹.

Клерикальные круги Сибири стремились создать новую систему церковно-государственного управления. В основе нового устройства, по их мнению, должен был быть приход, как административная единица, наделенная экономической самостоятельностью. С подобной идеей церковные иерархи неоднократно выступали на страницах газет. Она обсуждалась и популяризировалась в периодической печати. “Очевидно, что государственные элементы деревни, — указывал епископ Уфимский Андрей, — совершенно не организованы, и поэтому вовсе не в состоянии себя как-нибудь защитить”. “Элементарной формой общественности”, более близкой для народа по сравнению с волостью, которая могла бы противостоять “бациллам большевизма”, он считал приход, руководимый приходским советом. “Борьба с безнравственностью — это первая обязанность церковно-приходских советов, и если они будут организованы — большевикам в таких приходах делать будет нечего, вернее — им не позволят нечего делать!” — заключает епископ Уфимский².

На усиление роли приходов в общественно-политической жизни Сибири были направлены “Положение о православном приходе” и постановление “О приходском духовенстве”, разработанные Высшим Церковным Управлением. Под руководством священников приходы должны были, по замыслу церковного руководства, стать центрами антибольшевистской пропаганды. Данная система предусматривала организацию приходов в объединения, союзы, братства. К осени 1919 г. в Томской епархии функционировал “Томско-Алтайский союз приходов и других церковных установлений”, в Красноярске — “Общество объединенных приходов на территории Всероссийского правительства”, а в

¹ Военные ведомости. 1919. 15 авг.

² Русская армия. 1919. 27 сент.

преддверии созыва Государственного совещания разрабатывалась даже программа церковно-приходской партии.

Летом–осенью 1919 г. происходит усиление религиозно-мистических настроений, деятельно раздувавшихся правой прессой. Это, в частности, легко проследить по изменению тональности газеты “Русская армия”. Резко возрастает количество публикаций, в которых отчетливо звучат апокалиптические и эсхатологические мотивы: тема борьбы света и тьмы, пришествия Антихриста и грядущего “Царства зверя”. Большевики рисовались коварными силами, представляющими Сатану, а революция – делом рук дьявола, в то время как белая борьба считалась “промыслом Божиим”. Идеологи сибирской контрреволюции всячески старались подчеркнуть религиозный характер белого движения, представить, что борьба идет “главным образом за святыню православную, за церковь, веру и отечество”¹.

Религиозная тематика стала занимать ведущее место в агитации и пропаганде. “Единственная наша надежда и упование, единственная сейчас здоровая и мощная сила, единственная скала, о которую может разбиться все враждебное русскому народу и русской государственности, – указывалось в статье “Задачи церковно-общественных организаций”, опубликованной в “Русской армии” – это Святая наша Церковь. Только она одна может спасти сейчас нашу Русь; только объединившись вокруг нее и живя в духе ее начал, мы излечимся от озверения и одичания, от праздности и разврата. Ничего другого у нас нет”². Верховный правитель, адмирал Колчак признавал при встрече архиепископу Сильвестру: “Ослабла духовная сила солдат. Политические лозунги, идея Учредительного собрания и неделимой России больше не действуют. Гораздо понятнее война за веру, и это может сделать только религия”³.

В этой связи иерархи церкви активизировали проповедческую деятельность, направленную на мобилизацию населения Сибири, включение его в борьбу с советской властью. “Теперь, – призывал епископ Уфимский Андрей, – мы должны проявить все наивысшее напряжение воли, чтобы забыть все свои личные интересы и заботиться только о спасении нашей Родины, о родном русском народе. Сколько кто имеет возможности, все должны идти на фронт и думать о фронте, о наших солдатах, чтобы прийти к ним на помощь”⁴. 3 сентября 1919 г. духовенство организовало в Омске “День покаяния и молитвы”. В городских, приходских и пригородных храмах состоялись литургии, сопровождавшиеся чтением акафиста святому кресту, после чего крестные ходы из

¹ Русская армия. 1919. 11 июля.

² Там же. 31 окт.

³ Там же. 3 сент.

⁴ Там же. 31 окт.

всех омских церквей направились к Кафедральному собору, где архиепископ Сильвестр совершил молебен “о даровании победы нашему христоролюбивому воинству”. По окончании богослужения к собравшимся обратился ряд ораторов, призывавших “встать на защиту поруганных большевиками Веры, Церкви и Родины”¹.

К этому же времени относится организация в Сибири добровольческого “крестоносного” движения, в основе которого лежала идея создания воинских частей на религиозной основе. Замысел подобных формирований у идеологов белой Сибири вызревал уже давно. Так, некий Евгений Саратовцев еще в начале весны 1919 г. высказался за учреждение “Русских православных дружин по орденскому принципу”.

В июне 1919 г. в Омске под руководством протоиерея Рождественского² образовалось “Православное братство Святытеля Гермогена”³. К середине осени в “Церковно-народном братстве Святытеля Гермогена” состоялось уже свыше 40 духовных и светских лекторов⁴. В августе один из организаторов братства, профессор Пермского университета Д.В. Болдырев заявил, что “большевизм из чисто политического учения превратился теперь уже почти исключительно в антирелигиозное атеистическое движение” и призвал к созданию “дружины Святого Креста”⁵. Эта идея была сразу же подхвачена идеологическим аппаратом Колчака и вылилась в массовую пропагандистскую кампанию. “Очередная шумиха, – писал с присущим ему сарказмом генерал А.П. Будберг, – это дружины креста и полумесяца; провалившись на первом этапе своей добровольческой авантюры, ее создатели, при помощи услужливого осведомления, стали грохотать, что весь путь добровольчества – это религия и защита ее от большевиков; посему зазывание, уговаривание и вербовку надо производить в церквях, с надлежащим подогревом”⁶.

Пропаганда “крестоносного” движения велась на страницах “Русского голоса”, “Нашей газеты”, “Русской армии”, “Надежды России”, “Сибирской речи”, “Великой России”, “Русского дела”, “Русской речи”. “У большевиков, – писала, к примеру, 18 сентября 1919 г. новониколаевская “Надежда России”, – появился новый грозный враг – дружина Святого Креста, или сокращенно – крестоносцы. Враг, которого не сманишь на свою сторону лживыми обещаниями, не прельстишь земным раем, не смутишь самохвальными выкриками, не испугаешь и оружием”⁷.

¹ Сибирская речь. 1919. 3 сент.

² Великая Россия (Томск). 1919. 1 окт.

³ Русский голос. 1919. 30 (17) окт.

⁴ Русская речь. 1919. 22 окт.

⁵ Русский голос. 1919. 30 (17) окт.

⁶ Дневник барона А. Будберга // АРР. М., 1993. Т. 15. С. 305.

⁷ Надежда России (Ново-Николаевск). 1919. 18 сент.

Среди населения Сибири распространялись воззвания, призывавшие принять участие в “крестовом походе против богоотступников-коммунистов”, духовенство побуждало верующих записываться в религиозные воинские части, действовали также отряды проповедников-агитаторов, осуществлявшие вербовку в добровольческие дружины. 15 августа был проведен День Святого Креста. В Омске перед Кафедральным собором с призывом записываться в “крестоносные дружины” выступили протоиерей Рождественский, профессор Д.В. Болдырев, В. Иванов, А.П. Эрахтан и Н.И. Миролюбов. Здесь же осуществлялась запись в добровольцы. Официальная пропаганда стремилась подчеркнуть, что “необычайным подъемом религиозного духа” охвачена и территория Советской России, причем взрыв религиозных настроений наблюдается “не только среди гонимых и страждущих обывателей «социалистического рая», но даже и среди красноармейцев”¹.

Начиная с сентября 1919 г. в городах Сибири (прежде всего в Омске и Томске) начинается формирование добровольческих дружин Святого Креста. Источником пополнения религиозных воинских частей, помимо добровольцев-сибиряков, являлись беженцы с Урала и Поволжья. Вербовка добровольцев велась также в казачьих войсках. Кроме того, по распоряжению военного министерства в дружины Святого Креста были переведены офицеры и солдаты старообрядцы из других воинских подразделений. “Всюду нарождаются добровольные формирователи, – писал генерал Будберг, – рвущие последние запасы снабжения”².

Правая пресса с восторгом трубила о грандиозном успехе “крестоносного” движения, о его массовом характере, о том, что только в Омске “записывающихся в крестоносцы насчитывают уже тысячами”. Газеты устроили ажиотаж вокруг записи в добровольцы профессора Д.В. Болдырева, призывая других последовать этому примеру. “Платные перья, захлебываясь от патетического восторга, описали отправку на фронт первой дружины святого Креста – единственный, пока, результат месячного раздувания добровольческого подъема; картинно описывается, как на правом фланге шел унтер-офицер Болдырев – профессор и организатор добровольческого движения, но упущено добавить, что шел только до вокзала, откуда вернулся на свое место в осведомительном отделе и отбыл в Новониколаевск проповедовать новый крестовый поход”, – язвительно писал по этому поводу генерал Будберг³.

Эта кампания в большей степени носила пропагандистский характер и не имела сколько-нибудь серьезного значения для повышения

¹ Надежда России. 1919. 18 сент.

² Дневник барона А. Будберга. С. 317.

³ Там же. С. 320.

боеспособности армии. Добровольцев набралось не более нескольких сотен по всей Сибири. Население без особого энтузиазма восприняло агитаторскую деятельность “Братства Святителя Гермогена”. В частности, Бийский биржевой комитет “отнесся к омским проповедникам очень сухо и не только не дал никаких средств, но не захотел их даже выслушать”¹. Не имели успеха и воинские части на религиозной основе (дружины Святого Креста, полки Иисуса и Богородицы).

Пропагандистскую деятельность на территории Сибири в годы Гражданской войны вели также представители других конфессий. В организации дружин Святого Креста, наряду с православным, участвовало лютеранское и старообрядческое духовенство. В Барнауле выходил журнал “Сибирский старообрядец”. Мусульманские священники руководили формированием отрядов “зеленого знамени”. При штабе Верховного главнокомандующего действовало Управление Главного мульты, издававшее газету “Взнен газета хакикат” (“Наша газета – хакикат”)². Как верно заметила одна из газет: “То, что делает православная церковь, другие повторяют только в миниатюре”³.

К середине лета 1919 г. количество осведомительных и культурно-просветительных учреждений возросло настолько, что они начали дублировать друг друга, а в их деятельности начал наблюдаться некоторый диссонанс. К тому же рост правительственного идеологического аппарата не прекращался и далее. “В настоящее время, – писал 16 октября 1919 г. и.о. главноуправляющего делами Верховного правителя и Совета министров К.П. Харитонов начальнику штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанту М.К. Дитерихсу, – существует целый ряд различных осведомительных органов (Осведверх, Осведстепь, Осведвосток, Осведомительный отдел Сибирского казачества, Русское бюро печати и фронтовые организации при штабах армий), подчиненных различным учреждениям и управлениям, военным и гражданским, преследующих в своей работе, в основных чертах, те же цели – дать правильную информацию солдату и крестьянину о действиях правительства и его агентов и осветить причины и цели борьбы Русской государственности с большевизмом. Вместе с тем при всей общности их целей и задач, эти учреждения, нередко работают без достаточной связи между собой. Наблюдается крайне вредная для дела конкуренция и параллелизм в работе”⁴.

¹ Русское дело. 1919. 21 окт.

² Наша газета. 1919. 19 окт.

³ Русская армия. 1919. 19 окт.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-4910. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

В своих воспоминаниях начальник Осведомительного отдела штаба Верховного Главнокомандующего полковник Г.И. Клерже рисует чуть ли идиллию во взаимоотношениях между аппаратом военной пропаганды и “Русским обществом печатного дела”. “Между Осведверхом и этим Бюро (имеется в виду Русское бюро печати. – *Авт.*), – писал он, – как это ни странно, существовали самые хорошие и благожелательные отношения. Помогало этому, прежде всего, полное взаимное понимание и взаимно-доброжелательные настроения. Особенно хороши были личные отношения между автором настоящих воспоминаний и главным директором Бюро печати Клафтоном... Очень живое общение с Осведверхом поддерживали тогда нынешний сменовеховец профессор Н.В. Устрялов, М.С. Лембич и Л.В. Арнольдov”¹.

В реальности все было не так гладко. Военные, а также некоторые представители политических кругов отнеслись к созданию “общественного информационного бюро” с большой долей недоверия. 14 мая 1919 г. член правления АО РОПД Н.В. Устрялов записал в своем дневнике: “Плохо и в сфере нашего предприятия. Идет травля против него и справа, и слева – из военного лагеря и от эсеров. Возможно, что дело кончится неутверждением Верховным правителем постановления Совета министров о передаче в наше ведение телеграфных агентств. Любопытно, что ген. Марковский будто бы уверен, что предприятие попало в руки... эсеровской компании, в то время как эсерствующие газеты видят в его создании попытку «кадетизации общественного мнения» ...Надо «бороться», «нажимать пружины», – все это перед лицом грозного положения на фронте. При всем желании «пихорадочно работать» подчас руки опускаются”.

Таким образом, была насущная потребность как-то упорядочить работу учреждений, придать им вид стройной системы. Начало работы по координации деятельности правительственных органов информации и пропаганды было положено периодически созываемыми междуведомственными совещаниями по делам печати при Главном штабе (март-май 1919 г.). Опыт их проведения показал необходимость постоянно действующей организации подобного рода, поскольку, как писали “Военные ведомости”, “совещания, собирающиеся периодически, не могут вполне заменить собой постоянную практическую работу и что для объединения руководства делом осведомления в стране необходим специальный быстрый действующий аппарат”². Осведомительный отдел штаба Верховного главнокомандующего разработал план создания “Бюро междуведомственной связи” при Осведверхе, сообщения об этом появились на страницах периодической печати, однако дальнейшего развития этот проект не имел.

¹ Клерже Г. Гражданская война в Сибири. М., 2004. С. 320.

² Военные ведомости. 1919. 17 июля.

Согласование деятельности идеологического аппарата сибирской контрреволюции велось как по линии информации и осведомления, так и по линии культурно-просветительной работы. Летом 1919 г. под эгидой Осведверха было проведено несколько совещаний, на которых предполагалось упорядочить деятельность военно-осведомительных организаций, выработать единую стратегию и тактику в области агитации и пропаганды. Первое из них состоялось 26 июня 1919 г.; в его работе приняли участие представители военного ведомства и министерств, сотрудники периодических изданий. Представитель Ставки генерал-майор П.Ф. Рябиков ознакомил присутствовавших с инструкцией большевиков, в соответствии с которой “их заграничные агенты должны внедрять повсюду большевизм”. С докладом, в котором были изложены впечатления и выводы от поездки по Сибирскому казачьему войску, выступил полковник Поротиков. Отметив “бодрое, государственное настроение среди казачества”, он тем не менее высказал пожелание, чтобы “оно более широко информировалось сообщениями о деятельности правительства, о положении дел на фронтах, так как в тех уездах (Петропавловский, Кокчетавский), где ему удалось побывать, население информируется пока еще слабо”.

Полковник Поротиков, а также выступавший вслед за ним другой казачий офицер указывали на “необходимость, помимо посылки на места печатной информации, командирования туда также людей, которые живым словом могли бы дополнить написанное, разъяснить непонятное, ибо на опыте оба докладчика убедились в действительности и целесообразности такого рода информации населения, зачастую неграмотного или полуграмотного”. Что же касается практических мер, то в ходе совещания было высказано пожелание привлечь к агитации вернувшихся из германского плена через Советскую Россию, которые “своими глазами видели те ужасы, тот развал государства, к которому привело господство большевиков и поэтому их правдивые рассказы особенно авторитетны для народа”.

В качестве средств наглядной агитации предлагалось использовать материалы об осквернении большевиками храмов и икон, так как “при рассматривании фотографических снимков, изображающих указанные коштунства, крестьяне приходят в ужас и отчаянье, нередко плачут”. Для распространения среди сибирского казачества рекомендовалась брошюра с описанием “подвигов Уральских казаков”, поскольку “рассказы об их геройской борьбе... производят большое впечатление”. В целом на совещании был сделан вывод о том, что “в последнее время как военными, так и гражданскими учреждениями осведомления и печати произведена уже значительная работа”¹.

¹ Русская армия. 1919. 29 июня.

9 июля 1919 г. в Екатеринбурге было проведено совместное совещание сотрудников Осведверха и “Русского общества печатного дела” под председательством профессора Лондонского университета Пэрса. Совещание было посвящено вопросу постановки информационного и просветительного дела в действующей армии. На совещании также присутствовали редактор “Отечественных ведомостей” Е.С. Синегуб, заведующий издательством “Отечественных ведомостей” Г.А. Белевский, помощник редактора и секретарь той же газеты В.К. Самсонов, редактор газеты “Отечество” М. Кузнецов, секретарь газеты “Отечество” Калинин, беллетрист Е. Лессовой и журналист Н.Е. Ончуков.

Совещание пришло к единодушному решению о том, что вся ведущая работа должна быть объединена как организационно, так и по содержанию. “Лживой и демагогичной, но планомерной и настойчивой пропаганде большевиков, должна быть противопоставлена столь же планомерная и единообразная работа осведомления и убеждения”.

Участники совещания пришли к выводу, что со стороны внутреннего содержания эта работа должна быть свободна от какой бы то ни было партийности, а также опираться на государственную программу Верховного правителя, которую осуществляет Российское правительство. Следовательно, весь информационно-просветительный аппарат от центра до местных организаций должен руководствоваться директивами Верховного правителя.

К работе предполагалось привлечь всех способных людей, как военных, так и гражданских. Средства для информационно-просветительной деятельности должны были ассигноваться “в масштабе широкогосударственном”.

Сама работа подразумевала: 1) издание газет, иллюстрированных журналов, брошюр, картинок, листовок и т.п.; 2) проведение лекций и формирование подвижных групп для устного собеседования с солдатами; 3) в организации на фронте различных развлечений (театр, концерты, кинематограф и др.).

Для улучшения организации совещание предложило учредить особый центральный информационный штаб, подчиненный непосредственно Верховному правителю и получающий от него руководящие указания. Предполагалось, что в области печатного дела штаб будет осуществлять свою работу через омское информационное бюро.

В своей деятельности центральный информационный штаб должен был опираться на соответствующие аналогичные армейские особые штабы или особые канцелярии¹, при которых, в свою очередь, создава-

¹ В качестве примера таковой приводилась Особая канцелярия информационного отдела при Южной армии.

лась подчиненная им сеть полевых особых штабов, ведущих работу непосредственно в боевых частях. Инициативу штабов предполагалось ограничивать лишь общими директивами, в выборе же конкретных форм деятельности поощрялась самостоятельность. Работа полевых штабов должна была стать душой всего дела, поскольку в их задачу входило не только распространение материала, поступающего из центра, но и организация лекций, проведение устных бесед с солдатами, выпуск воззваний в соответствии с обстоятельствами времени и т.д. Строевое командование не должно было препятствовать работе особых штабов, если их деятельность не противоречит директивам Верховного правителя.

Для успеха дела выдвигалась идея широкого привлечения к работе людей не только военных, но и гражданских, “отдающих себе полный отчет в политических и психологических особенностях гражданской войны и хорошо знакомых с условиями и требованиями своей работы”¹. Наряду с этим информационно-просветительная работа должна была сочетаться с деятельностью государственных и общественных организаций, направленной на улучшение жизненных условий солдат (создание питательных пунктов, чайных, бань, передвижных театров)².

13 июля того же года начало свою работу, которая продолжалось несколько дней, совещание военно-пропагандистского аппарата с участием представителей осведомительных органов армий (осканармов), тыловых округов (осведокров) и казачьих войск. Программа совещания включала вопросы общего руководства осведомительной работой, постановки издательского дела, экспедиции и устной агитации. В работе совещания принял участие 2-й генерал-квартирмейстер штаба Верховного главнокомандующего, генерал-майор П.Ф. Рябиков. Открывая первое заседание, он “указал на важность широкой постановки дела осведомления в частях войск и населения”, сравнив “присутствие налаженных осведомительных аппаратов в части с присутствием тяжелой артиллерии”³. Для планомерной и целенаправленной работы, направленной на “подъем духа” на территории, занятой колчаковскими войсками, и разложение фронта и тыла Советской России, особенно важным были признаны подбор кадров, мобилизация “интеллигентных работников” (профессоров, учителей, учащейся молодежи). При этом рекомендовалось “не ограничиваться, а может быть и избегать, назначать на такую ответственную работу офицеров”. Совещание признало целесообразным привлечение к изданию агитационных материалов специалистов-литераторов, “обладающих, кроме знания дела, способностью просто,

¹ ГА РФ. Ф. 952. Оп. 1. Д. 6. Л. 34.

² Там же. Л. 33, 34, 35.

³ Красный архив. 1928. Т. 3 (28). С. 225.

ясно и живо излагать затронутые темы”. Из участников совещания была организована комиссия по выработке штатов осведомительных органов армий, внутренних (как в армиях) и тыловых округов, корпусов, дивизий и полков. Разработанные комиссией штаты были одобрены генерал-майором Рябиковым, причем для штаба Омского ВО было предложено применить штаты тыловых округов, так как на его территории располагался центральный военно-пропагандистский орган – Осведверх, и вследствие этого он находился в более выгодном положении.

“Признано необходимым, – отмечал один из присутствовавших на совещании офицеров, – прислушиваясь к настроениям и желаниям масс, и в зависимости от того или другого разъяснять истинный смысл распоряжений и взглядов правительства и, с опубликованием распоряжений или закона, здесь же помещать пояснение простым языком с конкретными примерами”¹. Кроме того, решено было обратиться более пристальное внимание на популяризацию, через издание брошюр и портретов, лидеров белого движения (в частности адмирала Колчака).

Для координации усилий в области внешкольного образования и воспитания было намечено провести Совещание по объединению культурно-просветительной работы правительственных и общественных организаций. По инициативе министров финансов, иностранных дел и народного просвещения Совет министров колчаковского правительства на заседании 24 июня 1919 г. принял решение создать его 20 июля. На Совещание намечалось пригласить 150 участников. Продолжительность работы была определена в две недели². 8 июля правительство приняло новое постановление, в соответствии с которым начало Совещания было перенесено на 15 августа, а количество участников увеличено до 180, в связи с предоставлением 30 мест уездным земствам. Было принято решение о том, что на совещании будут представлены все типы сибирских школ, включая профессиональные³. Кроме того, была образована подготовительная комиссия под председательством министра народного просвещения и утверждено “Положение о Совещании”, согласно которому целью данного съезда было “рассмотрение деятельности правительственных и общественных организаций в области культурно-просветительных мероприятий и создание плана этой работы на ближайшее будущее”. На совещание предполагалось пригласить министров народного просвещения, земледелия, торговли и промышленности, военного, морского, иностранных дел, финансов, путей сообщения, внутренних дел, труда, Главноуправляющего по делам вероисповеданий,

¹ Красный архив. 1928. Т. 3 (28). С. 227–228.

² Русская армия. 1919. 26 июня.

³ Там же. 12 июля.

Государственного контролера или их заместителей; по одному представителю от губернских земств, казачьих войск и высших учебных заведений; 30 делегатов от уездных земств, 15 – от губерний и других крупных городов, столько же от кооперативов и губернских учительских организаций, 6 – от губернских объединенных родительских комитетов, 8 – от организаций, работающих по вопросам инородческого образования, 25 представителей ведомств. Совещание было полномочно: “а) рассматривать план и деятельность ведомств в области культурно-просветительной работы; б) делать правительству представления о необходимых мероприятиях в этой области; в) обсуждать разработанные надлежащими ведомствами законопроекты по вопросам, касающимся культурно-просветительной деятельности общественных организаций”¹. В ходе развернувшейся подготовительной работы состоялось 2 заседания оргкомиссии с участием представителей министерств, земств, городов, кооперативов и учительских организаций, а также 23 заседания междуведомственных комиссий, в результате которых было достигнуто соглашение относительно устройства и программы Совещания². В газетах даже появилось сообщение, что организациям-участникам уже разосланы приглашения³. Однако постановлением Совета министров от 25 июля начало совещания вновь переносится, на этот раз на “неопределенное время”. Сделано это было, “принимая в соображение исключительную трудность в настоящее время передвижения по железной дороге и переполнение не только города Омска, но и других городов Сибири беженцами”⁴. И хотя сообщалось, что “сама мысль о созыве указанного совещания отнюдь не оставлена”, больше к этому вопросу не возвращались.

Попытку выработать единую стратегию и тактику культурно-просветительной работы в войсках и среди населения предпринял Совет культурно-просветительных организаций Омска. Инициатива исходила как со стороны Совета, который на одном из заседаний постановил “вывести совет из состояния организации и направить на путь реальной работы среди народных масс”⁵, так и от Акмолинской областной земской управы. В конечном счете, было решено провести совещание с участием представителей омских культурно-просветительных учреждений, как входивших в совет, так и автономных осведомительных органов и земств. Целью совещания была выработка общей программы. Предполагалось также заслушать сообщения об условиях работы на местах.

¹ Правительственный вестник. 1919. 2 авг.

² Русская армия. 1919. 12 июля.

³ Сибирская речь. 1919. 11 июля (28 июня).

⁴ Там же. 30 (17) июля.

⁵ Там же. 16 сент.

Совещание прошло в конце сентября 1919 г. Большинство докладчиков – В.Е. Парунин (председатель Областной земской управы), С.И. Акерблом (редактор “Известий Министерства земледелия”), Садвакасов (от казахской культурно-просветительной организации “Жаз-Азамат”), В.А. Словохотов (от земства), О.А. Мирославская (Министерство народного просвещения), И.Я. Блиновский (Центросибирь) и другие – акцентировали внимание на необходимости “объединить силы и средства всех организаций, занимающихся культурно-просветительской деятельностью, чтобы планомернее, целесообразнее и экономнее использовать их”¹.

Представитель Осведверха В.В. Рябов указал на “почти полный распад культурно-просветительных организаций вследствие мобилизации культурных организаций”. Тем не менее он настаивал на консолидации “организаций в деле просвещения и политического воспитания солдат и населения” и обещал помощь со стороны осведомительного отдела техническими средствами. Сотрудник редакции газеты “Русь” В.А. Анзимиров обратил внимание на необходимость печатного органа “объединенной общественности”.

Подводя итоги, председатель совещания В.Е. Парунин резюмировал: “1. Культурно-просветительная работа на местах среди населения возможна и ведется, хотя и встречает большие и весьма серьезные затруднения. 2. С целью устранения этих затруднений необходимо объединить все силы и средства культурно-просветительных организаций и необходимо сосредоточить главное внимание на тех видах и формах просветительной деятельности, которые наиболее соответствуют переживаемому моменту”².

Но процесс объединения затянулся. Только к концу сентября 1919 г. общее собрание осведомительных и культурно-просветительных организаций Омска одобрило для внесения в Совет министров проект положения о Центральном совете. Этот орган ставил своей целью “объединение деятельности учреждений и организаций правительственных, общественных, кооперативных и иных ведущих осведомительную и культурно-просветительную работу и ставит своими задачами способствовать направлению и согласованию деятельности объединившихся учреждений и организаций в целях распространения и углубления среди населения идеи демократической государственности, принятию правосознания и развитию чувства гражданственности”.

Создававшийся совет должен был содействовать развитию деятельности учреждений и организаций, “ведущих осведомительную и культурно-просветительную работу и способствовать наиболее эконо-

¹ Русская армия. 1919. 25 сент.

² Там же.

мичному и продуктивному использованию культурных сил и технических средств объединившихся учреждений и организаций. Входящие в Совет учреждения и организации остаются автономными в определении задач, средств и форм своей специальной деятельности”.

В состав Совета предполагалось включить представителей “правительственных центральных учреждений и организаций, военных центральных, армейских, корпусных и войсковых казачьих учреждений, общественных учреждений и организаций, кооперативных и профессиональных объединений и ученых учреждений государственного значения”, ведущих осведомительную или культурно-просветительную работу. Совет должен был разрабатывать общий план деятельности этих учреждений и организаций, вопросы, связанные с осведомительной и культурно-просветительной работой, распределять между ними технические средства. Помимо этого, он должен был взять на себя посредничество между учреждениями и организациями, как объединившимися в Совет, так и не вошедшими в него, заниматься издательской деятельностью (книги, брошюры, периодические издания), а также распространять эту печатную продукцию¹. Однако и этот проект не был реализован.

Таким образом, при наличии ряда инициатив реального объединения и согласования информационно-пропагандистской, военно-осведомительной и культурно-просветительной деятельности не произошло. По свидетельству Г.К. Гинса, в октябре 1919 г., узнав о том, как обстоит “организационная сторона осведомительного дела”, адмирал А.В. Колчак принял решение “закрывать все многочисленные осведы, объединив их в одну организацию, чтобы сэкономить средства, сократить служащих и устранить постоянное повторение одних и тех же сюжетов”². Время, однако, было упущено. 14 ноября пал Омск, правительство спешно эвакуировалось в Иркутск. В таких условиях военно-политическому руководству белой Сибири было уже не до информации и пропаганды. По пути отступления колчаковских войск было брошено большое количество печатной техники, бумаги. В Омске, например, красноармейцы обнаружили 20 вагонов типографского оборудования, еще 26 – в Ново-Николаевске³. В Восточную Сибирь успела эвакуироваться только часть осведомительных органов. В Иркутске, куда был переведен ряд подразделений РБП (Пресс-бюро, РТА, бюро иностранной информации), под руководством Н.В. Устрялова некоторое время продолжала выходить “Наша газета”, печатались “Бюллетени «Русского

¹ Русская армия. 1919. 28 окт.

² Гинс Г.К. Указ. соч. Т. 2. С. 366–367.

³ Посадсков А.Л., Гильди Л.А. Печать и книжное дело в Сибири в условиях “военно-коммунизма”. Новосибирск, 1987. С. 30.

дела»¹. В Забайкалье продолжала издаваться “Русская армия”, ставшая к тому времени официальным органом штаба каппелевских войск. Однако их пропагандистское значение фактически сводилось к нулю. 2 января 1920 г. правление АО РОПД приняло решение о самоликвидации.

¹ Подробнее об эвакуации РБП и его деятельности в Иркутске см.: *Посадков А.Л.* К истории эвакуации Русского общества печатного дела (октябрь 1919 – январь 1920 г.) // История белой Сибири: Тез. Третьей науч. конф. Кемерово, 1999.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опыт революции и Гражданской войны в России со всей очевидностью показал значение идеологии как мобилизующего фактора и инструмента достижения легитимности в переломные моменты жизни общества.

Отсутствие у белого движения единой идеологической платформы, четкой рационально обоснованной концепции дальнейшего социально-экономического развития страны и, в конечном итоге, привлекательной для широких слоев населения политической программы серьезно сказалось на организации антибольшевистской пропаганды, наложив отпечаток в первую очередь на содержание пропагандистских сообщений.

Первоначально идеологи сибирской контрреволюции считали неприемлемым применение мер пропагандистского воздействия, аналогичных большевистским. Во многом это являлось следствием негативного отношения белого офицерства как к “политике”, под которой они понимали главным образом антигосударственную деятельность, так и к “агитации” и “пропаганде” в частности. Военные предпочитали думать, что у них вовсе нет никакой “идеологии”, а сражаются они за общенациональные, общероссийские интересы. Кроме того, эйфория первых военных побед отодвинула в глазах армейского командования психологические методы ведения войны и долговременные пропагандистские стратегии на второй план.

Заметное изменение в отношении к пропаганде, сопровождавшееся структурной перестройкой осведомительных органов, происходит летом–осенью 1919 г. Под давлением главным образом внешних обстоятельств: неудач на фронте, активизации повстанческо-партизанского движения и коммунистического подполья, – Омское правительство значительно расширяет военно-пропагандистскую деятельность, надеясь тем самым мобилизовать население Урала и Сибири на борьбу с большевиками.

Важнейшую роль в системе антибольшевистской пропаганды играла периодическая печать. В то же время в деятельности информационно-осведомительных органов восточной контрреволюции очень часто имела место непосредственная коммуникация (лекции, доклады, проповеди и пр.), основным средством которой выступало живое слово.

Изучение деятельности осведомительных и культурно-просветительных учреждений обозначились также основные функции пропаган-

дистского аппарата белой Сибири в целом и официальной периодической печати в частности:

1. Политико-просветительная: информирование о текущих политических событиях.

2. Манипулятивная: объяснение и интерпретация информационных сообщений в соответствии с общей политической линией правительства с целью объединить усилия аудитории, побудить ее действовать в желаемом направлении.

3. Императивно-убеждающая: воздействие на аудиторию с целью обозначить и зафиксировать соответствующие отношения власти в качестве наиболее приемлемых в данной политической ситуации, а провозглашенных идеологических приоритетов и ценностей белого движения – как общезначимых.

4. Мобилизационная: проведение кампаний в поддержку тех или иных действий правительства, направленных на усиление военной мощи; мобилизация общественных сил на борьбу против большевизма.

5. Селективная: создание “образа врага”; отделение общности “мы” от враждебного “они”; углубление противоречий между действиями противника и интересами гражданского населения.

6. Дидактическая: политическая социализация в духе провозглашенных идеологических ценностей и господствующих социальных норм.

7. Развлекательная: организация культурного досуга, обеспечение рядовому и офицерскому составу армии средств расслабления, снятие за счет этого социальной напряженности.

Деятельность идеологического аппарата в этой связи воспринимается как функционирование особой подсистемы в рамках общей политической системы восточной контрреволюции. При этом активность пропагандистских органов была направлена на достижение легитимности антибольшевистских режимов, на поддержание стабильности политической системы белой Сибири в целом.

Однако военно-политический режим Колчака, претендовавший на главенство в общероссийском масштабе, не только не смог мобилизовать общественное сознание в соответствии со своими телеологическими установками, но даже выдвинуть приемлемый для всех антибольшевистски настроенных общественных сил, создать систему ценностей и символов, вокруг которой могли бы объединиться широкие слои населения.

Белые не смогли развернуть пропаганду своих идей на территории Советской России, как это сделали красные в регионах, контролируемых войсками контрреволюции. Такое положение дел наблюдалось на всех фронтах Гражданской войны. По признанию деникинского генерала А.А. фон Лампе, большевистская пропаганда была “могучим факто-

ром, разрушавшим белый тыл”. “В этом вопросе, – писал он, – красные преобладали, так как он был поставлен у них лучше, чем у белых, да и надо признаться, что лозунги, проводившиеся ими в жизнь, были всегда бесконечно более заманчивы для массы, чем то, что могли предложить ей пропагандисты белого фронта”¹.

Да и на своей территории, пропагандистский аппарат оказался не в состоянии объединить общественные силы в поддержку армии и тем самым в какой-то мере придать легитимность политическим режимам контрреволюции.

Анализируя же причины низкой эффективности пропагандистского аппарата Колчака и сибирской контрреволюции в целом, следует, на наш взгляд, выделить две группы факторов, определивших его низкую результативность. Первая заключалась в специфике организации самого пропагандистского аппарата, вторая – скорее проистекала из особенностей идеологического доктрины белого движения, а также напрямую зависела от реализации программных заявлений на практике и была обусловлена тем повседневным морально-психологическим и материально-бытовым микроклиматом, который колчаковский режим создавал и поддерживал на контролируемой им территории.

Вопреки достаточно впечатляющей картине деятельности многочисленных агитационно-осведомительных и культурно-просветительных организаций, результаты их работы были отнюдь не блестящи. Активизация правительственной пропаганды в основном сводилась, говоря словами Г.К. Гинса, к “бесконечному размножению осведов”. “Организации эти, – отмечал он, – требовали громадных ассигнований. Как они расходовали деньги, я затрудняюсь сказать, но что большинство из них работало впустую – это факт”.

В то же время пропагандистский аппарат Колчака оказался не в состоянии обеспечить фронт и тыл достаточным количеством агитационной литературы. Под впечатлением доклада министра внутренних дел В.Н. Пепеляева о его поездке на фронт военный министр генерал А. Будберг писал: “Для меня ценно только его решительное заключение о полной безрезультатности агитационной работы многочисленных осведомительных органов; он воочию убедился, что эта деятельность держится к Омской поверхности и очень слабо распространяется внутрь страны и вглубь населения”. Сходное мнение о деятельности правительственных органов пропаганды высказал вернувшийся из поездки на Алтай в составе отряда проповедников священник Пашцев. “Первое, что бросилось в глаза в Барнауле, – отмечал он, – это полное отсутствие

¹ Лампе А.А. фон. Причины неудачи вооруженного выступления белых // Деникин А.И., Лампе А.А. фон. Трагедия белой армии. М., 1991. С. 22–23.

агитационной литературы по городу. В городе совершенно нет национального движения, да и не может быть: большевики недалеко в окрестностях города, жители все время живут под впечатлением слухов то убийства кого-нибудь большевиками, то под страхом, что большевики придут и уведут в плен”. А газета “Русский голос” в статье, освещавшей поездку вербовочно-агитационного отряда поручика А.А. Роджера (ноябрь 1919), с некоторой долей удивления констатировала: “Оказывается, что даже ближайšie к городу Томску селения весьма мало осведомлены о том, что такое большевизм, какова его программа и деятельность, почему у живых сил страны идет упорная борьба с ним... Агитационной литературы, литературы осведомительной деревня почти не видела”.

Аналогичная ситуация наблюдалась и на фронте. По свидетельству Г.К. Гинса, доставившего в Тобольск большую партию изданий Русского общества печатного дела: “Офицеры и солдаты с жадностью набрасывались на литературу и газеты. Они совершенно не представляли себе, что делается на свете: где Деникин, где Юденич, что думает делать правительство”. Издававшаяся в Западной армии газета “Друг армии и народа” писала, что солдаты действующих частей “часто целыми неделями не видят печатного слова и армейскую газету иногда получают за две недели сразу”, а Особый отдел Управления делами Колчака открыто признавал, что потребности фронта в газетах удовлетворяются лишь на 1/20 часть.

Дело, однако, было не в отсутствии агитационной литературы как таковой, которая издавалась в значительном объеме, а скорее в неумении своевременно довести ее до войск и населения. В своих мемуарах Г.К. Гинс приводит характерный случай с выпускавшимся Русским бюро печати плакатным вестником (краткими официальными сообщениями, передаваемыми по телеграфу). “Но плакаты, – писал Гинс, – оставались известными только телеграфистам. В Таре я убедился в этом. То же самое происходило и в остальной Сибири. Генерал Будберг прислал мне телеграмму с дороги: «Медленно подвигаясь на Восток, убеждаюсь всюду в полном отсутствии осведомленности». Плакатный вестник не вывешивался даже на станциях”. Сам адмирал Колчак рассказывал Гинсу, что в Ишиме он наблюдал «полную неосведомленность даже в лазаретах”.

Следует обратить внимание и на содержательную сторону пропагандистских изданий контрреволюции. Осведомительные органы белой Сибири не стремились в выгодном свете показать реальную деятельность правительственных органов, а упорно повторяли одни и те же, общие, изрядно затасканные, превратившиеся в клише расхожие фразы. “Образцы противобольшевистских прокламаций, привозимых с фронта, – писал по этому поводу известный уральский кадет А.А. Кроль, – были детски наивны: в основе своей они имели то, что Ленин и Троцкий засели

в Кремле, лозунгом их было в разных вариантах то, что позже вылилось в стереотипное “бей жидов, спасай Россию”. С Уфимского фронта приходили известия, что большевики прекрасно утилизируют это, что они выпускают свои прокламации, воспроизводящие прокламации противника и указывающие: “Вот каковы наши противники – реакционеры, реставраторы и погромщики; вот что они пишут; вот – кто идет освобождать вас!”

Недостаток литературных и художественных сил вел к низкому уровню пропагандистских изданий. Это прежде всего касалось особенностей их лексики и стилистики. “Ошибочно почему-то полагают, – указывал М. Васильев в “Восточном курьере”, – что пропаганда, ведущаяся для народных масс, должна носить характер проповеди, избыточно сдобренной текстами или слащаво рассказанными притчами... И с грустью приходится сознаться, что наша «белая» пропаганда порядком-таки скучновата, а потому – малоубедительна”. Вопреки заявлениям, что “никаких подделок под народный язык не должно быть”, в действительности происходило все как раз наоборот и, в совокупности с «церковно-назидательным» тоном, существенно снижало уровень восприятия пропагандистских изданий. В той же мере это касалось агитационных плакатов. “Плакат, изображавший солдата, рвущегося в бой с красными, – отмечал Г.К. Гинс, – был издан, с разными вариантами, сразу пятью осведами и до того набил оскомину, что производил впечатление, противоположное тому, на которое был рассчитан”.

Руководитель Новониколаевского отделения Русского бюро печати в одном из докладов предлагал А.К. Клафтому: “1) Афиши и возвания на оборотной чистой стороне надо в нескольких местах замазать типографской краской (лучше по диагонали). Причины просьбы: добрые крестьяне, особенно в волостных управах и почте, пользуются афишами вследствие дороговизны бумаги. 2) Нельзя ли перед спуском в машину бумагу чем-либо опрыскивать, имея целью отбить охоту употреблять афиши на раскурку”. Таким образом, печатная продукция РБП и Осведверха нередко находила иное, отличное от предполагавшегося, применение.

Кроме того, официальные и официозные издания колчаковского правительства усвоили не самую лучшую традицию отечественной “казенной” печати: всячески замалчивать невыгодную для режима информацию и скрывать любые недостатки деятельности государственных органов. “Вся атмосфера нашего осведомления пропитана неискренностью, фальшью, ходулями, желанием все замазать и представить в розовом свете”, – констатировал генерал А.П. Будберг. В итоге, правительственная печать не имела кредита доверия ни в войсках, ни среди населения.

Не имели успеха и массовые пропагандистские акции, связанные с попытками широкого вовлечения в антибольшевистскую борьбу сибир-

ских казаков, добровольцев-крестоносцев и карпаторуссов. Особенно масштабный характер имела агитационная кампания в поддержку “добровольческого движения”, которая впоследствии приобрела четко выраженную религиозную направленность.

“Широкий размах” крестоносного движения, “грандиозный подъем” среди сибирских казаков и населения “подъяремной Карпатской Руси”, а также энтузиазм населения по этому поводу официальной печатью в значительной степени преувеличивался. Превалировавший в оценках данных акций экстатический компонент заслонял их реальную значимость и эффективность. Колчаковская пропаганда видела в них некие рецепты быстрого и чудодейственного избавления от большевизма и соответствующим образом на них реагировала.

Ко всему прочему, белое офицерство так до конца и не изжило негативного отношения к пропаганде. В сводке начальника осведомительной канцелярии штаба 3-й армии (октябрь 1919 г.) указывалось, что в Саткинском отдельном егерском полку “командный состав мало верит в необходимость и полезность работы по осведомлению и смотрит на нее скептически”, поэтому нужна “самая энергичная и напряженная деятельность, чтобы рассеять это недоверие”.

Директор-распорядитель РОПД А.К. Клафтон неоднократно жаловался на то, что военные власти, “не зная Бюро печати – «Что это за “частная” организация?» – чинили препятствия его агентам”. Кроме того, боевые командиры были убеждены, что в “осведах” находили себе убежища многочисленные офицеры и военные чиновники, уклонявшиеся от фронта.

Население, если даже и не сочувствовало большевикам, весьма пассивно относилось к деятельности правительственных органов пропаганды. “От обывателей приходится слишком часто слышать возмущенные речи об открытой большевистской агитации... – констатировала “Сибирская речь”, – но никто из обывателей не оказывает государственной власти реальной поддержки в борьбе ее с большевистской агитацией”.

Наличие всех этих факторов позволяет говорить о существенных упущениях, промахах и недостатках в деятельности идеологического аппарата сибирской контрреволюции. “Несмотря на работу целой кучи осведомительных, замазывательных и обелительных органов, нашим официальным сообщениям никто не верит, и поэтому нет ничего мудреного, что, встревоженный совершающимися событиями, обыватель пытается найти правду на стороне и делается легкой жертвой сплетников и фабрикатов новостей и сенсаций”, – резюмировал создавшееся положение генерал А. Будберг.

Особенность идеологии антибольшевистского движения заключалась в том, что составлявшие его группы, партии и течения от крайне

правых монархистов-черносотенцев до “умеренных” социалистов приносили элементы своих программных установок, превращая ее, таким образом, в некий политический калейдоскоп. Конвенциональная для большинства участников белого движения платформа “непредрешенчества” и, как следствие, расплывчатость идеологической доктрины и неясность политической программы на деле оказались препятствием для консолидации антибольшевистских сил и в значительной степени затрудняли работу органов пропаганды. Как признавал руководитель Осведверха полковник Г.И. Клерже, “в этом вопросе трудно было регулировать всю программу работы сверху, ибо самая политическая «установка», как говорят обычно большевики, в правительстве адмирала А.В. Колчака страдала серьезной неустойчивостью, противоречиями и подвергалась различным внешним и внутренним влияниям”. Весьма характерно, что сходную картину рисует в своих мемуарах глава деникинского Освага К.Н. Соколов. “Деятельность Отдела пропаганды, – писал он, – конечно, никогда не была удовлетворительна. Но она на каждом шагу сталкивалась с препятствиями, большею частью от воли работников отдела не зависящими... Из числа препятствий политических главным было именно отсутствие у нас политического курса”.

Формулой выражения “национально-государственной” идеи для лидеров белого движения стал лозунг “Единой и Неделимой России”, воплощавший, по их мнению, “пробуждение когда-то мощной, но давно задавленной русской стихии... пробуждение русской народной гордости, русского патриотизма, русской любви к прошлому, русского самосознания”. Теоретики контрреволюции полагали лозунг “Единой и Неделимой России” серьезным противовесом интернациональным устремлениям коммунистической идеологии. Редактор “Отечественных ведомостей” А.С. Белевский-Белоруссов, к примеру, был убежден, что “одного противопоставления национализма интернационализму достаточно, чтобы поднять дух населения против большевиков”. Поэтому в идеологической доктрине белого движения ему отводилось центральное место, а его пропаганде придавалось первостепенное значение. “Лозунгом наших дней, – писала омская газета “Русская армия” летом 1919 г., – является лозунг Единой Неделимой России. Лозунг этот объединяет различные общественные и политические течения и национальные группировки. Во имя его ведется героическая борьба на Урале, за Харьковом и под Петроградом. Он у всех на устах; это и понятно: в лозунге Единой России – узел всего нашего прошлого и ключ к русскому будущему”.

Однако, выражаясь словами Г.К. Гинса, “неясность политической физиономии” вкуче с объявленными идеями “Единой и Неделимой” не могли поддерживать благоприятный имидж российской контрреволю-

ции. «Единая и Неделимая» никаким лозунгом вообще не была, – с изрядной долей сарказма подметил И. Солоневич, – и по той чрезвычайно простой причине, что «делить Россию» большевики не собирались”. А современный отечественный исследователь В.П. Булдаков считает, что “белые все больше сходились с красными на вопросе о единой России, хотя последние видели в ней, скорее, строительные леса мировой сверхгосударственности”.

Таким образом, действенность пропагандистских усилий существенно снижалась не только за счет отсутствия четких политических ориентиров, но и вследствие использования лозунга, по существу такому не являвшимся.

Кроме того, военно-политические круги Омска в какой-то степени стали заложниками созданной их пропагандистской машиной иллюзорной картины окружающего их мира: они настолько были уверены в благополучном исходе и своей конечной победе, о которых так много трезво писала пресса, что когда разразилась военная катастрофа, они оказались к ней не готовы. Произошел именно тот случай, о котором писал немецкий социолог К. Мангейм: “В понятии «идеология» отражается одно открытие, сделанное в ходе политической борьбы, а именно: мышление правящих групп может быть настолько тесно связано с определенной ситуацией, что эти группы просто не в состоянии увидеть ряд фактов, которые могли бы подорвать их уверенность в своем господстве”. Итогом этого явилась неспособность омской правящей элиты адекватно проанализировать собственные неудачи и просчеты и сделать соответствующие выводы.

Главные же причины невысокой результативности белой пропаганды следует искать вне идеологического аппарата восточной контрреволюции. В условиях, когда не были урегулированы аграрные взаимоотношения, не решен рабочий вопрос, реквизиции, принудительные мобилизации, злоупотребления властью на местах и разгул “атаманщины” свидетельствовали не в пользу колчаковского режима. “Деятельность правительственных отрядов, милиции, а также местных правительственных агентов, – говорилось в “Отношении Томской губернской земской управы командующему 1-й Сибирской армией” генерал-лейтенанту А.Н. Пепеляеву от 11 декабря 1919 г., – подорвали в глазах широких кругов крестьянства от безземельного батрака до хозяйственно крепкого сибиряка-старожила, необходимый авторитет власти”¹. Сам же генерал Пепеляев еще в конце июня 1919 г. с горечью констатировал: “Вопрос о комплектовании частей солдатами поставлен необычайно остро. Начиная с первой мобилизации осенью 1918 г., проведенной неумело и поэтому

¹ Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917–1919 гг.). Томск, 1957. С. 490.

повлекшей за собой ряд восстаний по всей Сибири, обострившей отношение жителей к самой идее постоянной армии, тыл не дал фронту ничего”¹.

Карательные меры, к которым прибегали военные в деревне при отказе крестьян служить в армии; казни и порки, ставшие обычным явлением; своекорыстие и эгоизм финансово-промышленных кругов; невиданная спекуляция в тылу; продажность и взяточничество чиновников и полная неспособность правительства остановить все это настраивали население Сибири против власти адмирала Колчака. Оголтелый реваншизм правых, черносотенно-монархистских элементов и военщины изрядно запятнал “белые руки” контрреволюции, скомпрометировав белую идею в целом.

Антибольшевистская пропаганда оказалась бессильной на фоне общего прогрессирующего паралича власти, а потеря контроля в низовом аппарате управления лишила ее непосредственной связи с населением. В такой обстановке большевикам ничего не стоило обвинить белых в реставраторских устремлениях, доказать несостоятельность и обреченность контрреволюции. “Карательные отряды, – отмечал один из участников Гражданской войны, – были лучшими агитаторами за Советскую власть”².

Существенную роль в дискредитации белого движения сыграла ставка лидеров контрреволюции на военную и экономическую помощь иностранных держав. “Только благодаря союзникам, – писал уже в эмиграции генерал К.В. Сахаров, – национальное русское дело потерпело крах... “Союзникам” до России не было никакого дела, более того, национальное возрождение России для них являлось нежелательным, как что-то враждебное и опасное”³. В том же духе высказался и другой белый генерал – А.А. фон Лампе, указавший на то, что “союзники” работали на себя и “помощь” их белым была далеко не так реальна, как это принято изображать⁴.

Союз с интервентами мешал белым предстать в ореоле защитников национальных интересов России, чем незамедлительно воспользовались большевистские агитаторы, выставив лидеров контрреволюции “наемниками мировой буржуазии”, “хищными псами Антанты”. “Причудливая диалектика истории, – писал Н.В. Устрялов, – неожиданно выдвинула Советскую власть с ее идеологией интернационализма на роль на-

¹ Военно-исторический журнал. 1996. № 6. С. 81.

² Жигалин Я. Партизанское движение в Западной Сибири // Пролетарская революция. 1930. № 11. С. 98.

³ Сахаров К.В. Белая Сибирь. Внутренняя война 1918–1920 гг. Мюнхен, 1923. С. 313.

⁴ Лампе А.А. фон. Причины неудачи вооруженного выступления белых // Деникин А.И., Лампе А.А. фон. Трагедия белой армии. М., 1991. С. 21.

ционального фактора современной русской жизни; в то время как наш национализм... потускнел и поблек на практике, вследствие своих хронических альянсов и компромиссов с так называемыми "союзниками"¹. В свою очередь, белая пропаганда так и не смогла привести скольконибудь убедительные аргументы в пользу присутствия на русской территории иностранных войск.

Широкий спектр оппозиции политическому режиму восточной контрреволюции от пассивных форм (невыполнение правительственных указов, дезертирство) до активных выступлений (восстания, партизанское движение) явился ответной реакцией населения Сибири на его пропагандистские усилия. Совместно с действиями Красной армии он нанес решающий удар по колчаковщине, выявив как идеологическую, так и прагматическую слабость белого движения.

¹ Устрялов Н.В. В борьбе за Россию. Харбин, 1920. С. 5.

А

Адашева М.М 155
Адрианов А.В. 79, 104
Акерблом С.И. 155, 209
Александровский 108, 109
Алексеев М.В. 156, 171
Альтюссер Л. 14
Андогский А.И. 104, 123
Анзимиров В.А. 103, 209
Аносов И.И. 103, 104, 166
Аносова Е. 192
Апостол П.Н. 76
Аргус 104
Ардатов К.А. 175
Арнольд Л.В. 24, 51, 74, 75, 102, 104, 153, 201
Атмакин 34
Ауслендер С. (Гришин С.Н.) 104, 105, 155

Б

Базалийская О.Т. 11
Балакшин А.А. 71
Баранов Е. 129, 132
Барроу 195
Басманов 85
Башкиров А.И. 77
Белаш 96, 97
Белевский Г.А. 204
Белевский-Белоруссов А.С. 23, 52, 102, 105, 165, 221
Белл Д. 14
Белоблоцкий Я.Л. 85, 163, 165
Белков А.К. 6
Белов П.А. 114, 115
Берлин А.А. 178
Берсенева 77
Блиновский И.Я. 209
Блумер Г. 18
Блюменталь Э.Ю. 75
Бобков 67, 68
Богословский Б.П. 125, 126
Болдырев В.Г. 24, 45
Болдырев Д.В. 71, 78, 83, 102–104, 165, 183, 198, 199
Борисов М.И. 72, 73, 84, 104
Бородин А.П. 178
Браудо В.И. 44
Будберг А.П. 24, 69, 101, 198, 199, 216, 217, 219, 220

Будде Б.Е. 104, 183
Будилович Б.А. 172
Булаховский Л.А. 104
Булдаков В.П. 222
Бурцев В.Л. 50, 75, 76
Бутаков Г.Н. 31, 102
Бутов Т.В. 64, 71, 163
Бухвостов 176
Буяновский Н.Д. 71
Быстров Ф.М. 72

В

Васильев 103
Васильев М. 218
Ван Дейк Т.А. 15–17
Васильевский 35
Венецианов 60
Вернадский Г.В. 29, 30
Верховский Ю.Н. 104
Викторов-Топоров В.В. 76
Вильямс 76
Виссонов 175
Войтасик Л. 18
Волков А.А. 172
Вологодский П.В. 21, 24, 41, 113, 120, 121
Волховский А.И. 104
Врангель П.Н. 7
Вяткин Г.А. 31, 38, 39, 52, 57–79, 104, 105, 124, 125, 156, 181

Г

Гайда Р. 86, 96
Гамсун К. 175
Ган А. (Гутман А.) 104
Галахов И.Я. 104
Галкин 86
Гаркунов В.Г. 81
Гармиза В.В. 7
Гаттенберггер А.Н. 46, 47, 69
Гейнц Г.В. 74, 102
Геркен Ю.С. 102
Гессен С.И. 104, 166, 183
Гильдии Л.А. 211
Гинс Г.К. 24, 25, 31–33, 49, 60, 98, 113, 211, 216–218, 221
Глазунов А.К. 178
Гоголь Н.В. 178
Голиков Г.Н. 5
Гонтарев С.В. 44

Горяинов Н.М. 71
Гражданов Ю.Д. 10
Греков Н.В. 70
Гречанинов А.Г. 178
Григорьев Н.С. 103, 123, 124
Гришин (Алмазов) А.Н. 38, 172
Гурин 89
Гурьева Е.Г. 58

Д

Давыдов Л.Л. 77
Декарт 17
Деннике Б.П. 104
Деникин А.И. 7, 20, 76, 155, 156, 169,
171–174, 179, 217
Дикгоф-Деренталь А.А. 76
Диль Э.В. 103
Дитерихс М.К. 98, 200
Доброловский Н.А. 50
Докучаев В.С. 175
Дубровский П.Ф. 44
Дудкин 116
Думова Н.Г. 7

Е

Епимахов В. 187
Ефимов А. 130

Ж

Жардецкий В.А. 103, 104, 124, 165
Жигалин Я. 223
Житенев 35
Жук Г.Я. 103, 163
Журавлев Г.Т. 5

З

Загребин 166
Зак А. 50, 76
Зандор Л.А. 75
Зекин В.И. 103
Звягин С.П. 11, 12
Зими́на В.Д. 10, 28, 29
Знамировский Н.И. 183, 188
Зорин Б. 155
Зубов 102
Зыков М.Д. 72

И

Иванов 35
Иванов Б.П. 193
Иванов В.Н. 24, 29, 78, 102–105, 121,
122, 159, 164, 165, 199
Иванов И.А. 80
Извольский А.П. 50
Ильин И.А. 184
Ильинский П. 192
Иоффе Г.З. 7

К

Казанский Б.В. 85
Калабухов И.Г. 175
Калашников Н.С. 86, 125
Калинин 204
Калмыков И.П. 21
Кант И. 17
Каппель О.В. 94, 168
Каринская М.А. 176, 178
Карцев 172
Касаткин А. 190
Катаев 120
Катанаев Г.Е. 87, 123
Катков Н.Ф. 6, 7, 8, 189
Кашкадамов И.И. 86, 103
Кенез П. 4
Киселев 102, 123
Киселев Н. 140, 141
Клафтон А.К. 71, 83, 102, 159, 165, 102,
218, 220
Клерже Г.И. 24, 98, 99, 102, 105, 165,
176, 201, 220
Климович 94
Князев М.И. 155
Ковальский 77
Колесников 77, 104
Коломийцев 175
Колосов П.И. 5
Колчак А.В. 7, 11, 18, 20, 24, 25, 45, 52,
70, 76, 77, 86, 98, 105, 117, 121, 130, 144,
155, 156, 169, 172–174, 176, 177, 179,
181, 191, 196, 197, 201, 211, 215, 216,
221, 223
Кольчев В.Г. 6
Колобакин Б. 104, 165
Кондратьев 176
Коновалов А.И. 50, 75
Константинов С.И. 9, 11
Коробков А. 115

Коробов А.И. 71
Корнилов Л.Г. 156, 175
Корф 77
Кохан С.Г. 58
Кошеев Н. 187
Краковецкий А.А. 40, 41, 86
Крамаренко 102
Кривоносов 93
Кроль Л.А. 24, 218
Круглевский А.Н. 104
Кругликов А. 41
Кудрявцев В.А. 33, 57, 58, 60, 102, 104, 123
Кузнецов И.И. 80, 81
Кузнецов М. 204
Кунин И.К. 44

Л

Лабенский И.А. 155
Лавров Н.Ф. 44
Лампе А. фон 215, 224
Ларьков Н.С. 86
Лебедев Д.А. 88, 117
Левин М. 9
Лембич М.С. 172, 201
Лемке М.К. 114
Ленин (Ульянов) В.И. 156, 161, 218
Леонкавелло 178
Лессовой Е. 204
Лехно В.Б. 58
Липин Н.Н. 57
Литовченко Д.Д. 24
Локшин В.Б. 81
Луканин 119
Луцков 102
Львов 77
Любомиров П.Г. 104, 183
Лядов А.К. 178

М

Мак-Кул 171
Максимов А.А. 6
Макферсон 75
Малеев 60
Манкевич А.И. 31, 36, 46–49, 51, 53, 57, 69, 86, 102
Маннергейм 179
Манхейм К. 12–14, 222
Маркин 58

Маркович К. 131, 135
Марковский 201
Маркс К. 12–14, 17
Марьин В.Д. 6
Матик 102
Машкевич В.П. 57, 60
Машков 65
Мельников В.П. 187
Мельников Ф.Г. 166
Микулин В.П. 103, 104
Микулин П.А. 165
Миллер Е.К. 7, 172, 173, 179
Милоков П.Н. 76
Минин А.А. 44
Миролюбов Н.И. 199
Мирославская О.А. 209
Митаревский Н.А. 77
Михайлов И.А. 69, 124
Михайлов П.О. 58
Михайлов П.Я. 35, 36
Михайловский И.В. 103
Мишурус А.Л. 6
Моисеенко С.Н. 76
Мокринский С.П. 103
Молчанов Л.А. 11, 12
Морен Э. 28
Мухина Г.З. 5

Н

Назаров М.В. 9
Несмеянов Д.А. 188
Никитин А.Н. 10
Новаковский 102
Новицкий 172
Новомбергский Н.Я. 60, 104, 166
Новосельский 155

О

Овчинников 184
Огоньков 155
Огороков А.З. 6
Ольшевский И.Л. 185
Омороков Л.И. 103, 104
Ончук Н.Е. 204
Орбелиани Ф.Ф. 175
Орлов В.П. 57
Орлов М. 187
Островский А.Н. 178
Охотин 123

П

Пайпс Р. 28, 184
Парунин В.Е. 120, 121, 209
Пашкевич 119
Пашцев 216
Пепеляев А.Н. 96, 106, 223
Пепеляев В.Н. 24, 69, 94, 124, 128, 163, 216
Перемеловский 85
Перлин 35
Пермин Б.Г. 50, 84
Перс Б. 167, 171
Перфильев В.В. 172, 173
Петров П.П. 24
Петров Ю.П. 6
Плахинский 163
Подшивалов А.В. 103
Покладская А.А. 58
Покровский В. 104, 165
Поликарпов В.Д. 7
Поляков Ю.А. 6
Пономарев П.Ф. 33, 57, 58, 59, 102, 105
Попов И. 187
Поротиков 203
Посадсков А.Л. 6, 11, 69, 70, 211, 212
Посельский 60
Пославский 35
Потанин Г.Н. 79
Потоскуев А.Н. 57, 60, 146
Привалова Е.А. 8
Прокошнев П.А. 104, 186
Пругавин А.С. 103
Пуль 116
Пэрс 204

Р

Разгон И.М. 103
Рахманинов С.В. 178
Ребуль О. 17
Римский-Корсаков Н.А. 178
Роговин Н.И. 44
Роджер А.А. 216
Розанов С.Н. 116
Розенберг Д. 114, 119
Романов В.Р. 37, 86, 102
Рудаков М.П. 107, 108
Русецкий А. 188, 189, 190
Рысин Н.И. 103
Рябиков П.Ф. 202, 206
Рябов В.В. 209

Рязановский В.А. 103

С

Савинков Б.В. 75, 77
Савченко 35
Садвакасов 209
Садовский В.П. 183, 192
Салин Ю.Л. 72, 73, 74
Салнис 119
Сальников Д.Н. 24, 101, 102
Самсонов В.К. 52, 204
Санистебан Л.С. 17
Сапер М.Л. 44
Сапожников В.В. 104
Сараговец Е. 197
Сафонов 102
Сахаров К.В. 24, 223
Саянский А. (Меерович) 104, 131, 134, 135, 136, 137
Сверженский С.Б. 72, 102
Селезнев И.А. 6
Семенов Г.М. 21
Серебренников И.И. 24
Сильд В.Н. 57
Симонов Д.Г. 86
Синегуб Е.С. 52, 204
Синицин Н.М. 75
Скрябин С.А. 102, 116, 123
Словохотов В.А. 209
Смагин 35
Соболев А.Г. 78, 102
Соколов 34
Соколов А.К. 177
Соколов К.Н. 76, 221
Соловьев М.И. 112, 113
Солоневич И. 222
Соскин В.Л. 8, 117, 122
Сосонкин 34
Спальвин 50
Спирин Л.М. 7
Степанов А.П. 22, 121
Степанов П.А. 69
Ставров 89, 102
Старынкевич С.С. 185
Стоговский М. 104
Струве П.Б. 76
Суворин Б.А. 172
Суккин И.И. 51, 69
Сумбатов 177
Сухоняев Н.Н. 86
Сыромятников А.Д. 124

Сырцов А.И. 104, 165, 182, 183
Сычев 172
Сызьде В.М. 163

Т

Татарова Е.И. 103
Тарасов 35
Тельберг Г.Г. 33, 68, 69
Теодорович 50
Ткаченко А.Н. 110
Толстой-Милославский 89
Третьяков С.Н. 76
Троцкий Л.Д. 26, 156, 161, 218
Тугаринов Б.И. 84
Турунов А.Н. 6
Тыркова 76

У

Унгерн 21
Устрялов Н.В. 19, 24, 60, 71, 75, 78, 103,
169, 171, 183, 201, 224
Уфимский А. 195
Ухтомский А. 60
Ушакин С.А. 14
Ушаков Л.С. 33, 57, 58, 60, 64, 102

Ф

Фаин З.Г. 44
Фаске Дж. 17
Федорович М.И. 137
Фиолетов Н.Н. 103, 104, 165, 183
Фовицкий А.Л. 44, 45, 102, 166
Фомин В.П. 112
Фоминых С.Ф. 103
Фюре Ф. 14

Х

Хаген М. фон 27, 28
Харитонов К.П. 200
Хвостов М.М. 104, 159
Хильдермайер М. 27
Химский 58
Хорват Д.Л. 111

Ц

Цветков 34

Ч

Чабан Д. 103
Чайковский Н.В. 76

Чекин В.П. 78
Червен-Водали А.А. 172
Червинский 173
Черкасов М.В. 172
Чернецкий 176
Чехов А.П. 178
Чулков 100

Ш

Шамурин 89
Шанин Т. 26
Шапиро Л. 27
Шатагин Н.И. 5
Шелохаев В.В. 10
Шерковин Ю.А. 5
Шиканов Л.А. 10
Шилко К.П. 5
Шиловская Э.Л. 175
Шипков Г.Н. 44, 58, 72
Шипулин В. 191
Шкловский 50, 76
Шлиппенбах 102
Штыка А.П. 10
Шульгин В.В. 172
Шутяков 77

Щ

Щепановский Н.Е. 175
Щербаков В.М. 6

Э

Эдельман Д. 4
Эйнгорн И.Д. 190
Энгельс Ф. 12
Энгенфельд В.В. 34, 69
Эрахтан А.П. 199

Ю

Юденич Н.Н. 7, 179, 185, 193, 217
Юрко А.И. 6

Я

Яковлев Н.В. 58
Якушевский А.С. 6
Янчевецкий В.Г. (Янчевецкий-Кременц,
Василий Ян) 87, 88, 89, 102, 103, 105,
167
Яринский 34

Научное издание

Луков Евгений Викторович, Шевелев Дмитрий Николаевич

ОСВЕДОМИТЕЛЬНЫЙ АППАРАТ БЕЛОЙ СИБИРИ:
СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ, ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
(июнь 1918 – январь 1920 г.)

Редактор *А.И. Корчуганова*
Подготовка оригинал-макета *Ю.А. Сидоренко*

Подписано в печать 04.09.2007 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Гарнитура «Таймс». Печ. л. ; усл. печ. л. ; уч.-изд. л. .
Тираж 500. Заказ №

ОАО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ОАО «Издательство Асиновское», г. Асино, ул. Проектная, 24